

Пушкинский Молок
и
Ветхозаветный Молох

Е.М. ВЕРЕЩАГИН,
доктор филологических наук.
В.Г. КОСТОМАРОВ,
действительный член РАО

Озорная, шутильная, оставшаяся незаконченной поэма “Монах” лицейского периода (1813) не публиковалась при жизни поэта. В ней описано противоборство монаха Панкратия с “подземным чародеем” Молоком. Молок – французская форма имени Молох. Пушкин усвоил ее из французского перевода поэмы Мильтона “Потерянный рай”.

Фривольная фабула “Монаха” несложна. Монаху Панкратию до-
саждают бес по имени Молок:

Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.

Молок ничем не может пронять монаха и под конец искушает его видением “юбочки”. Чтобы избавиться от него, Панкратий засыпает. Молок, однако, навевает ему соблазнительные сны:

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.

Проснувшись, Панкратий молится Богу и получает внушение, как победить беса. Наполнив кувшин водою, он “забормотал над ним сло-

ва молитвы". Когда же исчезнувшая днем юбка под вечер появилась вновь, монах обливает ее заговоренной водой:

И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
"Ура! – вскричал монах с усмешкой злою, –
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутылъ, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я..."

Так Панкратий обретает силу над бесом: он намеревается навечно загнать его в бутылъ и бросить в колодезь. Молок признает свое поражение:

"Ты победил, почтенный старичок, –
Так отвечал смиренхонько Молок. –
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен..."

Желая спастись, Молок предлагает Панкратию свозить его в Иерусалим; Панкратий соглашается. После этого автор стихов обращает к монаху увещание:

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.

⟨...⟩

Если посмотреть, какие ассоциации связаны в пушкинской поэме с Молоком, то их, по нашим данным, окажется немало. (Мы используем методику исчисления "семантических долей", примененную нами в небольшой книге "Хранитель и Творец русского языка и культуры". М., 2000.)

Молок космат, вращает огненными глазами, наделен рогами и хвостом, ноги у него конские, с копытами, на руках-лапах звериные когти. У Молока есть крылья, и он летает. Как правило, любой бес представляется черным, но у Пушкина "тулово" Молока покрыто серой

щетиной. Молок меняет размеры (и превращается, например, в назойливую муху). Обычно черти наводят ужас, но Молок, облитый водой и дрожащий от холода, способен вызвать жалость.

Кроме того, Молок злобен, упорен и навязчив, действует преимущественно ночью (днем его власть исчезает), живет в аду, под землей, под стражей. Любой человек, даже монах, беззащитен перед наскоками Молока и может дойти до грехопадения, вплоть до того, что в него вселяется бес. Чем он искушает праведника? Богатством, блудом, ожорством и винопитием. Бес мутит человека (внушает ему греховные замыслы), но человек способен понять, кто его преследует. Если помолиться, то Молок не может противостоять действию молитвы и подчиняется христианским заклетьям. Так смертный человек получает возможность наказать беса, и тот молит о пощаде. Человек и бес иногда вступают в торг и в сделку.

Вот каков Молок у Пушкина! Но ведь Молок – это всего лишь пушкинский галлицизм.

Что нам известно о “подлинном” Молохе?

По происхождению имени, Молох – царь, высший владыка. Молох – ложный бог теплоты (солнца или подземного огня), и поэтому ему приносились огненные жертвы. Всесожжения совершались в долине Бен-Гинном на возвышенности Тофет, а впоследствии собственное имя долины стало именем нарицательным – наименованием ада (геенна огненная).

В народном представлении идол Молоха был отлит из металла – в виде человека, но с головой быка, увенчанной рогами. Его разогревали докрасна, а на распростертые руки клали младенца. Молох ненасытен, он непрерывно требует себе жертв, прежде всего человеческих, и древние иудеи приносили их. В постоянно дымившейся долине Гинном стоял смрад от горевшей человеческой плоти. Крики сжигаемых детей заглушались грохотом барабанов.

Обратимся к словарной дефиниции: *Молох* “употребляется как символ жестокой неумолимой силы, требующей множества человеческих жертв”. Например, *Молох войны*, *Молох Французской революции* (=гильотина), *кровавый /кровожадный/ ненасытный Молох, капиталистический Молох*. Вспомним название повести А.И. Куприна “Молох” (1896). Главный герой повести, инженер Бобров, указывая на завод, восклицает: “– Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови!”

Кроме того, культ Молоха был сопряжен с сексуальными оргиями, в том числе с содомией и скотоложеством. Как сам Бог, так и пророки Израиля на протяжении многих веков выступали против культа Молоха, “мерзости Аммонитской”; приверженность Молоху рассматривалась как нарушение Завета, как прелюбодеяние, а за следование культу Молоха Ветхий Завет предусматривает смертную казнь.

Сравним внешний вид ветхозаветного Молоха и пушкинского Молока. У обоих на голове рога, но у Молоха – козьи рожки, а на бычьей голове Молоха – огромные вытянутые рога.

В отличие от Молоха, у Молоха нет ни хвоста, ни копыт, ни когтей, ни крыльев. Молок живет в аду и под землей, тогда как Молох, хотя и является владыкой преисподней, все же одновременно обладает и небом, и солнцем. Наконец, если человек может оборониться от Молоха, перехитрить его и даже поставить себе на службу, то Молох всемогущ и неуловим.

Общее у них, пожалуй, только одно: оба – блудники, распутники, прелюбодее, и того же они требуют от людей. На этом сходство заканчивается.

Пушкинский Молок поэмы “Монах”, боящийся христианского Бога и подчиняющийся молитвам и заклетьям, это совсем не могущественный, беспощадный, кровожадный Молох Ветхого Завета.

Молок у Пушкина – русский бес. Точно так же у поэта и германский черт Мефистофель, невзирая на имя, во всем остальном – бес русский, фольклорный, которого не воспринимают всерьез и не боятся. И Молок под пером поэта приобрел отчетливые, неустранимые черты “оседлости” на Руси.

В творчестве Пушкина много заимствованных образов, сюжетов и мотивов, подражаний “арабскому”, “итальянскому”, “турецкой песне”, “французскому”, “древним”, “Корану”. Не приходится сомневаться во всемирной отзывчивости его гения. Но, как справедливо заметил Гоголь в статье “Несколько слов о Пушкине”, “поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии” (Гоголь Н.В. Собр. Соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 7. С. 261).

Это замечание Гоголя в полной мере относится и к образу пушкинского Молоха – библейского персонажа только по своему имени.

Комическое в романе “Евгений Онегин”

В.Г. ДОЛГУШЕВ,

кандидат филологических наук

Пушкин – непревзойденный мастер литературной шутки, розыгрыша, каламбура, эпиграммы, пародии. Словесная игра, всякого рода мистификации были той средой, в которой формировались литературные вкусы пушкинской эпохи. “И вот складывается целая система пародии, из которой и возникло дружеское литературное общество (Арзамас. – В.Д.), сыгравшее совсем немалую роль в становлении русской литературы” (Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2000. С. 248).

В литературной мастерской Пушкина – самые разнообразные приемы и средства создания комического: от тонкой иронии, пародии и автопародии до разящей, словно меч, политической сатиры (см.: Гаспаров М.Л., Смирин В.М. “Евгений Онегин” и “Домик в Коломне”: пародия и автопародия у Пушкина // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 254-264).

Особенно ярко талант Пушкина-сатирика проявился в многочисленных эпиграммах и пародиях, в сказках, в “Истории села Горюхина”.

Важными стилеобразующими средствами являются юмор, сатира, ирония в романе “Евгений Онегин”. Внимание исследователей уже привлекало доминирующее место иронии в стилевом единстве “Евгения Онегина” (см.: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 64).

Для создания эффекта иронии поэт использует всякого рода несоответствия, несовпадения. Так, описывая Ленского, Пушкин подчеркивает несоответствие между юным возрастом поэта и его напускной разочарованностью: “Он пел поблеклый жизни цвет Без малого в осьмнадцать лет”.

В характеристике “догадливого” плагиатора мосье Трике (“Поэт же скромный, хоть великий”) уступительный союз “хоть” говорит о тщеславных притязаниях этого дилетанта, о его напыщенности.

Популярная в среде уездных барышень гадательная книга Мартына Задеки – толкователь снов – высокопарно названа: “сие глубокое творенье”.

Иногда поэт, описывая своих персонажей, употребляет исторические или мифологические имена в целях создания комического эффекта. Кутилу и беспутного пьяницу Зарецкого, который умудрился свалиться с коня, “как зюзя пьяный”, почему и достался в плен французам, Пушкин называет: “Новейший Регул, чести бог”, иронически уподобляя полководцу Древнего Рима, прославившемуся своим стойким поведением в плену у врагов.

Условно-поэтическое имя Филлида никак не соответствует характеру живой и непосредственной Ольги: “Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль увидеть мне Филлиду эту, Предмет и мыслей, и пера, И слез, и рифм et cetera?...”

Пушкин широко использует и такой прием создания иронии, как столкновение в одном контексте стилистически разнородной лексики: “пиит армейский”; “Пою приятеля младого И множество его причуд”. Этот “механизм иронии”, составляющий “один из основных ключей стиля романа”, достаточно подробно рассмотрел Ю.М. Лотман в указанной работе. Мы же приведем пример пародии на язык романтической поэзии с контрастным лаконичным “переводом” велеречивых излияний Ленского на обычный разговорный язык: «Он мыслит: “Буду ей спаситель. Не потерплю, чтоб развратитель Огнем и вздохов и похвал Младое сердце искушал; Чтоб червь презренный, ядовитый Точил лилеи стебелек; Чтобы двухутренний цветок Увял еще полуоткрытый”. Все это значило, друзья: С приятелем стрельяюсь я».

Часто пушкинская ирония строится на алогизме – неожиданном повороте в ходе рассуждений, мыслей персонажа или автора, неожиданном сочетании слов. Так, Ленский, описывая Ольгу, уже одной последовательностью перечислений производит комический эффект: “Ах, милый, как похорошели у Ольги плечи, что за грудь! Что за душа!...”

Сколько горькой иронии в неожиданном заключении лирического отступления: “Родные люди вот какие: Мы их обязаны ласкать, любить, душевно уважать И, по обычаю народа, О рождестве их навещать Или по почте поздравлять, Чтоб остальное время года Не думали о нас они...”

Ирония автора направлена не только на персонажей романа, но и на самого себя, и на читателей, и на их реакцию: “Дай бог, чтоб в этой книжке ты Для развлечения, для мечты, Для сердца, для журнальных

сшибок Хотя крупницу мог найти”; “Иди же к невиским берегам, Ново-рожденное творенье, И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань!”.

В XL строфе II главы, говоря о себе, поэт использует прием замены логически ожидаемого словосочетания “любитель поэзии” антонимическим “невежда”: “Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда На мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт!” Еще один пример блестящей авторской самоиронии – XXXV строфа IV главы: “Да после скучного обеда Ко мне забредшего соседа, Поймав неожиданно за полу, Душу трагедией в углу”.

К разнообразным приемам сатиры обращается Пушкин, создавая образы уездных помещиков – гостей Лариных. И прежде всего – идущую из XVIII века традицию “говорящих” фамилий (здесь и Скотинины, и Петушков, и Буянов, и Пустяков). В этой сцене именин – обыгрывание многозначности эпитета (“Храпит тяжелый Пустяков С своей тяжелой половиной”: тяжелый “опьяневший” и тяжелый “тучный”); употребление слова в переносном значении (“И Флянов, не совсем здоровый”, т.е. под хмельком); алогизм при характеристике персонажа (“Гвоздин, хозяин превосходный, Владелец нищих мужиков”).

От иронического подшучивания над собой и читателем до социальной сатиры – таков диапазон комического в “Евгении Онегине”.

Средства его создания играют в романе важную функциональную роль. Сочетания стилистически разнородных пластов лексики, употребление слов в непривычном контексте, в ироническом смысле создают, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, “множественную точку зрения”, которая и становится центром своеобразной надсистемы (Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 67). Отсюда неоднозначность восприятия пушкинского текста, неисчерпаемость романа, в котором каждое новое поколение открывает новое содержание. Причина такого восприятия “Евгения Онегина” во многом кроется в его стилистике, в своеобразии комического.

Киров

МЕРТВЫЕ ДУШИ: КТО ОНИ?

О названии поэмы Н.В. Гоголя

В.А. ВОРОПАЕВ,

доктор филологических наук

Гоголь любил повторять, что не будут живы его образы, если каждый читатель не почувствует, что они взяты “из того же тела, из которого и мы”. Это свойство гоголевских образов – некую узнаваемость, близость душе каждого из нас – отмечали уже современники писателя. “Не все ли мы после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? – размышлял в своем дневнике Герцен в июле 1842 года. – Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой – буйствует а la Nosdreff, третий – Плюшкин...”. “Каждый из нас, – писал Белинский в статье «Ответ “Москвитянину”», – какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, – то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя” (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 8. С. 312; далее – только том и стр.).

В православной аскетике есть понятие присутствия любого греха в человеке; если он обратится к своей душе, то увидит все... и среди всего – нечто *преобладающее*. Общеизвестно, что определяющей чертой гоголевских типов является *пошлость*. Но что такое пошлость? В старом, первоначальном значении, ныне уже утраченном, *пошлый* – обыкновенный, заурядный, ничем не примечательный. В начале шестой главы “Мертвых душ” Гоголь употребляет это слово именно в таком значении. Автор говорит, что прежде, в лета его юности, ему случалось подъезжать к какому-нибудь новому месту и оно представляло перед ним свою “не пошлою наружность”.

По признанию самого писателя, главное свойство его таланта определил Пушкин: “Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем” (Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 77; далее – только том и стр.). Белинский оспорил пушкинское определение “дара” Гоголя. Особенность его таланта, утверждал критик, “состоит не в исключительном только даре живописать ярко пошлость жизни, а проникать

в полноту и реальность явлений жизни. (...) Ему дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный” (8, 313).

Однако чем же тогда пошлый человек отличается от не пошлого? Тот же Белинский писал, что “порядочный человек не тем отличается от пошлого, чтобы он был вовсе чужд всякой пошлости, а тем, что видит и знает, что в нем есть пошлого, тогда как пошлый человек и не подозревает этого в отношении к себе; напротив, ему-то и кажется больше всех, что он истинное совершенство” (8, 312–313). Герои Гоголя пошлы, так как они мертвы духовно. Поэтому своеобразным ключом к смыслу поэмы является ее название.

Прежде всего, оно имеет буквальное значение, связанное с сюжетом. Мертвые души – это “товар”, который покупает Чичиков, а именно души умерших крестьян, которые по ревизским сказкам числятся живыми. (Ревизская сказка – именной список крепостных крестьян, составлявшийся при переписи, т.е. ревизии. Ревизия производилась раз в семь-десять лет для исчисления подушной подати, которая взималась по числу мужчин-крепостных. Крестьяне, внесенные в список, назывались “ревизскими душами”. Число их оставалось неизменным до следующей переписи.) Недаром Коробочка жалуется Чичикову: “Народ мертвый, а плати, как за живого”. Гоголь вкладывает в уста Чичикова и других героев поэмы по отношению к приобретенным душам слово “мертвые” вместо принятого в официальных документах “убылые”. В этой связи Погодин писал ему 6 мая 1847 года: «“Мертвых душ” в русском языке нет. Есть души ревизские, приписные, убылые, прибылые». Гоголь хотел придать этими словами особенный смысл не только афере Чичикова, но и всему произведению (Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 417).

Гораздо важнее буквального – иносказательный, метафорический смысл названия поэмы. Мертвые души – это помещики и чиновники, сам Чичиков. Этот смысл был очевиден уже для первых читателей Гоголя. Так, Герцен записал в дневнике в 1842 году: “...не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti (все прочее. – В.В.) – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу”.

Но есть в названии книги и глубокий *духовный* смысл. Он раскрыт Гоголем в предсмертной записи: “Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник” (6, 392). Укажем библейский первоисточник, которым вдохновлялся писатель: “Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник...” (Ин. 10, 1).

По Гоголю, души его героев не вовсе умерли. В них, как и в каждом человеке, таится подлинная жизнь – образ Божий, а вместе с тем и надежда на возрождение. О том, что такое жизнь и смерть души, го-

ворит один из великих учителей Церкви, преподобный Симеон Новый Богослов: “Христос приходит, и пришествием Своим воскрешает мертвую душу, и дает ей жизнь, и дарует благодать видеть, как Он Сам воскресает в ней и ее воскрешает. Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святого Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в нас. Прежде же чем душа соединится с Богом, прежде чем узрит, познает и восчувствует, что воистину соединена с Ним, – она бывает совсем мертва, слепа, бесчувственна; но при всем том, что мертва, все же по естеству своему бессмертна” (Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1890. С. 257).

В Толковом словаре Владимира Даля одно из значений слова “мертвый” – “человек невозрожденный, недуховный, плотской или чувственный”. Это значение близко к тому, в котором употребляет данное слово и Гоголь. Например, Манилов ведет жизнь исключительно материальную (плотскую, чувственную), поэтому настоящей жизни (то есть духовной) в нем нет: он мертв, как и другие помещики, как и сам Чичиков.

Выражению “мертвые души” именно Гоголь придал тот специфический смысл, в котором мы употребляем его и сегодня. Однако писатель шел здесь от евангельской традиции, к которой и восходит понимание “мертвой” души как духовно умершей. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному святым апостолом Павлом: “Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут” (1 Кор. 15, 22). С этим связана и главная идея “Мертвых душ” – идея духовного воскресения павшего человека. Ее должен был воплотить в первую очередь главный герой поэмы. “И, может быть, в сем же самом Чичикове [...] заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес”, – предсказывает писатель в XI главе “Мертвых душ” грядущее возрождение своего героя, то есть оживление его души.

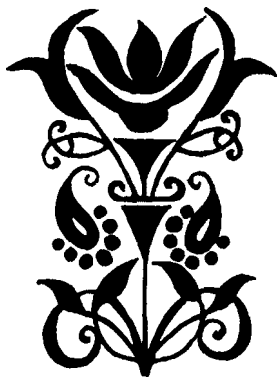
Есть основания полагать, что намек на предстоящее нравственное перерождение Павла Ивановича Чичикова содержится уже в самом его имени. В мировоззренческих представлениях Гоголя послания святого апостола Павла, который “всех наставляет и выводит на прямую дорогу” (из письма Гоголя к сестре от 20 января (н.ст.) 1847 года), занимают исключительно важное место. Как известно, апостол Павел был одним из гонителей Христа, а потом стал распространителем христианства по всему миру.

Было бы, однако, неверным думать, что в последующих томах Гоголь намеревался сделать Чичикова “добродетельным человеком”. Гоголевские высказывания на этот счет, как и уцелевшие главы второго тома, не дают оснований для такого заключения. Александр

Матвеевич Бухарев (в монашестве архимандрит Феодор), не раз беседовавший с Гоголем о его сочинении, в позднейшем примечании к своей книге “Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году” рассказывает: “Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора “Мертвых душ”, желал только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то и его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма”.

По всей вероятности, Гоголь хотел провести своего героя через горнило испытаний и страданий, в результате которых он должен был бы осознать несправедливость своего пути. Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, по-видимому, и должны были завершиться “Мертвые души”. Знаменательно, что как в “Ревизоре” настоящий ревизор появляется по повелению Царя, так и в поэме в воскрешении героя должен был принять участие сам Государь.

Возродиться душой должен был не только Чичиков, но и другие герои, – даже Плюшкин, может быть, наиболее “мертвый” из всех. В письме “Предметы для лирического поэта в нынешнее время”, адресованном Н.М. Языкову, Гоголь восклицал: “О, если бы ты мог сказать ему (прекрасному, но дремлющему человеку. – *В.В.*) то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома...” (6, 64–65). На вопрос архимандрита Феодора, воскреснут ли прочие персонажи первого тома, Гоголь отвечал с улыбкой: “Если захотят”. Духовное возрождение – одна из высших способностей, дарованных человеку, и, по Гоголю, этот путь открыт всем. И это возрождение должно было совершиться на основе “коренной природы нашей, нами позабытой”, и послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества. В этом и заключалась одна из “сверхзадач” поэмы Гоголя “Мертвые души”.

Жемчуг в русской литературе

Т.В. ГРАЧЕВА,

кандидат филологических наук

Жемчуг был одним из самых распространенных и любимых украшений на Руси. Им расшивались и царские одежды, и праздничные наряды крестьян. Образ жемчуга как значимая деталь художественного повествования появляется в произведениях русской классики разных эпох (о бытовании в русской культуре слова *жемчуг* и его производных см. статью А.Н. Шустова “Маргарин – брат перловки” // *Русская речь*. 1997. № 4).

В “Слове о полку Игореве” упоминание о жемчуге связано с двумя устойчивыми ассоциациями. С одной стороны, жемчуг издавна стал символом духовной чистоты. И автор “Слова” так повествует о князе Изяславе, который был покинут братьями в трудную минуту и погиб, защищая землю от врагов: “Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго – Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чрьсь злато ожерелие” (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 382). С другой стороны, не умея объяснить подлинного происхождения жемчуга, древние люди считали его слезами русалок. Поэтому, по народным поверьям, даже приснившийся жемчуг воспринимался как предвестие грядущих несчастий и слез. В “Слове” киевский князь Святослав поверяет приближенным свой вещий сон, полный недобрых предзнаменований. И одно из них – “великий жемчюгъ”, которым будто бы осыпали князя (Там же. С. 378). В то же

утро он услышит горестное известие о гибели в далекой половецкой степи дружины Игоря. А затем половцы ринутся на Русь опустошительным набегом. По этому поводу и произнесет Святослав свое “злато слово, слезами смешено” (Там же. С. 380).

Н.А. Некрасов в поэме “Мороз, Красный нос”, повествуя о том, как горевала в лесу овдовевшая Дарья, прямо уподобляет ее слезинки жемчугу:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет –
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;
Другую на дерево кинет,
На плашку, – и, смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет –
Бела и кругла и плотна.

(Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 93). “Слезы мои не жемчужины, Слезы горюшки-вдовы”, – причитает Дарья (Там же. С. 97).

Традиционное сопоставление в человеческом восприятии жемчуга и слез привело к тому, что в русской бытовой культуре сложилось двойственное отношение к этой драгоценности. Семейный, передаваемый по наследству жемчуг являлся семейной гордостью, но использовать жемчуг в качестве подарка было нежелательно, чтобы не накликал беду на человека. А.С. Пушкин, хорошо знавший народные поверья и приметы, обыграл роковую роль дареного жемчуга в своей трагедии “Русалка”. Князь, покидая обманутую им девушку, на прощанье сам надевает на нее жемчужное ожерелье. И она вдруг почти физически чувствует гнетущую силу недоброго дара:

Холодная змия мне шею давит...
Змеей, змеей опутал он меня,
Не жемчугом.

(Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 7. С. 196). Разорвав ожерелье и сорвав с головы дорогую повязку, девушка бросается в реку.

Этот же сюжет развивает поэт и в балладе “Яныш королевич”, вошедшей в цикл “Песни западных славян”:

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любuse, чешской королевне.
С прежней любой едет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Две гремячие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье...

(Там же. С. 360).

Количество жемчужных ниток словно олицетворяет роковое для героини число: Яныш покидает ее на третий год знакомства. Елица повторит судьбу героини “Русалки”. И в обоих случаях ожерелье из “русалочьих слез” не только становится вестником несчастья – разбитой любви и гибели героинь, – но словно околдовывает их, открывая им путь в русалочье царство.

Позднее Ф.М. Достоевский в романе “Идиот” использует узнаваемый пушкинский мотив. Богач Тоцкий, задумав жениться, ищет возможность благопристойно, без скандальной огласки расстаться с Настасьей Филипповной, некогда соблазненной им. Помогавший ему в этом генерал Епанчин преподносит Настасье Филипповне аналогичный подарок – “удивительный жемчуг, стоявший огромной суммы”. Не случайно дорогой дар молодой женщиной “был принят с любезностью слишком холодной, и даже с какою-то особенною усмешкой” (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 44, 116). В тот же вечер при гостях она возвратит жемчуг генералу. Однако это уже не спасет ее от трагической участи. Как и пушкинских героинь, ее ожидает гибель.

Герой рассказа Н.С. Лескова “Жемчужное ожерелье” Васильев, известный своим богатством и скупостью, накануне свадьбы любимой дочери Машеньки делает ей “совершенно непозволительный и зловещий подарок. Он сам надел на нее при всех за ужином богатое жемчужное ожерелье...”. Эффект получился неожиданный: “Машенька, получив подарок, заплакала”. А одна гостья сердито укорила Васильева за неосторожность: “Выговор ему за подарок жемчуга следовал потому, что жемчуг знаменует и предвещает слезы (Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 442). Оказалось, что и самому хозяину известна была эта примета. Он заявляет: “Я, сударыня, тоже в свое время эти тонкости проходил, и знаю, чего нельзя дарить”. С уверенностью знатока, разбирающегося в этих вещах, он даже вносит уточнение: подобные поверья относятся большей частью к морскому жемчугу, но могут не распространяться на пресноводный, наоборот,

благоприятствующий человеку”. Доказывая, что легенды и запреты, касающиеся жемчуга, это – “пустые предрассудки”, Васильев приводит в пример Марию Стюарт, которая из суеверия носила только пресноводный жемчуг, “из шотландских рек, но он ей не принес счастья”. Дочери же Васильев дает загадочное обещание: “Но ты, мое дитя, не плачь и выбрось из головы, что мой жемчуг приносит слезы. Это не такой. Я тебе на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебе никаких предрассудков бояться нечего...” (Там же. С. 442–443).

Однако пример Марии Стюарт оказался неудачным, ее трагическая судьба только подтверждала молву о недобрых свойствах жемчуга. И финал рассказа, повествующий о счастливом замужестве Маши, тоже не опровергал народных поверий. Просто жемчуг оказался поддельным и потому не имеющим никакой магической силы. С одной стороны, Васильев хотел таким образом испытать бескорыстие своего зятя. Но с другой, как ни стремился он на словах казаться противником “предрассудков”, однако же не рискнул все-таки переступить через приметы, утвержденные веками.

В некоторых произведениях жемчуг выступает символом любовного искушения. Так, в пьесе А.Н. Островского “Снегурочка” “торговый гость” Мизгирь, вернувшийся из дальних краев, хвалится перед Снегурочкой, что он добыл жемчуг,

Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.
Купить его нельзя; полцарства стоит
Жемчужина. Сменяться? Вещи равной
Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменяемся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.

Но простодушные сердца берендсеев живут по иным законам, и Снегурочка отвечает:

Бесценный жемчуг
Себе оставь; не дорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь.
Но не с тобой, Мизгирь.

(Островский А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 6. С. 420).

Позднее И.С. Тургенев напишет повесть “Песнь торжествующей любви” и, возможно, не без влияния пьесы “Снегурочка” сделает

вставку в беловом автографе, рассказывающую о дорогом подарке, который Муций, вернувшийся из дальних стран, преподнес жене своего друга. Среди привезенных им экзотических редкостей было “богатое жемчужное ожерелье, полученное Муцием от персидского шаха за некоторую великую и тайную услугу; он попросил позволения у Валерии собственноручно возложить ей это ожерелье на шею; оно показалось ей тяжелым и одаренным какой-то странной теплотой... оно так и прильнуло к коже” (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Т. 10. С. 51). С этого подарка и началась таинственная магия обольщения, воздействие которой привело Валерию, помимо ее воли, в объятия Муция.

И в “Снегурочке”, и в “Песни торжествующей любви” эквивалентом, равноценным редкостному “царскому” жемчугу, становится любовь. Но у Тургенева эта тема получает новое развитие. Если в “Слове о полку Игореве” человеческая душа уподоблялась жемчугу (“жемчужная душа”), то в фантастическом контексте тургеневской повести в жемчуг словно вселяется неутоленный жар души Муция. И ожерелье, будто живое, приобретает “странную теплоту”, льнет к Валерии, как и Муций стремится к ней всеми своими помыслами. Со смертью Муция рассеиваются колдовские чары, и Валерии кажется, что она знает, как разорвать ту незримую связь, которая соединила ее с Муцием. Она просит мужа: “Возьми ты эту вещь! – она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночном столике, ожерелье, данное ей Муцием, – и брось ее тотчас в самый наш глубокий колодезь”. Тургенев обыгрывает и распространенное убеждение, будто жемчуг тускнеет, если его владелец заболевает или умирает: “Фабий взял ожерелье – жемчужины показались ему потускневшими” (Там же. С. 64).

Характерно, что и у Островского, и у Тургенева акцентируется “заморское” происхождение жемчуга. Муцию подарил его “персидский шах”, Мизгирь добыл его “у острова Гурмыза, где теплое бушующее море...” (Там же. С. 420). С одной стороны, тема восточной экзотики органично вплеталась в художественный контекст и “весенней сказки” Островского, и фантастической повести Тургенева. Но следует также обратить внимание, что оба произведения создавались в 70-е годы XIX века. Послереформенная эпоха с бурным развитием капиталистического хозяйства неблагоприятно сказалась на российской экологии. Караваны судов и барж, сплав леса, прибрежные фабрики и заводы бесконтрольно загрязняли русские реки. И раковины-жемчужницы, водившиеся только в чистой воде, оказались на грани полного исчезновения. По данным Брокгауза и Ефрона, Россия накануне ре-

формы продала за рубеж жемчуга на 181520 рублей, а десятилетие спустя, в 1870 году, – только на 1505 рублей (Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь). В это время жемчуг начал уже подсознательно восприниматься как сказочная редкость, которую можно найти только в каких-нибудь далеких, не тронутых европейской цивилизацией странах.

А.Н. Островский в пьесе “Комик XVII столетия”, восстанавливая бытовые реалии прошлого допетровской Руси, вспоминает и о том, что тогда обилие и дешевизна русского жемчуга делали его доступным людям всех сословий. Когда в дом вдовы-золотошвей Перепечиной являются гости, чтобы высватать ее дочь Наталью за Якова, сына приказного, осмотр приданого невесты начинается с ларчика, наполненного жемчугом. Перепечина хвастается: “Ссыпного есть в ларце. Глядите сами – Скатистый и чистый”. Все внимательно рассматривают содержимое ларчика. А Наталья, давно влюбленная в Якова, чувствуя, что цена жемчуга становится ценой ее счастья, с неудовольствием замечает: “Торгуются, как лошадь продают” (Островский А.Н. Указ. соч. С. 254–255). Но и в этой завязке пьесы обыгрываются народные поверья о недобрых свойствах жемчуга. Именно из-за него начинаются раздоры между сватами и Перепечиной, чуть не закончившиеся полной размолвкой.

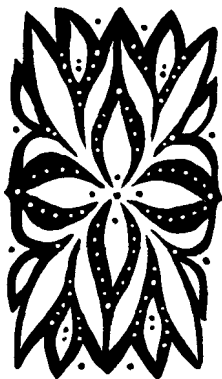
В пьесе Л.А. Мей “Царская невеста” жемчуг так же является предметом торга и так же тема жемчуга переплетается с темой любви, но в ином варианте. Любаша предлагает свое заветное жемчужное ожерелье лекарю Бомелию в обмен на зелье, которое могло бы “иссушить” Марфу Собакину, чья красота привлекла сердце Григория Грязного. Однако Бомелий требует, чтобы за его услугу Любаша заплатила своей любовью. Григорий вместе с опричниками выкрал Любашу из родного дома, но вскоре охладел к ней. Жемчуг и перстень с изумрудом, которые девушка обещала Бомелию, являлись подарками Григория.

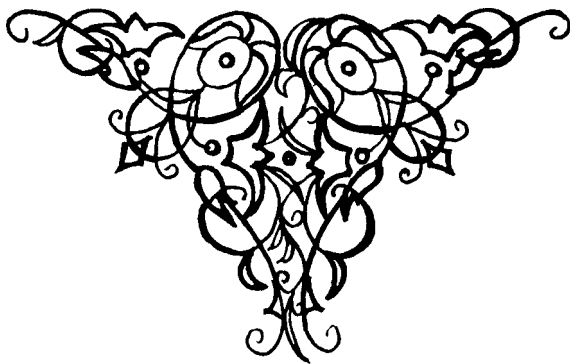
Таким образом, в пьесе Мей реализовался и пушкинский мотив: жемчуг, подаренный Любаше, оказывается вестником печали и скорой разлуки с возлюбленным. В другом же эпизоде пьесы жемчуг выступает в роли приворотного талисмана. Сабурова рассказывала, как во дворце происходил выбор царской невесты и как разряжены были представленные царю красавицы: “Что жемчугу! Когда бы весь осыпать, Ну, право, наберется четверик! На Колтовской одной так даже страшно...” Невиданное обилие жемчуга, украшавшее девушку, обратило на нее внимание государя: “... С Колтовской шутить изволил, Что жемчуг ей, чай, руки оттянул” (Мей Л.А. Избранные произведения. Л., 1972. С. 389–390).

И хотя в этот раз выбор царя пал на Марфу Собакину, однако зритель, знакомый с русской историей, помнил, что после скоропостижной смерти Марфы Иван Грозный сделал своей супругой именно Анну Колтовскую. Но ее судьбе вряд ли кто мог бы позавидовать.

Так образ жемчуга, окруженный ореолом таинственности и неразрывно связанный с драматическими любовными коллизиями, стал в русской литературе символом вечной как мир женской печали.

Рязань

МОТИВ ТУМАНА В ПРОЗЕ ТУРГЕНЕВА

*О.М. БАРСУКОВА,
кандидат филологических наук*

В произведениях Тургенева 1860–70-х годов нередко встречается упоминание о тумане. Этот повторяющийся мотив выступает как сравнение, метафора, деталь пейзажа, наделенные символическим значением. Он становится особенно заметным в “таинственных повестях” Тургенева.

Жанр “Призраков” был обозначен писателем как “фантазия”; Тургенев просил читателя не искать в предлагаемой фантазии никакой аллегории или скрытого значения, а просто видеть в ней ряд картин, связанных между собой довольно поверхностно. Связующим началом в этой серии картин служит некая загадочная фигура по имени Эллис. Ряд эпизодов-фантазий “Призраков” объединяется высокой (в буквальном и переносном смысле) позицией героя по отношению к человеческой жизни (индивидуальной и коллективной), истории, ценностям цивилизации. Эллис позволяет герою стать на “точку зрения вечности”. Пытаясь разгадать природу таинственной Эллис, одни видели в ней аллегорическое изображение музы Тургенева (Ветринский Ч. Муза-Вампир // Творчество Тургенева. М., 1920), другие – дух, для которого герой рассказа являлся медиумом (Фишер В.М. Таинственное у Тургенева // Венок Тургеневу. Одесса, 1919. С. 91–104).

Для нас важно, что Эллис является герою как существо, воплотившее в себе одну из сокровенных тайн жизни, духа, вселенной. И Тургенев стремится не только раскрыть эту тайну, но и обнаружить само ее существование, неожиданное вторжение в реальность сил мира

иного. Эллис – не дух и не материи, она казалась герою “сотканной из полупрозрачного молочного тумана” (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.-Л., 1960–1968. Т. IX. С. 81; далее – только том и стр.). Этот образ неоднократно варьируется в произведении, он возникает при первом появлении таинственного призрака: “Передо мной, сквозя как туман, неподвижно стоит белая женщина” (IX, 78). Исчезая, “призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым, – и луна опять мирно забелела на гладком полу” (Там же). “Что ты такое, дым, воздух, пар?” – вопрошает герой (IX, 81). “Безжизненный, туманный призрак, тень”, – повторяет он далее (IX, 106). В ее лице ему видится “туманная белизна”. В конце свидания Эллис исчезла, “растаяла, как пар” (IX, 88). Отметим, что мотив тумана образует здесь синонимический ряд: *туман–дым–пар*. Особенно поражает и даже пугает героя впечатление, возникшее в одну из белых ночей в Петербурге, куда перенесла его Эллис: “Облик Эллис исчезал совершенно, таял, как утренний туман на июльском солнце” (IX, 104).

Когда герой пытается разгадать тайну Эллис и обращается к ней с вопросами, она внезапно напускает на него туман – он не должен быть слишком настойчивым в своих попытках узнать запретное. Эта же белая пелена окутывает его при резких перемещениях в пространстве, причем она обладает наркотическим действием, одурманивает сознание героя: “Эллис накинула мне на голову конец своего длинного висячего рукава. Меня тотчас охватила какая-то белая мгла со снотворным запахом мака. Все исчезло разом: всякий свет, всякий звук – и самое почти сознание. Одно ощущение жизни осталось – и это не было неприятно” (XI, 99). Такая защита необходима сознанию героя, наделенного всего лишь человеческими возможностями и неспособного самостоятельно адаптироваться к тому миру, который открывает ему Эллис. Эта белая пелена, похожая на туман, упоминается в тексте несколько раз. Герой сам просит: “Закрой мне голову своей пеленой, а то мне дурно делается” (IX, 104).

Подобным значением (завеса, защита) наделяется отмеченный мотив и в повести “Несчастная”. Туман отгораживает упоенную счастьем героиню от мира лжи, зла, насилия, который окружает ее и грозит разрушить ее хрупкое блаженство: “Я уже вся отдалась будущему: я ничего не видела вокруг, точно я плыла по прекрасной, ровной, но стремительной реке, окруженная туманом. А за нами наблюдали, нас сторожили. Изредка я замечала злые глаза моего вотчима, слышала его гадкий смех... Но смех этот и глаза тоже как будто выступали из тумана, на один миг... Я содрогалась, но тотчас забывала и опять отдавалась той прекрасной, быстрой реке...” (X, 128–129). Тургенев под-

черкивает непрочность этой защиты, ее иллюзорность. Защита оказывается мнимой, героиня введена в заблуждение, она не замечает, что вокруг нее зреет катастрофа, которая вскоре неминуемо разразится и жертвой которой она станет. Смысл данной сюжетной ситуации и раскрывается введением мотива тумана.

Мотив чаще всего встречается в пейзажных описаниях. Приведем примеры из “Призраков”.

“Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракут, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана” (IX, 87–88); “Луна неясно светит, окутанная паром, и по земле как будто разостлался тончайший дым. Глаз не может разобрать, что это такое: лунный свет или туман?” (IX, 101); “Вот она, страна легенд! Тот же самый тонкий лунный дым, который поразил меня в Шведингене, разлит здесь повсюду, и чем дальше расходятся горы, тем гуще этот дым” (IX, 102–103).

С природным началом, скрывающим в себе глубочайшие тайны жизни, ассоциируется туман, о котором упоминается в стихотворении в прозе “Морское плавание”: “Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета. Оно казалось невеликим; густой туман лежал на нем, заволакивая самые концы мачт, и слепил и утомлял взор мягкой мглой. Солнце висело тускло-красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно” (XIII, 194). Море, огромное водное пространство – символ вечности природы, ее неизмеримого могущества. Упоминание о тумане над морем в этом произведении философски значимо.

Подобная деталь пейзажа встречается в “Поездке в Полесье”. Описание полесского бора, безбрежного, как море, и мрачного, служит цели противопоставления вечности природы и быстротечности жизни человека. В этой связи символическую значимость приобретает упоминание о тумане: “...тонкий, тусклый туман, вечный туман Полесья висел вдали...” (VII, 52). Туман ассоциируется здесь не просто с тайной, но с грозной тайной смерти: “отсутствием жизни, чем-то мертвым” веет от этого пейзажа.

С темой смерти в значительной мере связан мотив тумана в одном из эпизодов повести “Сон”. Этот мотив появляется впервые в сновидении героя, причем речь идет о неоднократно повторяющемся, навязчивом сне, который оказывается вещим. Сон этот рождает у героя сомнение и желание узнать правду о своем происхождении, и не случайно он всегда заканчивается тем, что фигура его настоящего отца пропадает в тумане. Туман служит здесь указанием на тайну, окутывающую образ отца героя. Тайна никак не дается ему, пока не насту-

пает благоприятный момент. Новое упоминание о тумане встречается в главе, где описываются поиски героя: “Передо мною длинная, узкая и совершенно пустая улица; утренний туман залил ее всю своим тусклым свинцом, – но взор мой проникает до самого ее конца, я могу перечесть все ее строения... и ни одно живое существо нигде не шевелится!” (XI, 282). Туман, заливающий улицу словно тусклым свинцом, придает ей немой и как бы мертвый вид, но не мешает видеть ее всю до конца. Этот мертвенный колорит связан с последующим разочарованием героя – в доме, где ожидалась встреча с отцом, никого не оказалось – и финалом поисков, приводящих его к безжизненному телу отца.

К теме смерти обращен мотив тумана в стихотворении в прозе “Маша”. Страшная болезнь уносит молодую женщину, которую оплакивает ее муж, извозчик. Тема смерти здесь, как обычно у Тургенева, решена в трагическом ключе: смерть – “ненасытная утроба”, пожирающая всех без разбора, это сила иррациональная, бессмысленная, беспощадная. Упоминание о “снежной скатерти пустынной улицы, залитой седым туманом январского мороза”, звучит как заключительный аккорд, определяющий мрачную тональность всего произведения.

Мотив тумана находит в “Призраках” еще одно, совершенно особенное выражение. Среди прочих картин, открывающихся герою с высоты, автор помещает сатирическую панораму парижской жизни. Большой город сравнивается им с муравейником, атмосфера Парижа кажется ему насыщенной каким-то смрадным паром, гам и чад наполняют его. Метафора “чад” выражает разочарование и резкую авторскую оценку изображаемого. Туман (пар) превращается в чад, когда речь идет о современной автору общественной жизни. Этот мир представляет собой квинтэссенцию лжи и порока. Резкость авторской оценки усиливается здесь оттого, что герою дана необычная позиция, ставшая доступной ему после знакомства с Эллис, приоткрывшей ему тайну, скрытую в глубине жизни. Однако герой внутренне готов к такой оценке.

В “Призраках” мотив тумана варьируется необычайно широко, образуя синонимический ряд: *туман–дым–пар–чад*. Подобное построение обнаруживается в романе “Дым”, но здесь оно выражает окончательную оценку героем того, что с ним произошло. Этот символический мотив вводится, как это нередко у Тургенева, метафорой, образующей метафорическую цепочку – ряд синонимичных в данном контексте символических мотивов, основным из которых является дым: *туман–дым–пар–пыль–прах*. Этот ряд расширяет диапазон значений основного символа, распространяя его и на область социальной

проблематики: “Уже все подвигалось к развязке, и ближайшее будущее обозначалось ясней и ясней, как вдруг совершилось событие, рассеявшее, как легкую дорожную пыль, все те предположения и планы” (IX, 186); “Я только хотел сказать тебе, что из всего этого мертвого прошлого, из всех этих – в дым и прах обратившихся – начинаний и надежд, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь к тебе” (IX, 299); “Дым, дым”, – повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь – все людское, особенно все русское. Все дым и пар, думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то – и все исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось все в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и – ненужная игра” (IX, 315); “Исчезли также и последние следы овладевшего им очарования: как сквозь сон являлось ему все, что произошло в Бадене... А Ирина? И она побледнела и скрылась тоже, и только смутно чуялось Литвинову что-то опасное под туманом, постепенно окутавшим ее образ” (IX, 319).

Рассмотренный ряд символов тяготеет к общему значению разочарования, тщетности надежд, бессмысленности существования и всякого действия. В романе “Дым” он приобретает явно оценочный характер, которого иногда лишен в повестях. Именно “Призраки” и “Дым” позволяют рассматривать звенья синонимической цепочки символов как единое целое и объединить области их содержания. Такое обобщение раскрывает новые значения каждого из звеньев, допуская тем самым более широкую интерпретацию текста.

В рассказе “Собака”, который тоже относят к “таинственным” произведениям Тургенева, мотив тумана используется в пейзажном описании. Необычный случай с рассказчиком, подтвердивший предсказание “ясновидца” Прохорыча, произошел в один из дней засушливого, жаркого лета: “...Засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли – не прочихнешь!” (IX, 133). Мотив тумана, образующий здесь синонимический ряд (*туман–дым–гарь–мгла–пыль*), представляет собой не просто выразительную пейзажную деталь. Это лейтмотив всего описания, выполняющий композиционную роль, задающий ассоциативную связь между грядущими драматическими событиями в рассказе и атмосферой, в которой они совершаются. Символическим этот мотив можно назвать и потому, что он указывает на участие в судьбе рассказчика таинственных, иррациональных сил.

Мотив тумана появляется и в повести “Странная история”, герой которой вступает в контакт с человеком, наделенным не то гипнотическими, не то телепатическими способностями.

Как правило, область иррационального и таинственного представляется Тургеневу внешней по отношению к человеку. “Странная история”, может быть, единственное его произведение, герой которого обнаруживает удивительное и непонятное в самой человеческой психике. Во время “сеанса” на него находит оцепенение, подобное сну. Глаза его слипаются, фигура ясновидца-гипнотизера двоится перед ним и, поглощаясь набегавшим туманом, исчезает совершенно, а через некоторое время, снова из тумана, возникает образ давно умершего человека. Здесь и в некоторых других произведениях туман выступает как субстанция, рождающая призраки, и призрачная сама по себе. “Призрак блаженства встает и манит среди тумана”, – пишет герой повести “Переписка” (VI, 170).

Функция этого символического мотива представляется особенно важной в рассказе “Стук... Стук... Стук!”, обнаруживающем связь с лермонтовским “Фаталистом”. Все происходящее в нем показано в двойном восприятии: скептика (рассказчик) и мистика (герой).

Завязка рассказанной истории происходит в природном окружении. Из всех деталей пейзажа, создающих особую обстановку, в которой начинают развиваться события, первое место отводится туману; важно также, что разговор о таинственных явлениях, предшествующих развитию действия, происходит ночью. Герой утверждает, что “в такую точно ночь... один его знакомый студент, только что поступивший в губернерны к двум сиротам и помещенный с ними в павильоне, в саду, – увидал женскую фигуру, наклоненную над их постелями, и на следующий день узнал эту фигуру в не замеченном им до тех пор портрете, изображавшем мать этих самых сирот” (X, 273). Рассказчик сообщает: “Фантастический облик этой ночи подействовал на нас: он настроил нас на фантастическое” (Там же).

Итак, фантастическая обстановка ночи действует даже на рассказчика-скептика, что, однако, не мешает ему задумать и осуществить шутку, принявшую под конец трагический оборот. Сам рассказчик выступает в этой истории как “персонифицированное сюжетное обстоятельство” (выражение Ю.М. Лотмана).

Именно он инициирует последующие события, которых, однако, могло не быть, если бы не было тумана. “Туман по-прежнему окутывал все предметы – и за двадцать шагов почти ничего не было видно”, – сообщает рассказчик в ходе повествования (X, 277). Сюжетообразующая роль этого мотива очевидна. Сюжет рассказа строится на нечаянных совпадениях, и необычное стечение обстоятельств приводит к смерти героя. Случайно ли оно?

Но в самом стечении обстоятельств видится нечто фатальное. И, может быть, рассказчик, шалость которого стала первым звеном в этой цепочке, действует не по собственному побуждению, а в соответствии с каким-то жестким предназначением, словно исполняя чью-то злую волю? Такое предположение высказывает Теглев. Тот, кто подает герою второй знак (зов), последовавший за первым (стук), вообще не подозревает, что участвует в чужой драме.

Странные обстоятельства находятся в полном соответствии со складом характера и общим настроением героя. Таинственные силы действуют не только как внешние, но и как внутренние. Стечение событий не зависит от героя, но их интерпретация – это уже проявление его собственного “я”. Если бы даже рассказчик вовремя признался Тургеневу, что разыграл его, тот вряд ли бы ему поверил. Именно так все и случилось впоследствии. Объяснение между ними произошло, но оно ничего не изменило. Рассказчик признает, что Теглев внушал ему нечто вроде сожаления: “Мне казалось, что помимо его напускной фатальности над ним действительно тяготеет трагическая судьба, которой он сам не подозревает” (X, 271).

Упоминая о тумане в начале своего повествования, рассказчик старается передать обстановку, в которой происходит действие, и умонастроение персонажей. “Тусклая белизна” тумана “хуже темноты слепит и притупляет взор” (X, 279). Именно туман дает ход событиям. “Странная ночь”, беседа раздражают нервы рассказчика, бессонница рождает желание подшутить над Теглевым. Второе происшествие своей непосредственной причиной имеет именно туман. Голос, зовущий в тумане, связывается героем с предшествующим событием – загадочный стук получает объяснение. Так события выстраиваются в логическую цепочку. Мотив тумана нагнетается, его сюжетообразующая роль становится все заметнее. Он символизирует здесь тайну, которая всегда манила героя, его вступление в область запретного, влекущее за собой его гибель, и одновременно заблуждение героя, обмороченного какими-то незримыми демоническими силами, которые играют им, дразнят его и губят в конце концов. Все попытки рассказчика предотвратить трагическую развязку, которую он предчувствует, оказываются тщетными именно из-за тумана. В тот момент, когда, как ему казалось, он мог еще переубедить Теглева, последний исчез в тумане, “словно в землю провалился” (X, 287).

Тургенев подробно описывает процесс поиска, который предприняли рассказчик и слуга Теглева, Семен. Туман лишает их всякой возможности ориентироваться. Отношение к происходящему они выражают каждый по-своему. Рассказчик доведен до отчаяния: “Я готов был заплакать... Вспомнились мне слова шута в “Короле лире”: “Эта

ночь нас всех с ума сведет...» (X, 292). Семен толкует происшествие как игру демонических сил: «– Нас, барин, знать, леший обошел, – отвечал растерявшийся слуга. – Это неспроста... Дело это нечистое!» (Там же).

Теглева находят только по звуку выстрела, оборвавшего его жизнь. Со смертью героя действие мистических сил словно прекращается.

Финал рассказа служит цели разоблачения заблуждений Теглева. Все случившееся представлено, на первый взгляд, как цепь ошибок и случайных совпадений. Однако авторское решение, как и в лермонтовском «Фаталисте», не выглядит однозначным. Напомним, что рассказчику всегда казалось, что над Теглевым тяготела «трагическая судьба», о которой он и сам не знал. В свете тургеневской концепции индивидуального человеческого бытия смерть Теглева совсем не случайна, как не случайна смерть Базарова в «Отцах и детях», погибшего от ничтожной ранки на руке. Над Теглевым как будто подшутили, но не его товарищ, а сама судьба, устроившая совпадение стольких случайностей – одной за другой, и это совпадение стало возможным лишь в обстановке густого непрекращающегося тумана. Мотив тумана, таким образом, играет в рассказе важнейшую композиционную и смысловую роль.

Итак, в самом общем его значении этот мотив можно отнести к сфере мировоззренческой, область его содержания связана с проблемой познания мира, осмысления жизни, прикосновения к тайне бытия. Загадка жизни всегда волновала Тургенева. Пытаясь разрешить ее и понимая, что это невозможно, писатель впадал иногда в тяжелое сомнение относительно самого ее существования: «Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» (IX, 118).

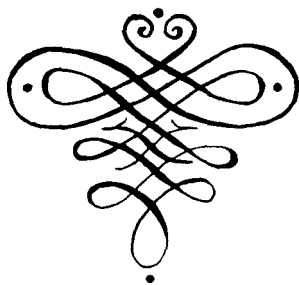
Загадку жизни, в представлении Тургенева, скрывает в себе царство природы. Символический мотив тумана выступает нередко как деталь пейзажного описания, которое при этом получает философскую нагрузку. В таком пейзаже за очертаниями реального мира проступает другой – зыбкий, колеблющийся, необъяснимый. Этот второй мир, черты которого трудноуловимы, и влечет к себе героя, и отталкивает его.

В познании мира тургеневский герой руководствуется обычно своей интуицией, которая не всегда ведет его верным путем. Мотив тумана часто выступает как символ человеческих заблуждений и ошибок, неверной ориентации по отношению к миру в целом и в конкретных жизненных ситуациях.

Одно из частных значений рассмотренного мотива – покров, защита, которая требуется человеку тогда, когда возможно столкновение

его с “тайными силами” жизни, представляющими для него прямую угрозу или потенциальную опасность. Тургеневский герой вполне осознает ограниченность своих возможностей в постижении законов жизни, свою малость и слабость в сравнении с мощью природного и социального мира, и защита эта представляется ему необходимой. Однако в конкретной жизненной ситуации такая защита может оказаться ненадежной или мнимой. В этом случае мотив тумана также символизирует заблуждение или нежелание героя знать опасную для него истину.

В целом, мотив тумана прочно связывается писателем с областью иррационального, непознанного и, может быть, непознаваемого вообще, он отражает сложность положения человека в окружающем его мире.

Слово “таинство” и таинство слова

С.В. МОЛЧАНОВА

В 2001 году Е.И. Носову, прозаику-фронтовику, была присуждена Солженицынская литературная премия.

В прозе Е.И. Носова лексика, ритм, звукопись – все устремлено к главному образу, который составляет сокровенное ядро произведения, “образ образов”, по выражению А. Потебни.

Попытаемся с помощью лексико-стилистического анализа проникнуть в глубинный авторский замысел рассказа “Красное вино победы”.

О семантике цвета в этом удивительном произведении исследователи уже писали (“Русская речь”. 1985. № 3). Действительно, невозможно не заметить, что войне в рассказе отданы темные и серые от-

тенки: “серые блиндажи”, “землисто-серое белье” (здесь и далее курсив наш. – С.М.). “Нас подобрали в Мазурских болотах... То была уже земля врага. Мы прошли по ней совсем немного, по этой чужой унылой местности, с зарослями чахлого вереска на песчаных холмах” (Здесь и далее цит. по: Носов Е.И. И уплывают пароходы. М., 1975). Хотя цвет указан не всегда прямо, общий колорит выдерживается: “Ходили слухи, будто на нашем направлении среди этих мрачных болот Гитлер устроил свою главную ставку – подземное бетонное логово”.

В воспоминаниях раненого рассказчика суровые цвета войны сохраняются, но снижающее сравнение делает врага омерзительно нестрашным: “В своих черных коротеньких френчах, похожие на тараканов, немцы, быстро перебирая руками и ногами, карабкались на четвереньках по крутому склону приозерной дюны”. И когда они карабкались “в своем насекомьем безумии”, “мы били по ним болванками с трехсот метров, и снаряды без следа исчезали в толще песка”.

Особо обратим внимание на то, что сначала никого из окружающих рассказчик не называет по имени, не выделяя и себя из числа бойцов: всюду торжествует соборное *мы*. Воинство пока не распалось на единицы, и невольно подсознательно всплывает народное определение – “серая скотинка”, но с интонацией не унижающей, а сострадающей.

И вот в феврале сорок пятого года “наш эшелон... проплутав около недели по заснеженным пространствам России”, оказывается где-то в Серпуховском тупике. Белизна начинает вытеснять серо-черно-коричневое.

Раненые “удивлялись забытому вкусу белого хлеба”, белые койки и белые тумбочки обступили их, вокруг замелькали белые халаты и бинты, и увенчал этот палатный мир “белый, постоянно висевший над головой потолок”. Чувствуется, как начинает угнетать эта больничная постоянная белизна.

“Теперь же шла весна, и мы находились в глубоком тылу, вдалеке от пекла войны”. Именно в ее пекле слилось, спаялось, безымянное *мы*, которое только в белых госпитальных стенах стало распадаться на имена: “Интересно, где теперь наши?” – размышляет Саша Селиванов, “смуглый волгарь с татарской раскосиной”; “Нешто не навоевался?” – басил ему в ответ Бородухов; “Был он из мезенских мужиков-лесовиков...”

Вопреки представлениям рассказчика, молдаванин Михай “был золотисто-рыж, будто облитый медом”, а вечерами “его огненная голова полыхала от закатного солнца”. Двое ходячих больных – сибиряки Саенко и Бугаев – один степной алтайский хохол, другой – коренной енисейский чалдон – “в отличие от нас, белокальсонников, ... щеголяли в полосатых госпитальных халатах, которые позволяли им разгуливать по двору”. “Оба уже успели загореть, согнать с лица палатную желтизну”.

Самый тяжелораненый в палате – Копешкин, замурованный “в сплошной нагрудный гипс”, пензенский крестьянин из деревни Сухой Житень Ломовского района. Хотя справлял он “и на войне свою нехитрую крестьянскую работу” – в обозе, но и там вражеский снаряд нашел его и разворотил его натруженное крестьянское тело. Обобщенный образ России постепенно воплощается в конкретные места, и “выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника”.

За окном белого госпиталя зеленели поля. Весна сорок пятого. Рухнул Берлин. На газетных фотографиях, что жадно разглядывали обитатели палаты, “*мрачные руины*”, “*чумазные перепуганные гитлеровцы с задранными руками, белые флаги и простыни на балконах и в окнах домов...*”. Томительное ожидание нарастало. Все разноцветье жизни должно было вернуть единственное слово – победа.

“Так прошел восьмой день мая и томительно-тихий вечер”. Главное узнается в три часа ночи не по сообщениям радио, а по распоряжениям начальника госпиталя: “... выдать все чистое – постель, белье”; “Заколите кабана. Сделайте к обеду что-нибудь поинтереснее”; “Хорошо бы к обеду вина”; “Нет, спирт не то. <...> День! День-то какой, голубчик вы мой!”. И еще до прихода дня “в светлой лунной ночи сочно расцвела *малиновая* ракета, переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась *зеленая*”; “...За окном все чаще, все гуще взлетали в небо *пестрые*, ликующие ракеты, и от них по стенам и лицам ходили *цветные* всполохи и причудливые тени деревьев”. Удачная и точная деталь – *всполохи и тени* – на самом деле гораздо глубже своей простой внешней изобразительности. Тени деревьев как безмолвное присутствие тех (того великого *мы*), что не вернулись из серого, крошечного и кровавого мира войны.

Чем ближе к кульминации рассказа, тем пестрее и разнообразнее мир. В палате появляется старый фотограф, чтобы запечатлеть всех желающих в День Победы. Конечно, фотографии будут черно-белыми, но реквизит у старика отменный: “черная кубанка с золоченым перекрестием по красному верху”, новая шерстяная гимнастерка, полотнище с нарисованным горящим танком.

На смену фотографу явился “*янтарно-желтый* суп из кабана” и выплыл “поднос с несколькими *темно-красными* стаканами”. “Эти *рубиново-красные*, наполненные до краев стаканы воспринимались в нашей бесцветной-белой палате как нечто небывало-торжественное, как волнующее таинство”. С этого момента все оттенки самого таинственного цвета зальют страницы повествования: “все... *порозовели*”, по подбородку безрукого Михая “скользнула *алая* струйка”, но вот “*закатный* отсвет солнца” окрасил все в единый цвет.

Именно под вечер после выпитого вина каждому вспомнилась его “пядь земли”, за которую пролита была кровь. Герой-рассказчик мысленно пытается представить себе скромную копешкинскую землю:

“Должно быть, полощутся белесые ракиты перед избами, по волнистым холмушкам за околицей – майская свежесть хлебов, вечером побредет с лугов стадо, запахнет сухой пылью, скотиной, ранний соловей негромко щелкнет у ручья, прорежется молодой месяц, закачается в темной воде...”. Представляется рассказчику одно, а левой рукой (правая ранена) машинально чиркает он карандашом по клочку бумаги: “Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевернутый веник”. А потом, по просьбе Копешкина, добавил скворечник. “Я потянулся и вложил эту неказистую картину в руки Копешкина”.

Перед трагической развязкой рассказа Евгений Носов усиливает личностное начало: личные и притяжательные местоимения отодвигают пестроту имен: “Я пытался представить себе родину Копешкина...”; “Знал я только, что Пенза эта где-то не то возле мордвы, не то по соседству с чувашами”; “Я уже вторую неделю тренировал левую руку”; “Прислоненная к рукам Копешкина, до самых сумерек простояла моя картинка, и я про себя радовался, что угодил ему... Мне казалось, что Копешкин тихо разглядывал рисунок...”

Здесь писатель обрывает “яканье” рассказчика, отделяет ушедшего Копешкина от палатно-военного *мы*, и повествование прерывается абзацем, который без натяжки можно назвать стихотворением в прозе: “В сущности человек всегда умирает в одиночестве, даже если его изголовье участливо окружают друзья: отключает слух, чтобы не слушать ненужные сожаления, гасит зрение, как гасят свет, уходя из квартиры, и, какое-то время оставшись наедине с собой, в немой тишине и мраке, последним усилием отталкивает челн от этих берегов...”

Молодой, но повидавший тысячи смертей рассказчик впервые так поражен ее явлением, впервые имеет возможность взглянуть в это “непостижимое ничто, именуемое прахом”, задуматься над величественным таинством “ухода”, “представления” (перед Кем?), задать себе последние вопросы: “И это все?... Больше для него ничего не будет? Тогда зачем же он был?...”

И писатель употребляет заветное слово “таинство”: “совпали какие-то шифры таинства, и он наконец родился...” Это о явлении в мир дольний.

Впрочем, сознание, душа русского православного человека оттеснила в финале рассказа человека безбожного и расставила свои знаки. Вот и прислоненная к рукам Копешкина картинка высится перед лицом усопшего, как икона. О “грехах наших тяжких” вздохнет нянька. Высвобождение тела Копешкина из тяжелой “гипсовой скорлупы”, “оболочки” – словно намек на высвобождение души, покидающей немощное, изболевшее тело.

Воображение рассказчика от нарисованного простым карандашом рисунка переносится в неведомую пензенскую землю и, не называя

впрямую, сопрягает реальный мир русской избы и семьи с православным храмом и таинством причащения: “В окнах его избы, должно быть, уже затеплился жидкий огонек керосиновой лампы”, напоминающий нам пламя свечи и лампы, “завиднелись головешки ребятишек, обступивших стол с вечерней похлебкой”. Не думаю, что будет кощунством видеть в слове *похлебка* следы того священного хлеба, что преосуществляется по молитве священника на престоле. А вино – тут, в палате, “густо окрасило белую... наволочку” “праздной белизны”.

Последние фразы почти впрямую говорят нам о преосуществлении и о причастии: “Оставшееся в стакане вино он (Саенко. – С.М.) разнес по койкам, и мы выпили по глотку. Теперь оно показалось *таинственно-темным, как кровь*”. Вспомним слова из молитвы св. Иоанна Злотоуста: “Еще верую, яко сие есть самое Пречистое Тело Твое, и сия есть самая Честная Кровь Твоя”. И неслучайно писатель возвращается в этом действии к соборному *мы*, объединяя всех у Чашы Искупления.

“Образ образов” этого великолепного рассказа, собирающий вокруг себя содержание, – это таинство Евхаристии. Великой искупительной жертве нашего народа, принесенной во время войны, посвящено “Красное вино победы”.

МОЛЧИТ ЛИ АВТОР О СУЩНОСТИ БЫТИЯ?

*Н.В. БАЛАНДИНА,
кандидат филологических наук*

С.Н. Носов в статье “Литература и игра”, опубликованной в “Новом мире” (1992. № 2), говоря о рассказе Татьяны Толстой “Милая Шура”, приходит к выводу, что автор в нем “молчит о сущности бытия” и ведет повествование лишь “на уровне светской игры, чарующей легкости”, культивируя которую противопоставлено слишком вдумываться в “проклятые вопросы бытия, слишком грустить, негодовать или даже слишком громко смеяться”. По мнению критика, в рассказе только “предложена эстетически очаровательная игра”. В редакционном послесловии замечено, что рассказ Т. Толстой «не только “играет” с нами, но и глубоко трогает». Такой вывод кажется правомерным. Чтобы проверить обоснованность заключения С. Но-

сова, следует “посмотреть, как соотносятся словесный текст с избранным предметом” (Новый мир. 1992. № 2. С. 236, 237).

“Милая Шура” написана от первого лица, автора подменяет рассказчица, для которой прежде всего важно все “видеть и изображать”. При этом подчеркивается достоверность повествования (“Я сама наблюдала за этой женщиной, я с ней общалась”). Рассказчица всматривается в старую женщину, встреченную ею ранним утром на улице Москвы, вглядывается в окружающий ее мир, вслушивается в то, как героиня рассказывает о себе, и затем передает свои впечатления читателю. Эти впечатления местами подаются жестко и иронично, и чем безжалостнее описывается Александра Эрнестовна, тем большее сострадание вызывает у читателя ее физическая немощ и одинокая старость.

Александра Эрнестовна уже не живет, а доживает. Вот прямое указание на ее возраст: “Ей девяносто лет, – подумала я. Но на шесть лет ошиблась” (Толстая Т.Н. На золотом крыльце сидели. М., 1987. С. 29; далее – только стр.). Предметы туалета героини, реалии ее быта описаны с помощью лексики, содержащей сему “неживое”. Так, украшения на ее шляпе *деревянно постукивают*: “Четыре времени года – бульденежи, ландыши, черешня, барбарис – свились на светлом соломенном блюде, припиленном к остаткам волос вот такущей булавкой! Черешни немного оторвались и деревянно постукивают”. Чуть ниже эти же украшения рассказчица прямо назовет “мертвыми”, проясняя характер издаваемого ими звука: “Александра Эрнестовна улыбается утру, улыбается мне. Черное одеяние, светлая шляпа, побрякивающая мертвыми фруктами, скрываются за углом” (29).

В “коммунальном убежище” Александры Эрнестовны обитают сухие цветы (неживые), буфет назван “темным гробом” (“Достала малиновые надтреснутые чашки, украсила стол какими-то кружавчиками, копается в темном гробу буфета, колыша хлебный, сухарный запах, выползающий из-за деревянных щек”), а подъезд, в котором жила героиня – склепом: “Белый горячий воздух бросается на выходящих из skleпа подъезда, норовя попасть по глазам” (39).

При описании внешности состарившейся Александры Эрнестовны используются словесформы с уменьшительными суффиксами, которые в контексте приобретают еще и оценочную окраску, усиленную соответствующими определениями: “Чулки спущены, ноги – подворотней, черный костюмчик засален и протерт. Зато шляпа! {...} Страшное бельишко свисает из-под черной замурзанной юбки” (29).

“Куда обращены ее мокнущие бесцветные глаза? Запрокинув голову, оттянув красное веко, Александра Эрнестовна закапывает в глаз желтые капли. Розовым воздушным шариком просвечивает голова через тонкую паутину. Этот ли мышинный хвостик шестьдесят лет назад черным павлиньим хвостом окутывал плечи?” (32). И вновь

автор прибегает к уменьшительным суффиксам, подчеркивающим физическую слабость героини: “Блаженно улыбаясь, с затуманенными от счастья глазами движется Александра Эрнестовна по солнечной стороне, широким циркулем переставляя свои дореволюционные ноги. Сливки, булочки и морковка в сетке оттягивают руку, трутся о черный, тяжелый подол” (29).

У рассказчицы нет желания обидеть, задеть Александру Эрнестовну, есть стремление как можно точнее изобразить ее. Старческое бессилие, неухоженность, жалкость героини вызывают эмоциональную реакцию читателя, на которую и рассчитывает автор.

Отношение окружающих к героине – ошутимо нетерпимое, раздраженное или сдержанно равнодушное, подается не всегда прямо. Так, с помощью искусного описания “коммунального убежища”, куда героиня “потасшила” рассказчицу в гости, показано отношение к ней соседей: “В кухню надо идти далеко, в другой город, по бесконечному блестящему полу, натертому так, что два дня на подошвах остаются следы красной мастики. В конце коридорного туннеля, как огонек в дремучем разбойном лесу, светится пятнышко кухонного окна. Двадцать три соседа молчат за белыми чистыми дверьми” (32–33). Сравнение освещенного кухонного окна с “огоньком в дремучем разбойном лесу” характеризует атмосферу в квартире, где многочисленные соседи “молчат за белыми чистыми дверьми”, где на кухне “безжизненная болезненная чистота”. У жильцов нет желания общаться друг с другом, поэтому “на одной из плит сами с собой разговаривают чьи-то щи”, а «в углу еще стоит кудрявый конус запаха после покурившего “Беломор” соседа».

Тема взаимоотношений героини с соседями появится еще раз, и читатель не услышит, а ощутит их раздраженные голоса, оформленные несобственно-прямой речью: “Двадцать три соседа за белыми дверьми прислушиваются: не капнет ли (Александра Эрнестовна) своим поганим чаем на наш чистый пол?” (33–34). И за этим последует реакция невыдержавшей рассказчицы: “Не капнула, не волнуешься”. А вот она же вспоминает о встрече с героиней за стенами коммуналки: “Я встречала ее и в спертom воздухе кинотеатра (снимите шляпу, бабуля! ничего же не видно!” (29). Здесь *бабуля* – знак холодной вежливости по отношению к старому человеку, а дальше – раздражение. И даже сама рассказчица, которую Александра Эрнестовна угощает “чудным вареньем” (“вы только попробуйте, нет, нет, вы попробуйте, ах, ах, ах, нет слов, да, это что-то необыкновенное, правда же, удивительное? Правда, правда, сколько на свете живу, никогда такого... Ну, как я рада, я знала, что вам понравится, возьмите еще, берите, берите, я вас умоляю!”), невольно раздражается нехотая проявленной гостеприимностью и роняет: “О, черт, опять у меня будет болеть зубы!” (34).

Тему взаимоотношений героини и окружающих завершает сцена на проезжей части улицы, где Александра Эрнестовна “закрутилась в потоке огнедышащих машин у Никитских ворот, заметалась, теряя направление, вцепилась в мою руку и выплыла на спасительный берег, на всю жизнь потеряв уважение дипломатического негра, залегшего за зеленым стеклом низкого блестящего автомобиля, и его хорошеньких кудрявых детишек. Негр взревел, пахнул синим дымком и умчался в сторону консерватории...” (30). Здесь прилагательное *дипломатический* обозначает род занятий негра и одновременно говорит о его устроенной, обеспеченной жизни: у него “хорошенькие кудрявые детишки” и сам он – “залегший за зеленым стеклом низкого блестящего автомобиля”. Для него мечущаяся Александра Эрнестовна не более чем досадное препятствие, мешающее движению. Так создается фон теперешней жизни героини, пережившей трех мужей и Ивана Николаевича, раз и навсегда утонувшего в глазах упоительной красавицы, милой Шуры.

Во все посещения рассказчицы Александра Эрнестовна ведет себя одинаково, за долгие годы у нее выработался стереотип поведения. Одни и те же темы разговоров, одна и та же их экзальтированная тональность, и на первом плане всегда она, Александра Эрнестовна, в молодости “милая Шура”. “Да, да, это я!” В следующее посещение рассказчицы: “Вот это – я. Это – тоже я”, а затем следует неременный рассказ о мужьях: “А это ее второй муж, ну а это третий – не очень удачный выбор. (...) Вот, может быть, если бы она тогда решилась убежать к Ивану Николаевичу...” И в третий раз: “Три мужа, знаете? И Иван Николаевич, он звал, но...” (30). Ни одного мужа Александра Эрнестовна не называет по имени, а отчужденно – *мужья*, и ни к одному у нее никогда не было человеческой заинтересованности, искренней привязанности. Об этом говорят раздаваемые им характеристики. О первом муже: “А первый был адвокат. Знаменитый. Очень хорошо жили” (понимай: богато, а не дружно, в согласии). О втором: “Со вторым до войны жили в огромной квартире. Известный врач. Знаменитые гости” (31). И по контрасту о третьем, но в том же духе: “А третий муж был не очень... Третий муж все ныл, ныл... Ныл, ныл – и умер, а когда, отчего – Александра Эрнестовна не заметила” (36). Непроясненный, но подразумеваемый смысл выражения “был не очень”, глагол *ныл* передает нескрываемое раздражение героини.

Героиню повествования весьма выразительно характеризует несобственно-прямая речь (фрагменты ее откровений и ответы на вопросы рассказчицы, которые прямо не звучат, но воссоздаются по словесной реакции Александры Эрнестовны) или несобственно-авторское повествование. Общая тональность, интонационная доминанта представляют ее как женщину, по привычке находящуюся в вос-

торженно-возбужденном состоянии, несмотря на преклонный возраст. В словах, которые она употребляет, присутствует сема “очень”: *чуждое, необыкновенное, удивительное; умоляю*. У героини действительно когда-то были основания для такого отношения и к себе и к миру, но теперь, когда, “и зима позади для Александры Эрнестовны”, рассказчица говорит о ней: “Вы мне нравитесь, Александра Эрнестовна, вы мне очень нравитесь, особенно вон на той фотографии, где у вас такой овал лица, и на этой, где вы откинули голову и смеетесь изумительными зубами...” (34). И в самом деле: “на отставших обоях улыбаются, задумывается, капризничает упитательная красавица – милая Шура, Александра Эрнестовна” (30).

Экзальтированность героини передана междометиями (“Ах, Иван Николаевич!”, “ах, ах, ах, нет слов, вы попробуйте”), повторами (“*правда, правда*”, “*берите, берите*”). Ее речевой портрет дополняет манерность при произнесении некоторых слов: *рома-а-аны, ков-ва-арный*. И, наконец, лексика и обороты, почерпнутые из бульварной литературы: «О, конечно, у нее всю жизнь были рома-а-аны, как же иначе? Женское сердце – оно такое! Да вот три года назад – у Александры Эрнестовны скрипач снимал закуток. Двадцать шесть лет, лауреат, глаза!.. Конечно, чувства он таил в душе, но взгляд – он же все выдает! Вечером Александра Эрнестовна, бывало, спросит его: “Чая?..”, а он вот так только посмотрит и ни-че-го не говорит! Ну, вы понимаете?.. Ков-ва-арный! Так и молчал, пока жил у Александры Эрнестовны. Но видно было, что весь горит и в душе прямо-таки клочечет» (31).

Автор пишет о маленьких хитростях своей героини, уверившей себя в том, что была большая любовь к Ивану Николаевичу, любовь несостоявшаяся. С помощью косвенного способа субъективации и несобственно-прямой речи изображает вихри ее мыслей и чувств, поднявшиеся из глубин старческой памяти (не памяти сердца!), перепутавшей события, факты. Это теперь ей кажется: “Вот, может быть, если бы она тогда решилась убежать к Ивану Николаевичу...”; “И Иван Николаевич, он звал, но... Может быть, надо было решиться?”; “Но Иван Николаевич... Ах, Иван Николаевич! Ах как любил!” (30, 32).

А тогда ее остановил страх перед необходимостью бросить устроенную обеспеченную жизнь и уехать в неизвестность. Александра Эрнестовна даже себе не признается в этом, а автор в контексте, оформленном как косвенный способ субъективации, дает это понять читателю, используя лексику, вызывающую представление о мире, где ждет ее влюбленный Иван Николаевич:

“Тысячи лет, тысячи дней, тысячи прозрачных непроницаемых занавесей пали с небес, сгустились, сомкнулись плотными стенами, завалили дороги, не пускают Александру Эрнестовну к ее затерянному

в всах возлюбленному. Он остался там, но ту сторону лет, один, на пыльной южной станции, он бродит по заплеванному семечками перрону, он смотрит на часы, отбрасывает носком сапога пыльные веретена кукурузных обглодышей, нетерпеливо обрывает сизые кипарисные шишечки, ждет, ждет, ждет паровоза из горячей утренней дали. Она не приехала. Она не придет. Она обманула. Да нет, нет, она же хотела! Она готова, и саквояжи уложены! Белые полупрозрачные платья поджали колени в тесной темноте сундука, несессер скрипит кожей, посверкивает серебром, бесстыдные купальные костюмы, чуть прикрывающие колени – а руки-то голые до плеч! – ждут своего часа, зажмурились, предвкушая (...) Жасминовый джин запечатан в хрустальном флаконе – ах, как он сверкнет миллиардом радуг на морском ослепительном свете! Она готова – что ей помешало? Что нам всегда мешает?” (35).

Фрагмент начинает предложение, ритмическая упорядоченность которого создается средствами синтаксиса (повторы однородных членов, лексические повторы) и символизирует всплеск взволнованности теперешней героини, затем утихающей и вновь возвращающейся (“Он остался там, по ту сторону лет, один, на пыльной южной станции...”). В последней фразе ритм создается повторением одинаковых, близких в основном, но в частностях могущих существенно и расходиться единиц ритма (синтагм). Далее, в последующих предложениях, автор не только описывает состояние Ивана Николаевича, но и изображает его чувства: эту часть текста отличает полиритмия – сочетание синтаксического и синтагматического ритма, символизирующего нарастание искреннего отчаяния героя. А в завершающей части фрагмента, где описывается ее готовность ехать, ритм исчезает, потому что милая Шура всегда все просчитывала.

Последняя фраза (“Что нам всегда мешает?”) – трезвый, расставляющий все по местам скептический голос рассказчицы. Истинное отношение героини к Ивану Николаевичу проявляется в том, как хранится его фотография: “Вот, может быть, если бы она тогда решилась убежать к Ивану Николаевичу... Кто такой Иван Николаевич? Его здесь нет, он *стиснут* в альбоме, *распялен* в четырех картонных прорезях, *прихлопнут* дамой в тюрнюре, *задавлен* какими-то недолговечными белыми собачками, подошедшими еще до японской войны” (30). Ирония рассказчицы, возникающая в результате несоответствия между романтическими воспоминаниями героини и тем, как сохраняется память о предмете любви, подтверждает догадку читателя: с Иваном Николаевичем не очень-то церемонились тогда, поэтому его потеснили мужья Александры Эрнстовны, да и сама героиня будто невзначай вспоминает: “А у самого, бедного, денег на билет в Москву не хватает!” (32).

Да, наша жизнь должна быть освещена светом любви к тем, кто рядом с нами. После смерти мы остаемся в памяти тех, кто любил нас

и кого любили мы. Если жизнь прожита только для себя, нас постигнет судьба милой Шуры: “спирали земного существования кончаются за углом, на асфальтовом пяточке, в мусорных баках...” И чтобы скрыть горечь от этого открытия, рассказчица нарочито грубо, небрежно обращается к читателю: “А вы думали – где? За облаками, что ли? Вот они, эти спирали – торчат пружинами из гнилого разверстого дивана. Сюда все и свалили. Овальный портрет милой Шуры – стекло разбили, глаза выколоты. Старушечье барахло – чулки какие-то... Шляпа с четырьмя временами года. Вам не нужны облупленные черешни? Нет?.. Почему? Кувшин с отбитым носом. А бархатный альбом, конечно, украли. Им хорошо сапоги чистить. Дураки вы все, я не плачу – с чего бы?” (39).

Прозу Татьяны Толстой называют артистической. Да, она владеет даром перевоплощения в рассказчицу, в главных и эпизодических персонажей, заставляя читателя иронизировать над ними, но и жалеть их, не умеющих в полной мере оценить дарованную нам возможность просто жить, восхищаться “осенней зарей, собачьим лаем среди осиновых стволов, хрупкой золотой паутиной и первым льдом, первым синеватым льдом в глубоком отпечатке чужого следа” (168), не умеющих, слушая божественное звучание человеческого голоса, стать добрее и терпимее к тем, кто рядом, не понимающих, что, только забыв себя ради других, мы обретаем возможность осмысленной жизни.

Иркутск

РОССИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ*

А.П. ЧУДИНОВ

доктор филологических наук

VI.

В предшествующих статьях было показано, что в последнее десятилетие получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества, отклонения от естественного порядка вещей (война, криминал, спорт и др.).

Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры – это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящегося в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков – наличие каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафора).

Возможно, читателю показалось, что зеркало политической метафоры рисует современную Россию в излишне мрачном свете. К сожалению, это действительно так. Поэтому вполне закономерен вопрос: “Что отражает метафорическое зеркало и не слишком ли оно искажает реальность?”

Развертывая вынесенную в заглавие данного цикла статей концептуальную модель “метафора – зеркало”, следует отметить, что это огромное зеркало (целостная метафорическая система русского политического языка) состоит из множества маленьких зеркал – конкретных метафорических словоупотреблений. Каждое из них отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическое словоупотребление передает только сиюминутное настроение этого человека. Но если подобная метафора подхватывается другими людьми, то такой образ становится уже социально значимым фактом: «Мой коллега Юрий Яковлев сказал: “Нас затоптали, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну”, и тут такая радость...» (Ж. Алферов). Когда фразу “Нас затоптали...” произносит “широко

* См.: Русская речь. 2001. №№ 1, 3, 4; 2002. №№ 1, 2.

известный в узких кругах” физик – это его частное мнение, но когда эту фразу запоминает и повторяет (а значит, образ показался ему точным и выразительным) нобелевский лауреат и одновременно депутат Государственной Думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом – это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Аман Тулеев страстно восклицает: “В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности”. Конечно, эта криминальная (по сфере-источнику) метафора отражает не просто личное восприятие конкретного человека, но представления губернатора одного из крупнейших регионов России, члена Совета Федерации и кандидата в Президенты, за которого на выборах проголосовали миллионы избирателей. И это словоупотребление служит еще одним подтверждением продуктивности метафорической модели: “современная Россия – это криминальный мир”.

Ирина Хакамада пишет: “Я придумала теорию хромого верблюда. Хромой верблюд – это Россия, Америка – сильный верблюд, идущий впереди”. И вполне понятно (хотя это очень горько осознавать), почему депутат Государственной Думы, один из лидеров крупной партии, бывший федеральный министр сравнивает родную страну с уродливым животным, а не с вожаком каравана. Но это высказывание, будучи опубликованным в газете “Комсомольская правда”, несомненно, воздействует на социальную оценку положения дел в России и вместе с тем еще раз свидетельствует о распространенности зоологической метафоры в современной русской политической речи и о типовых концептуальных векторах такой метафоры.

Григорий Явлинский, размышляя о будущем родной страны, использует “нездоровую” метафору: “Все сегодня спорят, куда должна идти Россия. А я говорю: куда она не может идти, она в инвалидном кресле”. К сожалению, метафоры болезни превратились в едва ли не типичное средство метафорического представления российской действительности на рубеже веков.

Подобные примеры легко продолжить: одни политические лидеры выражаются ярко и афористично, другие – путанно и коряво, но все они постоянно говорят о болезнях России, о преступных действиях или хотя бы замыслах своих политических противников, призывают к войне против терзающих Россию хищников до полной победы над преступными кланами, требуют прекратить политический фарс и т.п. Однако в нашей картотеке практически отсутствуют метафорические высказывания, в которых современная политическая элита представляла бы родную страну как мчащуюся вперед тройку или идущий сквозь бури мощный корабль, как цветущий сад, как здоровый организм, которому не страшны никакие инфекции, или как заботливую

мать своих детей. Именно подобные факты (распространенность одних концептуальных метафор и практически полное отсутствие других) позволяют говорить о достоверности зафиксированной в метафорическом зеркале картины.

Значительная часть исследованных метафорических номинаций характеризует положение дел не во всей стране, а лишь в конкретных министерствах и ведомствах, в отдельных партиях, регионах и т.п. Конечно, “беспредел” в той или иной государственной или общественной структуре, “болезнь”, поразившая отдельно взятый город или всего лишь отдельного чиновника, – не позволяют сделать вывод о том, что так обстоят дела во всей обширной державе. Каждая из подобных метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стеклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей.

Важно подчеркнуть, что **метафорическое зеркало отражает не реальное положение дел в России, а его восприятие в национальном сознании.** Реальность и ее осознание в социальной ментальности, разумеется, не всегда совпадают. В истории цивилизации известно немало фактов, когда граждане стремительно развивающейся страны считали, что они живут в очень тяжелую эпоху, но встречались и случаи, когда голодные полурабы были полны оптимизма и искренне пели о своей счастливой доле. В наши задачи не входит детальная оценка социальной ситуации в современной России, но факты показывают, что в народном сознании эта ситуация оценивается как очень тяжелая. Вместе с тем создается впечатление, что излюбленные многими политиками и журналистами метафоры болезни, преступности, войны и балагана уже не находят прежнего отклика, что люди слишком устали от потоков грязи и жестокости.

Можно предположить, что, помимо реальной сложности социальной обстановки в современной России, на развитие соответствующих метафорических моделей в агитационно-политической речи повлияли и некоторые другие факторы.

Во-первых, трудно припомнить в России времена, когда подавляющая часть общества была бы в полной мере довольна центральными и местными субъектами политической власти. По-видимому, есть в нашем национальном сознании какие-то гены вечного недовольства настоящим, ностальгии по прошлому и надежды на чудодейственные рецепты. Эти качества особенно усиливаются в эпохи политической нестабильности.

Во-вторых, агитационно-политическая речь имеет свои законы, в ней используются особые коммуникативные стратегии и тактики. Во все времена и во всех странах оппозиционные партии стремятся показать избирателям, как неудачно правящий режим распоряжается данной ему властью, до какого несправедливого положения доведено государ-

ство. Во многих странах оппозиционеры активно обсуждают и низкий моральный уровень официальных лиц – представителей правящей партии. Соответственно “партия власти” остро критикует оппозицию и объясняет существующие в государстве проблемы тяжелым наследством, доставшимся от предшественников, кознями оппозиции (и иных врагов) или хотя бы объективными обстоятельствами. И чем острее политическая обстановка в стране, тем агрессивнее становятся метафоры.

В-третьих, в советский период наши газеты под идеологическим давлением были “оптимистически ориентированы”: о жизни в советской стране преобладали позитивные сообщения. В постсоветский период наблюдается противоположная тенденция: в средствах массовой информации верх берет негативная оценка. Такая информация оказывается очень востребованной в свободной прессе всех стран, но и в России эта общая тенденция, по-видимому, усиливается за счет того, что со времен перестройки смакование “чернухи” считается признаком свободы и смелости автора. Взвешенность мнений и объективность информации еще не стали в России главным критерием оценки работы того или иного издания.

Рассмотренные особенности современной российской политической и публицистической речи ясно указывают на причины заметного преобладания метафор с концептуальными векторами тревожности, агрессивности и неверия. Мы наблюдаем активизацию именно тех моделей, которые востребованы эпохой.

Создается впечатление, что наше общество (в том числе многие политики и журналисты) еще не в полной мере осознало, что свобода слова не исключает хотя бы нравственной ответственности за сказанное, что, щедро поливая грязью политических оппонентов, невозможно сохранить чистыми собственными руки, и подобная грязь обладает свойствами бумеранга. Эпатирующие общество образы вполне закономерны для политических авантюристов и скандалистов, но совершенно неуместны в речи людей, уверенных в себе и пользующихся доверием общества. В народном сознании справедливо осуждаются люди, которые ради красного словца не жалеют родного отца и родную страну. Нам необходимо научиться (как научились этому в странах с богатыми традициями свободы слова) отличать респектабельные издания от бульварной прессы, а серьезных политиков от скандалистов.

Вместе с тем выявленная картина свидетельствует о несомненной боли за Россию, о желании при помощи метафорической гиперболы выделить наиболее жгучие проблемы, о стремлении к переменам именно в тех областях, которые наиболее последовательно концептуализирует политическая метафора с сильными векторами тревожности, агрессивности, отклонения от естественного порядка вещей.

Важно еще раз подчеркнуть, что рассмотренные образы характеризуют не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом сознании. Как уже было сказано, политическая реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующие проблемы (как приуменьшали их средства массовой информации в период застоя). Мы верим, что наша страна преодолеет все трудности и еще много раз подтвердит свой статус великой державы. Наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире.

Политический язык новой России еще только формируется, пока далеко не все в нем отвечает реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от криминальной, военной и театральной метафоры, от представления родной страны как больного организма или царства животных, что общество ждет совершенно новых концептуальных образов. Это позволяет надеяться на то, что российский политический язык нового века будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей, что в новой метафоре будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия.

Концептуальная метафора способна быть мощным средством преобразования общественного сознания, то есть она способна воздействовать на систему базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в ее развитии. Поэтому с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета. Это будут метафоры общества, уверенного в себе, развивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях и приоритетах.

Екатеринбург

Богоискательство, богостроительство

А.В. ЗЕЛЕНИН,

кандидат филологических наук

Судьба этих терминов в русском языке во многом схожа с участью многих слов – возникнув и просуществовав кратковременный период, прочно обосновавшись в советское время в разряде лексических и стилистических “историзмов”, они вдруг снова возродились. Эти слова из области лексической языковой периферии переместились в центр, став одним из частотных элементов публицистики и заиграв новыми семантическими оттенками. В чем причина подобного возрождения, как данные термины ведут себя в современном языковом пространстве – на эти вопросы мы и попытаемся ответить.

Возникновение этих терминов относится к началу XX века – толчком к их появлению послужили как общеевропейский кризис философской и естественно-научной мысли конца XIX – начала XX века, так и собственно российские исторические события: поражение России в войне с Японией (1904–1905 гг.) и неудача пролетарской революции (1905–1907 гг.). Часть интеллигенции либерального направления пыталась найти точку опоры в религиозном мистицизме В.С. Соловьева – так возникло *богоискательство* (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и др.). Другая часть интеллигенции, прежде сочувствовавшая пролетарской революции, отошла от нее или проявляла колебания, пытаясь обновить марксизм религиозными идеями (придать ему “человеческое лицо”), – так возникло *богостроительство* (А.В. Луначарский, В.А. Базаров, ранний Горький).

Сложные слова с компонентом *бог(о)-*обильно представлены в древнерусском языке – их число измеряется десятками: это были как кальки с древнегреческих лексем, так и созданные на русской языковой почве. В XVIII веке таких слов было создано также достаточно много – либо калек из европейских языков (в основном французского), либо стилизованных под церковнославянизмы (*богобоящийся*, *богодарованный*, *боголюбезный*, *богоненавидец* и т.д.), однако большинство их не укрепилось в языке. В XIX веке продуктивность данной модели минимальна – светская по духу стилистика русского языка уже

не требовала пополнения словами с таким составом. Тем любопытнее, что в начале XX века этот тип сложных слов оказался вновь востребованным – причины лежат в лингвистической (социальной и духовной) плоскости.

Термин *богоискательство* рождался в атмосфере духовных разочарований, напряженных поисков, сомнений и надежд. В это же время в русском языке появляются родственные слова – как автономные, так и в качестве приложений: *монахи-богоискатели* («появились в несметном количестве бродяги, дурачки, монахи-”богоискатели”». Бунин. Суходол), *народ-богоискатель* (Бонч-Бруевич. Материалы к изучению истории русского сектантства и раскола. Т. IV), *богоискание* (“символ эллинского богоискания” – Вяч. Иванов; “чувствую в людях не святую тревогу богоискания, но лишь страх пред лицом жизни” – Горький. Исповедь). На этом фоне неудивительно возникновение самого термина *богоискательство*. Лингвистическим стимулом его появления послужила активизация в конце XIX – начале XX веков суффикса *-ство* при обозначении отвлеченных существительных в области социально-идеологических терминов (Лексика русского литературного языка XIX – XX веков. М., 1981. С. 198–199).

Термин *богостроитель(ство)* появился в тех же социальных условиях и на тех же языковых основаниях, что и предыдущий: «[Горький] был путеводной звездой доморожденных “марксистов” и нынешних “богостроителей”» (Новое время. 1909. 27 янв.). В дискурсе того времени четкого семантического содержания терминов, очевидно, не было; номинаций было множество, поскольку богостроители считали, что любое творчество (а революцию они рассматривали именно как творчество народа), вообще созидательная деятельность человека пронизана и освящена религиозным началом; ср. обилие синонимов в ту пору: “Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т.п. ничуть не больше, чем желтый черт от черта синего” (Ленин. Два письма Горькому). Однако из этого словообразовательного “веера” сохранился и закрепился термин *богостроительство*, другие остались периферийными языковыми возможностями.

В дореволюционное время между богоискателями и богостроителями в публицистике проходила острая, зачастую едкая дискуссия: “В сравнении с катастрофическим, судорожно-эпилептическим богоискательством – богостроительством Достоевского, ясные и прозрачные искания Толстого” (Вестник Европы. 1911. № 3); “эстетические богоискатели” (Боборыкин. Исповедники). В советское время, когда марксистская публицистика стала “единственно правильной” и возможной, оценочность данных терминов стала “измеряться” только марксистскими мерками: «С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание ту-

пого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного “самооплевывания” филистеров и мелких буржуа» (Ленин. Два письма Горькому).

После революции позитивная прагматика слова *богоискатель(ство)* явно идет на спад, в единичных случаях встречаясь только у писателей, когда-то разделявших богоискательские идеи: “Славяне представляют морально совершенно новый и в некотором смысле чрезвычайно опасный для европейской цивилизации тип – богоискателя” (А. Толстой. Хождение по мукам). Побеждает негативная оценочность термина: “Интеллигентчики ушли от всего / И все изгадили. / Заперлись дома, / Достали свечки, / Ладан курят – / Богоискатели” (Маяковский. Владимир Ильич Ленин); ср. также ряд сочетаемости с другими лексемами, с которыми оба термина встречались в советской публицистике: *богоискательские тенденции*, субстантивированное причастие *богоискательствующие* (в письме А. Фадеева А.М. Горькому), *богостроительские шатания*, *богостроительская пропаганда*, *богостроительские учения*, *богостроительские заблуждения*, *проповедь богостроительства* и т.д. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова оба термина квалифицированы как историзмы – считалось, что с этими явлениями покончено раз и навсегда. В советское время данные лексемы могли быть извинительны по отношению к “несоветским” или “несоциалистическим” писателям прошлого, но некорректны и предосудительны по отношению к советской действительности, поскольку связаны с религией (“опиумом для народа”).

“Реабилитация” терминов в общественном сознании началась с середины 70-х – начала 80-х годов XX в. – в первую очередь это связано с именами Ю. Трифонова и Ч. Айтматова (особенно его роман “Плаха”). И хотя на исходе 80-х годов еще звучат подобные высказывания: “выделять [в романе “Плаха”] богоискательство, наркоманов ... никак нельзя” (Студенческий меридиан. 1987. № 10); “За последнее время... стали проявляться богоискательские мотивы” (Правда. 1987. 28 мая), однако общественный камертон настроен уже на иной лад. Активизация данных терминов происходит в языковой плоскости, менявшейся прагматические знаки: сейчас сложные слова с элементом *бог(о)-* расцениваются чаще всего как “положительные” или – по крайней мере – нейтральные. Вернулись в языковой обиход и широко употребляются: *Богоматерь*, *богомолье*, *Богородица*, *богородичный*, *богослов*, *богословие*, *богословский*, *богослужебный*, *богослужение*, *Богочеловек*, *богочеловечество*, *Богоявление*, *богоявленский* и др.

В современном речевом обиходе слово *богоискательство* используется очень широко, *богостроительство* – намного реже и преимущественно с историческими аллюзиями. Кажется, это обусловлено внеязыковыми причинами: богостроительство, зародившееся и развивавшееся в недрах социализма (большевизма и коммунизма), при об-

щем падении интереса к социалистическим идеям, гораздо меньше вызывает общественных симпатий, чем идеи запрещенных религиозных мыслителей (богоискателей) начала XX века, вновь вернувшиеся в интеллектуальный обиход современного российского общества. Оба термина сейчас употребляются как в своем исконном значении, обозначая религиозно-этические учения начала XX века (*Владимир Соловьев принадлежит к русской традиции пламенных богоискателей; игумен Никон прошел жизненный путь, типичный для богоискателя начала нашего века*), так и в смещенном, размытом. Далее нас будет интересовать расширительное значение и употребление данных обозначений.

С одной стороны, в словах происходит обновление внутренней формы и внедрение в них новых прагматических компонентов. На первый взгляд, ничего нового не произошло – этимон не изменился: *богоискатель(ство)* < “поиски бога(Бога)”, *богостроитель(ство)* < “строительство жизни при помощи бога (Бога)”. Однако изменилась в общественном сознании оценка этого этимона: внутренняя форма слов “прочитывается” нашими современниками иначе, чем во времена рождения данных терминов. В современных газетах эти термины очень употребительны: *великий богоискатель Достоевский; богоискательство у Баратынского; мы – нация богоискателей; современные богоискатели; богоборчество и богоискательство, а также богостроительство – истинно русские понятия; богоискательские устремления автора; богоискательские настроения; процесс естественного богоискания и богопознания всегда присущ человеку и т.д.*

С другой стороны, на этой основе происходит расширение смысла терминов – сейчас они признаются одной из основ русского бытия: *богоискательские институты русского сознания; богоискательское отрешение от мира о. Сергия (Радонежского); православная религиозная культура более углублена в богоискание, богопознание; извечное богоискательство и богостроительство русских; вечное богоискательство русского человека стало первичным импульсом для начала освоения космоса (из газет) и мн. др.*

Возвращение в культурный обиход ранее запрещенных книг (преимущественно религиозно-проповеднических) еще более расширило смысл терминов: *Богопознание и Богостроительство сливаются в Богопознание; богоискательская наука древних арийских и греческих мистиков (теософия Блаватской); Индия стала землей богоискателей; гуру вели долгие беседы с юными богоискателями (А. Мень. История религий. Т. 3).* Так, богоискание признается свойством человека как homo sapiens, вне деления на веры и конфессии; в каждом народе испокон веков были богоискатели и богоискательство.

Популярность терминов в современном языковом пространстве стала своеобразным “ключиком” к сердцу читателя, поэтому можно

наблюдать проникновение этих слов и мир рекламы, обильно усащающей ими свои зазывные тексты: *богоискательская фантастика Булгакова; элементы детектива (мистического детектива), бытовой драмы, богоискательской и богоборческой мистерии; в стихах и лирика, и политика, и богоискание – то, чем живет человек 90-х годов* (из газет).

Справедливости ради следует отметить, что как в начале XX века, так и сейчас в официальной русской церкви богоискательство и богостроительство признаются интеллектуальным прельщением, поэтому в православной публицистике такие увлечения оценивались и оцениваются довольно негативно – как заблуждения и интеллектуальная гордыня. Однако религиозная публицистика не может оказывать определяющего влияния на общественное сознание, поэтому такая оценочность остается в пределах ограниченной группы текстов.

Таким образом, термины *богоискательство, богостроительство* (и их однокоренные) проделали на своем веку (действительно – веку, появившись сто лет назад) интересный семантический и прагматический (социально-оценочный) виток: от возникновения и их свободной конкуренции в публицистике начала XX века – через негативную социально-идеологическую оценочность советского времени – к современному бурному периоду переосмысления многих понятий.

Санкт-Петербург

Массивный–массированный – массовый

В.И. КРАСНЫХ,

кандидат филологических наук

Из трех названных паронимов старейшим является прилагательное *массивный*. Впервые это слово было официально зарегистрировано почти двести лет тому назад (в 1804 г.) в Новом словотолкователе Н. Яновского. За прошедшие годы значение этого прилагательного практически не изменилось, а в его толковании современными словарями имеются, по сути, лишь стилистические различия. Если отвлечься от частностей, то значение этого слова вместе с его лексическим оттенком можно сформулировать следующим образом: “Тяжелый, большой; крупный, грузный (о человеке, животном или какой-л. части тела”.

Первая часть толкования слова *массивный* (“тяжелый, большой”) относится к неодушевленному существительному, таким, как *здание, строение, сооружение, собор, храм, корабль, паром, танк, орудие, автомобиль, станок, дверь, ворота, мебель, диван, шкаф, буфет, комод, кресло, кровать, тумба, сковорода, чернильница, подошва, украшения, колье, браслет, цепь, перстень, кольцо* и т.п. Вторая часть толкования (“крупный, грузный”) распространяется на существительные *человек, штангист, борец, фигура, тело, слон, зубр, бык; голова, грудь, подбородок, челюсти, руки, ноги, лапы* и некоторые другие. Проиллюстрируем употребление паронима *массивный* цитатами из современной художественной литературы и периодики:

“Я зашел в мрачный подъезд, пешком поднялся на второй этаж и остановился у *массивной двери*” (А. Кивинов. Отсутствие доказательств); “Он (Твардовский) сидел за большим, с *массивными тумбами* столом...” (В. Лакшин. Твардовский в “Новом мире”); “Им (женщинам-Скорпионам) нравятся *массивные украшения* и настоящие драгоценности” (Домашний очаг. 1999. Май); “На руке Антона посверкивал *массивный серебряный перстень*” (П. Дашкова. Никто не заплачет); “Вход в ресторан загораживала *массивная фигура* служителя в тужурке с золотым кантом и форменной фуражке...” (Ю. Нагибин. Пик удачи); “Сбоку лежала *массивная челюсть* дикого осла, обитавшего в те далекие времена на безбрежных степных просторах” (Сб. “Возраст познания”).

Пароним *массированный* впервые упоминается в Словаре Ушакова в 1938 году (правда, лишь в качестве страдательного причастия

прошедшего времени от глагола *массировать* в значении: “Сосредоточивать, стягивать в одно место войска”). Толкования же самого слова *массированный* при этом не давалось. Фактически это адъективированное причастие получило реальную лексикографическую “прописку” лишь в БАС в 1957 году. Там ему сопутствует следующее толкование: “Сосредоточенный в одном месте. О войске, авиации, артиллерийском огне и т.п.” (*М. артиллерийский огонь, налет авиации, атака* и т.п...).

Несколько расширенное и более точное, на наш взгляд, толкование этого паронима содержится в МАС: “Сосредоточенный, сгруппированный в одном месте; производимый большим количеством чего-л”. Такое же объяснение полностью продублировано и в недавно вышедшем в свет “Большом толковом словаре русского языка” (в дальнейшем – БТС) под ред. С.А. Кузнецова. Этим толкованием вполне можно удовлетвориться. При этом следует отметить, что все упомянутые словари подразумевают лишь военный аспект употребления этого слова. Однако за последние годы круг существительных, сочетающихся с этим паронимом, немного пополнился за счет лексики, относящейся к другим сферам человеческой деятельности (в частности, к сферам идеологии, психологии и экономики). С учетом такого пополнения этот круг в настоящее время выглядит следующим образом: *огонь, обстрел, налет, бомбардировки, воздушная война, танковое сражение, применение чего-л., приток чего-л., наступление на свободу слова, психологическая обработка кого-чего-л., информационная атака на кого-чего-л.* и некоторые другие. Приведем ряд цитат из современной периодики:

“Что же касается действий наших западных союзников, то они, к сожалению, своими *массированными бомбардировками* нанесли огромный урон Франции” (Известия. 1994. 2 июня); “В начале 1965 года начался этап *массированной воздушной войны* США против ДРВ” (Сегодня. 1994. 28 июня); “В некоторых странах идет *массированное наступление на свободу слова*” (Радиостанция “Эхо Москвы”. 2001. 22 января); «Далее анкетированный получает приглашение на так называемую “презентацию”, где и подвергается *массированной психологической обработке*» (Известия. 1994. 1 июня); “При низкой культуре земледелия и животноводства нужны очень крупные инвестиции для *массированного притока* новых технологий (Обозреватель. 1994. № 5).

Перейдем к рассмотрению третьего члена паронимического ряда – прилагательного *массовый*. Это очень употребительное в настоящее время слово впервые зарегистрировано в Словаре Ушакова, причем было выделено пять его значений. В других толковых словарях также указываются от четырех (БАС, МАС) до пяти (Словарь Ожегова) значений этого слова, не считая их оттенков. Приведем толкование, содержащееся в МАС (и полностью повторенное в БТС под ред. С.А. Кузне-

цова): 1. Такой, в котором участвуют широкие массы, большое количество людей (*М. движение, сцены в спектакле, игры*). // Проявляющийся не в единичных случаях (*М. героизм*). // Касающийся большого количества людей (*Оружие м. уничтожения*). 2. Предназначенный для широких слоев населения (*Товары м. потребления*). 3. Принадлежащий к широким массам (*М. читатель, зритель*). 4. Производимый в больших количествах (*М. производство*).

К сожалению, все указанные толковые словари оперируют весьма ограниченным числом соответствующих цитат и речений (в основном, одних и тех же), которые, вполне укладываясь в выделенные рамки значений, не дают из-за своей малочисленности реальной картины функционирования паронима *массовый* в современном русском языке. Однако при попытке разложить по указанным рубрикам значительно большее количество примеров со словом *массовый* (а в нашей картотеке имеется более 80 цитат с этим прилагательным, в основном, из современной периодики), то исследуемый материал “сопротивляется” и в значительной степени не уместается в предложенные рамки. Поэтому появляется необходимость выделения новых значений и определенной перегруппировки указанных выше. При этом вполне оправданным, с нашей точки зрения, является укрупнение некоторых значений (введение так называемых совмещенных значений), что позволяет дать непротиворечивую лексикографическую “прописку” практически всем имеющимся у нас речениям с паронимом *массовый*. Вот как в конечном счете выглядит в нашей интерпретации толкование этого прилагательного:

1. Осуществляемый, происходящий в широких масштабах; касающийся большого количества людей.

2. Свойственный большому количеству людей.

3. Принадлежащий к широким массам; предназначенный для них.

Рассмотрим более подробно круг существительных, сочетающихся с прилагательным *массовый* в каждом из выделенных нами значений.

Применительно к первому значению речь идет о следующих существительных: *перепись (населения), обследование, прививки, наступление, отступление, эвакуация, бегство, эпидемия, производство чего-л., выпуск чего-л., строительство, застройка, реклама, гибель кого-чего-л., террор, аресты, репрессии, расстрелы, зачистки (разг.), увольнение, преступность, коррупция, воровство, мероприятия, выступления, митинги, забастовки, демонстрации, голодовки, протесты, беспорядки, конфликты, стычки, драки, потасовки, бойкот, бизнес, забег, профессии, сцены, развлечения, гулянья, оружие массового уничтожения* и многие другие. Проиллюстрируем сказанное примерами:

“Медики провели *массовые обследования* работников ряда предприятий горнорудной промышленности” (Сегодня. 1994. 23 июня);

“Предполагается, что в *массовое производство* машину запустят в начале следующего года” (Комс. правда. 1997. № 221); “Кстати, Митино, похоже, утрачивает славу самого престижного района *массовой застройки*” (Профиль. 1999. № 3); “Где еще они (фирмы) получают такую *массовую* бесплатную *рекламу* своей продукции?!” (Известия. 1994. 19 мая); “*Массовая гибель* новорожденных оленей происходит в таймырской тундре” (Сегодня. 1994. 7 июня); “Конец августа – начало сентября ознаменовались *массовыми увольнениями* на многих предприятиях и фирмах” (Итоги. 1999. № 10); “И мы при большом наплыве гостей и участников Игр обязаны предотвратить любые попытки *массового* или индивидуального *террора*” (Известия. 1994. 3 июня); “Надо так расширить возможности *массового бизнеса*, чтобы отвести энергичных людей от преступного мира” (Обозреватель. 1994. № 3); “Поначалу кинорежиссеры использовали его (Евгения Эдуардовича) только в *массовых сценах*” (С. Довлатов. Чемодан).

Во втором значении (“Свойственный большому количеству людей”) прилагательное *массовый* сочетается с такими существительными: *увлечение, интерес, героизм, энтузиазм, сознание, психоз, гипноз* и некоторые другие. Например:

“Так что меня тревожит нынешний упадок астрономии, угасание *массового интереса* к ней” (Известия. 1993. 15 мая); “Слова о *массовом героизме* не мешали канонизировать единичных, преимущественно погибших героев и сбрасывать со счетов остальных” (В. Кардин. Легенды и факты); “У телевидения как наиболее эффективного средства воздействия на *массовое сознание* запросы соответствующие” (Мир за неделю. 1999. № 9); “– Вот, граждане, мы с вами видели сейчас случай так называемого *массового гипноза*” (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Круг существительных, сочетающихся с рассматриваемым прилагательным в третьем значении (“Принадлежащий к широким массам; предназначенный для них”), включает следующие слова: *зритель, читатель, потребитель, опора; автомобиль, журнал, газета, тираж, культура, литература, библиотека, представления, зрелища, товары массового спроса, средства массовой информации* и некоторые другие. Приведем ряд примеров:

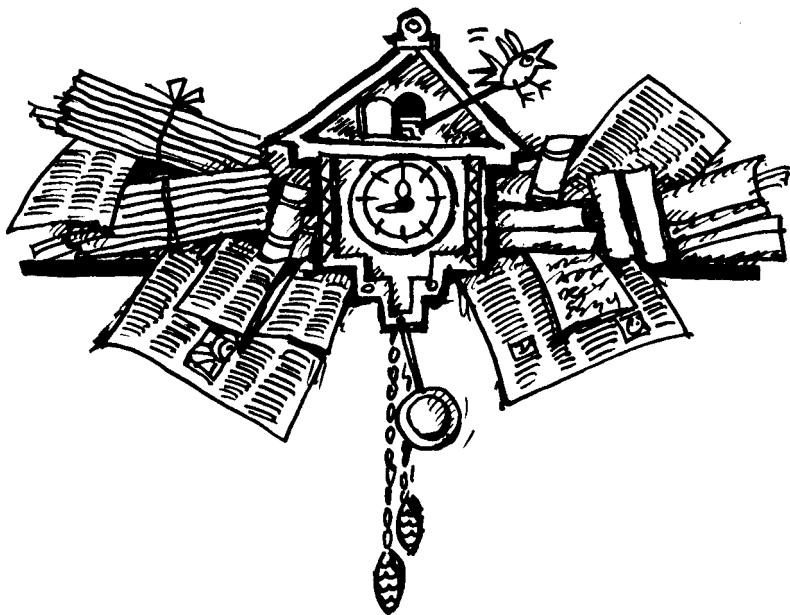
“Хотя в последнее время и вышли словари иностранных слов, фиксирующие новейшие заимствования, *массовый читатель* не станет поминутно заглядывать в них, чтобы понять журналистский текст” (Русская речь. 1999. № 1); “Сегодня подавляющее большинство предприятий работает на *массового потребителя*, и им не до проблем больных людей” (Известия. 1994. 9 июня); “Во время гражданской войны крестьяне служили *массовой опорой* коммунистов в освобожденных районах Китая” (Известия. 1994. 9 июня); «Американский литературно-политический ежесемесичник “Ридерз дайджест” – самый *массовый журнал*

и мире» (В. Николаев. Титан); “Моя будущая специальность – режиссер *массовых представлений*” (Л. Плешаков. Как трудно быть самим собой); “Сегодня не до сказок. И елка в *массовой культуре* заменилась говорящими пеньками и прочей нечистью” (Известия. 1998. 30 дек.); “Не хватит ли переваливать на *средства массовой информации* толкование намерений правительства?” (Известия. 1993. 15 мая).

Итак, мы рассмотрели основные особенности функционирования паронимов *массивный*, *массированный* и *массовый*. Эти слова достаточно четко разграничены по своим значениям, лексической сочетаемости и потому не образуют паронимических и синонимических словосочетаний. Старейшим среди них и наиболее “консервативным” является прилагательное *массивный* – сочетаясь исключительно с конкретными существительными, оно практически не расширяет своего круга лексической сочетаемости.

Адъективированное причастие *массированный*, которое первоначально “обслуживало” лишь существительные, имеющие отношение к войне, постепенно выходит за эти узкие рамки, что мы и постарались показать на нескольких примерах.

Что же касается прилагательного *массовый*, то мы являемся свидетелями его бурной семантической “экспансии” и стремительного расширения круга лексической сочетаемости. По нашим наблюдениям, в настоящее время имеется уже более 120 именных словосочетаний с этим паронимом. И можно с большой долей уверенности утверждать, что это количество будет возрастать и дальше.

Язык прессы**В свободном полете воображения***О “хороших” и “плохих” сравнениях и метафорах*

*Н.В. МУРАВЬЕВА,
кандидат филологических наук*

Журналисты редко соглашаются с тем, что их профессия в такой же степени ремесло, в какой и искусство, что владение техникой создания текста необходимо так же, как и творческое вдохновение, интуиция. Однако практика убеждает нас с тем, что в ситуации, когда времени на раздумья и шлифовку написанного очень мало, когда поток, по сути, однотипных текстов очень велик, нежелание осмысленно относиться к законам ремесла, “набивать руку” приводит к результатам, часто далеким от замысла автора.

Особенно опасно, как это ни странно, не отсутствие знания речевых средств и композиционных приемов, которые помогают автору “упаковывать” информацию разными способами, с лучшим результатом, а полужнание, приблизительное представление о том, что он мо-

жет использовать в своем тексте, или как это должно быть сделано. Если в газетном или журнальном тексте у автора еще есть возможность взглянуть со стороны на то, что он создает, то в случае с радио- или телевизионной передачей не всегда помогают даже и “домашние заготовки”. В неподготовленной, рожденной в момент произнесения фразе – так же, как в тексте, написанном при нехватке времени, – мы часто видим те или иные неудачи, рассматриваемые общей риторикой.

В журналистике широко используется сопоставление различных ситуаций, событий, предметов. Доказательная сила такого хода невелика, однако в СМИ это наиболее естественный путь познания и оценки. Понятно, что в коммуникативном смысле добиться сопоставления можно по-разному. Наиболее известные средства – это сравнение, метафора (как свернутое сравнение), синтаксический параллелизм. Сопоставление можно также построить на основе композиционных приемов – аналогии, аллюзии, проспекции и ретроспекции.

Посмотрим, как используются сравнения и метафоры, всегда ли журналисты добиваются того результата, к которому стремятся? Возьмем для этого тексты газет и телевизионных передач, а также учебные тексты, написанные студентами факультета журналистики, и дадим им с небольшими комментариями:

1) “Сегодня выставки – это атрибут государственности” (ОРТ. Утро. 1998. 20 янв.) – выставка не является атрибутом (признаком) государственности; “Лужков многолик, как янус, и многорук, как Шива” (Мегаполис-экспресс. 1997. № 18) – бог Янус не многолик, а двулик; “Я думаю, что лучше не бряцать ни словами, ни оружием” (НТВ. Сегодня. Интервью с политиком. 1998. 17 янв.) – невозможно представить себе бряцание словами; “душа может покрыться суетой” (Красное знамя. 2001. 16 марта; Сыктывкар). Такие сравнения и метафоры можно назвать необоснованными, “ложными”, они утверждают то, чего не может быть. 2) “Анонс, словно электрошок покойника, пытается оживить угасший было интерес” (Витрина. 1997. № 12) – неудачный порядок слов в сравнении создает двусмысленность; “А за ней мал мала меньше – сестренки и братишки, похожие друг на друга, словно грибочки – крепенькие, беленькие, по просторной избе ходят в одинаковых вязаных носочках” (Саров. 2000. № 45; г. Саров Нижегородской обл.) – для удачного по смыслу, изобразительности сравнения *как грибочки* выбрано неверное место в предложении, в результате вязаные носочки становятся доказательством сравнения; «Трудно передать тот взрыв эмоций, пробежавший по толпе людей при появлении Олега Газманова и его группы “Эскадрон” (Там же). Пробежать в переносном смысле значит “появиться и быстро исчезнуть, мелькнуть”, основа этого значения – “передвижение”, а взрыв в переносном смысле значит “внезапное сильное и шумное проявление чего-

либо”, основа этого значения – “сила и громкость”, здесь нет никакого “передвижения”, поэтому нельзя сказать “пробежавший по толпе взрыв”; “В общем, крышка того самого сундука прихлопнет меня. Ле-гонько...” (Саров. 2000. № 37); «Возможно, из этих “ежевых рукавиц” и не смог выпутаться Василий» (Там же); классические полотна “Пиковая дама”, “Отелло” (Красное знамя. 2001. 16 марта). Подобные ошибки возникают из-за того, что мы не задумываемся над тем признаком, который лежит в основе метафоры и который составляет ее суть, и в результате получаем либо неправильную лексическую сочетаемость, либо неправильную (обычно двусмысленную) синтаксическую конструкцию; такие сравнения и метафоры являются неправильными с точки зрения их языкового механизма.

3) “В грандиозности вокзалов, высоток, перспектив, мостов и поездов эти трое казались блошками, божьими коровками” (Завтра. 1997. № 16); “Алексей Ильич устало откинулся на спинку неудобного жесткого стула. Он напоминал большой грузный мешок, я отложил протокол и внимательно его рассматривал” (Мир новостей. 1997. 27 янв.); “Глядя на появившегося перед нами, словно из глубины времен, в сумерках уходящего дня гигантского исполина, покрытого, словно щетиной, девственным лесом, каждый из нас невольно испытал какое-то непонятное щемящее чувство” (Инфо-панорама. 1997. № 49; г. Ижевск) – эти сравнения вызывают у адресата неточные ассоциации, ненужные в данном тексте размышления, такие сравнения можно назвать неуместными. Метафора так же может быть неуместной: «Порция горячей информации ожидается после того, как в России закончится сериал под названием “выборы в законодательные и представительные органы субъектов Федерации»» (МК. 1997. 27 нояб.) – соседство слов *порция* и *горячий* приводит к тому, что у них появляется прямое, а не переносное значение; аналогичные примеры: “Упаковку съел – на год помолодел” (реклама “Живой хлеб – пища XXI века”); “Он верит, что они (хоккеисты. – Н.М.) не утратили патриотизма за океаном и не ударят в лед лицом” (ТВ-центр. Навигатор. 1995. 5 февр.); “Похмелье и налоги – два бремени в одном новогоднем флаконе” (Моск. окраина. 1997. № 21).

Приведем еще несколько примеров неуместной метафоры: “Дума – такие же люди: от цвета науки до бездарностей. Слепок с большого общероссийского котла” (Мир новостей. 1997. 27 янв.); “И самое захватывающее во всем этом – попытка проникнуть в тайны прошлого, что хранятся в допотопных сусеках времени. Словно случайно оказавшись на странном чердаке полуразрушенного старого дома, я наткнулась на забытый кем-то сундук, только приоткрыла крышку и...” (Саров. 2001. № 37) – *сусеки* – *чердак* – *сундук* – цепочка слов одного тематического ряда в прямых и в переносных значениях создает ненужную двусмысленность, неясность; во всех последних случаях ме-

тафоры можно было бы употребить по отдельности, однако их соединение создает абсурдную картину.

Неудачи в использовании метафоры и сравнения говорят о том, что журналисты плохо представляют себе основные условия, необходимые для того, чтобы их ожидания, связанные с этими выразительными средствами, соответствовали результатам. Что же необходимо знать и уметь журналисту, который использует в своей речи языковую метафору или отваживается создать собственную, контекстуальную? Прежде всего, конечно, надо понять, что такое метафора, как она устроена. Однако этого недостаточно. “Метафора таит в себе разные опасности: или распространяет зловоние банальности, или приводит к нелепостям; нужно много такта, ума и вкуса, чтобы сохранять меру и изящество в отношении этих коварных словесных украшений, — писал Ян Парандовский, известный польский филолог, писатель и переводчик. — Трудно обойтись без метафоры... Она, по-видимому, отвечает врожденной потребности человеческого ума, и лучше употреблять ее сознательно, нежели инстинктивно” (Я. Парандовский. Алхимия слова. М., 1972. С. 160).

Грамотное использование метафор невозможно без точного знания трех моментов:

1) В чем состоит сходство того объекта, чье наименование мы берем, чтобы назвать тот объект, о котором мы пишем; насколько точно и ясно это сходство?

2) Является ли это сходство важным для содержания нашего текста, какая характеристика “привлекаемого” объекта будет “работать” в тексте?

3) Какие чувства, оценки вызывает “привлекаемый” для сопоставления объект и нужны ли эти оценки в тексте?

Если именно эти характеристики и оценки необходимы, метафора будет обоснованной и уместной. К тому же если мы хотим использовать в тексте несколько метафор, надо позаботиться о том, чтобы как-то соотнести их друг с другом, и чем меньше объем материала, тем больше это необходимо.

А в чем состоит грамотное использование сравнения? За ответом и примерами стоит обратиться к нашим классикам: “Воздух там чист, как молитва ребенка” (Лермонтов); “Горестное умиление, возбужденное в нем Татьяной, растаяло, как снег на огне” (Тургенев); “Дым от выстрелов, как молоко, белел по зелени травы” (Л. Толстой); “Он сделался бледен, как полотно, схватил стакан, налил и подал ей” (Лермонтов); “Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрерывным шорохом, похожим на невнятное ворчанье” (Тургенев).

Итак, основные условия грамотного журналистского сопоставления таковы:

а) правильное, понятное сопоставление: читатель точно понимает, в чем состоит сходство двух ситуаций или предметов, по какому признаку они сопоставляются;

б) обоснованное, убедительное сопоставление: читатель в реальности, на самом деле находит тот признак, по которому ситуации или предметы подаются как сходные;

в) уместное, неслучайное сопоставление: читатель может соотнести сопоставление с общим содержанием текста так, как это задумывал журналист; добавим сюда также правило, на которое указывал Цицерон, – о недопустимости привлекать для сопоставлений предметы безобразные и безнравственные и тем самым обращать на них внимание слушателей и читателей.

Как видим, любое словесное средство выражения мысли имеет свои “секреты”, без владения которыми журналисты и телевизионные ведущие обрекают себя на риторические неудачи: “Первый, кто сравнил женщину с цветком, – сказал Гейне, – был великим поэтом, кто это сделал вторым, был обыкновенным болваном”. Умение постоянно находить новые сравнения и метафоры для журналиста не менее важно, чем для писателя. Наверное, для работников СМИ был бы полезным особый словарь – собрание банальных сравнений и метафор. Конечно, говорящий и пишущий могут совсем не использовать риторические средства и приемы, но тогда им придется передавать свои мысли без особого блеска, в бесцветной, упрощенной, “голой” словесной оболочке. Но согласится ли с таким выбором аудитория СМИ?

**Измаил
Иванович
Срезневский
(1812–1880)**

Род Срезневских идет из населенного “государственными крестьянами” села Срезнева, находящегося на высоком берегу Оки в 18 верстах от уездного города Спасска Рязанской губернии... Такими словами был открыт том памяти Измаила Ивановича Срезневского, опубликованный в 1916 году. Теперь уже мы готовимся к новому юбилею – в 2012 г. исполнится 200 лет со дня рождения великого русского филолога и педагога, академика Императорской Академии наук И.И. Срезневского. И даже сейчас многие факты его биографии почти неизвестны широкой читательской аудитории. Но именно в них кроются основы его личности, сформировавшейся не без влияния родового древа семьи и ее традиций.

Предки И.И. Срезневского не в одном поколении были священниками села Срезнева. “Дед его священник Евсений Иоаннович, обремененный большой семьей, не имея никаких средств, был не в силах дать детям и самое малое образование. Кто из них искал науки и интересовался ею, сам должен был добывать ее, если только обладал достаточной силой воли”, – писал сын Срезневского Всеволод Измаилович (Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. Пг., 1916. С. 1). Отец будущего русского ученого, Иван Евсеевич, окончив Ря-

занскую семинарию, продолжил обучение в Московском университете. По окончании работал некоторое время учителем, а «по достижении степени магистра философии и свободных наук в 1804 г. был приглашен А.Г. Демидовым в открывавшееся тогда в Ярославле Демидовское высших наук училище на кафедру “словесности древних языков и российского красноречия”»; затем в 1812 г. после смерти профессора российского красноречия и поэзии в Харьковском университете И.С. Рижского был выбран советом университета на эту кафедру и через год удостоен звания доктора свободных наук» (Срезневский Вс.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. Пг., 1916. С. 2).

Как и отец, И.И. Срезневский “образованию юношества посвящал себя более по доброй склонности души своей, нежели по долгу” (Там же. С. 3–4). Оттого в его юношеских увлечениях были литература и музыка, стихи и народный малорусский фольклор – словом, все то, что способно возвысить дух над тяготами земной жизни. И действительно, ведь даже такое странное и необычное имя, которым одарил против воли родных его отец – Измаил (“устроит Бог”), – словно предопределяло будущую судьбу И.И. Срезневского.

В 1826 г. Измаил Иванович поступил на этико-политическое отделение Харьковского университета, где главным предметом его занятий была юриспруденция. После окончания университетского курса И.И. Срезневский поступил на службу в Харьковское дворянское депутатское собрание, а с 1834 г. был библиотекарем в Харьковской городской библиотеке. В то же время он не оставлял и преподавательскую деятельность, работая учителем русского языка и словесности, истории и географии в частных училищах. В 1835 году он сдал экзамен на степень магистра политической истории, статистики и экономики и вскоре защитил диссертацию на тему “О сущности и содержании теории в науках политических”. А уже в сентябре 1837 г. И.И. Срезневский был назначен адъюнкт-профессором Харьковского университета по кафедре политической экономики и статистики. “Судя по рассказам слушателей, – пишет в воспоминаниях его сын, – лекции И.И.-ча резко отличались от лекций других профессоров; лектор блистал в них и новизною взглядов, и богатством данных, черпаемых из иностранных сочинений, и мастерством и живостью изложения; аудитория его была полна, о чтении говорили в городе” (Там же. С. 11–12).

Большое значение для него имело путешествие по славянским землям, в которое он отправился в 1839 году. Ученый посетил Берлин, где под руководством знаменитого языковеда Ф. Боппа занимался санскритом. Далее он побывал в Праге и изучал чешский язык, посетил крупные научные центры славянской Европы – Вену, Загреб, Дрезден, Краков, Варшаву, познакомился с видными учеными – П.И. Прейсом, Караджичем, Л. Штуром. Из своей заграничной поездки И.И. Срез-

невский привез разнообразные этнографические и литературные материалы, уникальные наблюдения над диалектами (в частности, он изучал “горно-лужицкое наречие”). Именно славянству, его прошлому и настоящему, он посвятил дальнейшую свою деятельность и с 1842 года в Харьковском университете начал чтение лекций по истории и литературе славянских наречий.

И.И. Срезневский в своих многочисленных разысканиях опирается и на опыт русских ученых. Так, он с успехом продолжил традиции научной школы А.Х. Востокова. Кстати, именно им была написана программа по собиранию материалов для “Опыта областного великорусского словаря”, предложены и дополнены сведения по вологодским, воронежским областным словам, диалектам северо-восточной Сибири. Замечательный труд ученого – “Мысли об истории русского языка”, – изложенный И.И. Срезневским на годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 года, явился во многом программным и был сочувственно принят общественностью. Основное же достижение состояло в том, что он ввел русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков “и таким образом определил тот главный фундамент, на котором должно строиться здание исторической грамматики русского языка...” (Шахматов А.А. Курс истории русского языка. 1908–1909 учебный год. Ч. I. СПб., [1909] [Литографированное издание]. С. 449). В своей книге автор изложил взгляд и на соотношение и различия языка народного и языка книжного (см. подробнее: Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959. С. 36–38 и далее), дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры.

В других статьях и заметках И.И. Срезневский неизменно продолжал анализ языковых данных, почерпнутых им из памятников письменности. Так, в работе “О древнем русском языке” он, в частности, писал: “Прочное начало образования книжного русского языка, отдельно от языка, которым говорит народ, положено было в XIII–XIV веках, тогда же, как народный русский язык подвергся решительному превращению своего древнего строя. В XIV веке язык светских грамот и летописей, в котором господствовал язык народный, уже приметно отделился от языка сочинений духовных” (Там же. С. 82–85).

Свои главные выводы И.И. Срезневский вынес из большого опыта изучения славянских языков и наречий и памятников русской старины. Можно сказать, что именно этим драгоценным источником он посвятил всю жизнь, издавая и исследуя их историю, тексты, язык. Из наиболее значительных трудов отметим прежде всего “Древние памятники русского письма и языка (X–XIII вв.). Общее повременное обозрение” (СПб., 1866) и сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, публиковавшиеся в 1867–1891 гг.

Широко известны и другие научные достижения ученого: открытие “Саввиной книги”, “Листков Ундольского”, “Киевских глаголических отрывков”, а также его исследования по палеографии (см., например: Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. М., 1885) и лексикографии, основу которых составили как раз выписки делового и бытового содержания. “Но недостаточно читать древние тексты; надо их и понимать”, – высказался А.И. Соболевский в статье, посвященной памяти И.И. Срезневского (Соболевский А.И. Заслуги И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. – СПб., 1916. С. 178).

Измаил Иванович усиленно занимался подготовкой словаря древнецерковнославянского и древнерусского языков, который был издан позднее стараниями его детей. Здесь талант И.И. Срезневского выразился с наибольшей силой, а его языковое чутье и многолетний труд по собиранию и изданию рукописей воплотились в последовательном, научно обоснованном словарном пособии, где теория и история языка представлены в многообразии его форм. Заметим попутно, что в архиве И.И. Срезневского сохранились редкие образцы нетрадиционного, “карнавального” делового письма. Таково, например, “Дело о побеге беглого петуха от курицы” 1750-х гг. (Российский гос. архив литературы и искусства. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. № 1021).

И.И. Срезневский так писал об источниках своего словаря: “Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках. Собственно русские памятники, насколько они мне известны, – летописи, грамоты, уставы, слова, сказания, жития святых, записи и надписи, – собраны мною для словаря все без исключения. Памятники славяно-русской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но еще не все. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать один за другим и постоянно увеличиваю мой запас” (цит. по изд.: Кондрашов Н.А. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) // Русская речь. 1980. № 2. С. 101).

Необходимо сказать и об еще одной стороне его деятельности, имеющей, как нам кажется, непосредственное отношение к современной науке. Наблюдения над словом и текстом, народными говорами и культурой языка русского народа в целом привели ученого к оформлению особой лингвистической дисциплины – географии русского языка, прародительницы современной этнолингвистики. И поныне эта мысль И.И. Срезневского столь же актуальна, как полтора столетия назад. “Вопросы географические в языкознании, – писал он, – самые современные; новее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как и в исследованиях о других языках Европы” (Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник

Императорского Русского географического общества за 1851 г. Ч. 1. Кн. 1–2. Отд. V. 1851. С. 3). И далее он поясняет назначение этой науки: “Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях – вот задача географии языка” (Там же. С. 4). Современнно звучит и предлагавшаяся И.И. Срезневским программа изучения географии языка:

“I. Об области, занимаемой языком: о земле и народе в историко-географическом отношении, о расселении народа и вселении в его земле иностранцев.

II. О языке, в отношении к его характеристическим признакам, к влиянию, которое на него производили местность природы и языки соседей.

III. О народной словесности как произведении местности на языке этой местности.

IV. О письменной обработке языка также как произведении местности” (Срезневский И.И. Русь Угорская. Отрывок из Опыта географии русского языка // Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 4. Кн. 1–2. Отд. II. 1851. С. 2).

На одном из заседаний Отделения русского языка и словесности Академии наук 1848 г. И.И. Срезневский за свои ученые заслуги был избран адъюнктом и “понемногу начал вносить оживление в унылую деятельность Отделения и вскоре на многие годы, до самой своей смерти, сделался его центром, главной его научной силой” (Срезневский Вс.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916. С. 40). Первая мысль ученого уже в новом качестве состояла в том, чтобы организовать периодическое издание, посвященное исключительно русской и славянской филологии. И в 1852 г. выходит первый выпуск “Известий ОРЯС”, душой которого стал И.И. Срезневский. В 1854 г. его избирают академиком Императорской Академии наук, а затем он становится председателем ее Второго Отделения.

Ученики И.И. Срезневского, среди которых было немало талантливых историков, этнографов, филологов, педагогов: П.А. Лавровский, В.И. Ламанский, М.И. Сухомлинов, Н.С. Тихонравов, А.Н. Пыпин, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, Т.Д. Флоринский – остались преданными делу своего учителя, создав самобытные труды и продолжив каждый по-своему развивать идеи И.И. Срезневского. Так, один из них, П.А. Лавровский, выпустил обстоятельное сочинение “О языке северных русских летописей”, где вновь обозначил мысль И.И. Срезневского о единообразии русского языка до XIII–XIV вв., но, проанализировав язык новгородских рукописей, где сохранились некоторые диалектные черты, восходящие к эпохе до XII века, он внес существенную поправку, свидетельствовавшую о существовании местных

отличий в русском языке древнейшей поры (см.: Лавровский П.А. О языке северных русских летописей. СПб., 1852).

В деятельности И.И. Срезневского находили удивительную гармонию и строгие сравнительно-грамматические исследования, и благо-словенная работа со словарными материалами, и народный фольклор, и труды по расшифровке и изданию памятников древней старины. И.И. Срезневский, по воспоминаниям своей дочери, был очень музыкален, а в исполнении произведений ценил “не столько виртуозность, сколько выразительность” (О.И. Срезневская. Художественные произведения И.И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. Пг., 1916. С. 263).

Один из его знакомых, С.А. Николаевский, вдохновленный рассказом ученого о происхождении своего имени, произнес:

В пору великого двенадцатого года,
Когда Россия знать себя дала врагам,
Родился гражданин средь русского народа
Отчизне в честь и на отраду нам.
И, торжествуя праздник Измаила,
Мы за него не ведаем тревог,
И верим, что его не оскудеет долго сила
И что во всем его устроит Бог
(там же. С. 277).

И действительно, для И.И. Срезневского были неразрывны два понятия, две судьбы: наука и отечество. Пусть слова, сказанные им по случаю столетия смерти Ломоносова, в какой-то мере будут “напутными” и его нынешним и будущим последователям: “Люби науку не в себе одном, а во всех ей преданных, везде и во всем, и тепли любовь эту в юношах”.

О.В. Никитин

***“Книга святого Августина”
и дворцовые перевороты
Петровской эпохи***

*В.В. Калугин,
доктор филологических наук*

“Книга святого Августина” в русском переводе XVI века – первое “избранное собрание сочинений” в России виднейшего западноевропейского богослова, Аврелия Августина (13.XI.354–28 или 30.VIII.430 гг.). Это яркий пример латинского влияния на русскую книжность в эпоху Ивана Грозного, а также связи литературных традиций XVI–XVII веков. История памятника, остававшаяся невыясненной до сих пор, связана с такими известными именами, как Максим Грек, его ученик князь Андрей Курбский, Карион Истомин, Евфимий Чудовский, боярин И.К. Нарышкин, царевна Софья Алексеевна и др.

“Книга святого Августина” была переведена в России в литературном окружении афонского монаха Максима Грека, возможно, известным книжником Дмитрием Герасимовым в 1518–1524 годах. К маю 1564 года существовало, как минимум, три ее списка. Это, во-первых, архетип перевода, во-вторых, рукопись старца Псково-Печерского монастыря Вассиана Муромцева, созданная не позднее 1563 года, и, в-третьих, восходящий к ней сборник князя Курбского 1563–1564 годов.

После бегства Курбского в Литовскую Русь ночью 30 апреля 1564 года и казни Вассиана Муромцева по приказу Ивана Грозного в 1570 году история памятника фактически прервалась. В настоящее время известен только один полный список “Книги святого Августина”, который изготовил около 1692 года монах Евфимий Чудовский, большой любитель книжных раритетов (Государственный Исторический музей, собрание Чудова монастыря. № 216).

Рукопись озаглавлена: “Книга святого Августина, западного учителя, епископа Иппонского”. В начале ее помещено своеобразное введение – “Житие святого Августина”, состоящее из 31 главы. Автор жизнеописания Августина – его ученик Поссидий, епископ города Калама в Северной Африке. Далее следует “Оглавление книги сея” – содержание ее двух частей. Первая часть сборника “Августина учителя о видении Христа, или о слове Бога” начинается предисловием и состоит из 36 глав. Во вторую часть входят “Поучения, или Молитвы зело душеполезныя, учителя Августина”, содержащие сорок глав.

В работах исследователей XIX – начала XX века (А.В. Горского, К.И. Невоструева, А.И. Соболевского) было установлено, что сочинение “О видении Христа” является переводом “Manuale”, а “Поучения, или Молитвы” – переводом “Meditationes”. В переводе “Meditationes” пропущена стихотворная глава 26 “Hymnus de gloria paradisi”, видимо, по причине ее значительного объема, так как в других частях книги небольшие латинские стихи переведены прозой. Соответственно, в русском переводе “Поучений, или Молитв” на одну главу меньше, чем в латинском подлиннике: 40 глав, а не 41. По ряду признаков русский перевод “Manuale” и “Meditationes” близок (но не тождествен) той версии текста, которая опубликована в десятом томе собрания сочинений Августина, изданном в Базеле в 1505 году.

“Книга святого Августина” заканчивается двумя повестями, которые анонимный русский книжник слышал, по его признанию, “от многих православных”, но чаще всего от Максима Грека. Первая повесть о явлении Августину на морском берегу ангела в виде отрока представляет собой запись “бродячего” сюжета, ранее опубликованного в латинском сборнике нравоучительных рассказов “Speculum exemplorum”, который неоднократно издавался в Западной Европе начиная с 1481 года. Во второй повести об Августине и простеце отшельнике также литературно обработан “бродячий” сюжет, между прочим

использованный в рассказе Л.Н. Толстого “Три старца”. Вариант этого сюжета о старце Заонежья (со ссылкой на жития святых) был услышан нами от отца Савватия в Валаамском монастыре в 2000 году.

В средневековые “*Manuale*” и “*Meditationes*” приписывались Августину, но в действительности они не принадлежат ему. Это компиляции, в которых наряду с отрывками из подлинных творений Августина использованы произведения Ансельма Кентерберийского, Пьетро Дамиани и церковных писателей XII века. Впрочем, с точки зрения древнерусских книжников это были подлинные творения Блаженного Августина, а в данном случае важно само обращение к его творчеству в Московской Руси. Из большого и разнообразного наследия Августина внимание переводчика привлекли не его богословские и религиозно-полемические трактаты, а дидактические произведения – поучения и молитвы, составлявшие основной круг древнерусского духовного чтения.

История “Книги святого Августина” и ее переработка в конце XVII века является зеркалом дворцовых переворотов в России, вызванных борьбой за власть после смерти царя Алексея Михайловича. Алексей Михайлович был женат дважды: первым браком на Марии Ильиничне Милославской, а вторым – на Наталии Кирилловне Нарышкиной. От первого брака родились будущие цари Федор, Иван и царевна Софья, от второго – Петр I. После смерти Алексея Михайловича 29 января 1676 года боярин Матвеев пытался возвести на престол Петра I, но потерпел поражение в борьбе с партией Милославских, сумевших отстранить от двора близких к Нарышкиным лиц. Многие из них были сосланы в дальние воеводства.

После смерти молодого царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 года “партия” Нарышкиных отстранила от власти болезненного и неспособного к государственным делам пятнадцатилетнего Ивана V и провозгласила царем его младшего брата девятилетнего Петра I. Молодой брат царицы Наталии, Иван Кириллович Нарышкин, был срочно возвращен из ссылки в Москву. 7 мая 1682 года он получил боярский чин и был назначен из комнатных стольников оружейничим. По свидетельству современников, Нарышкин “желал управлять государством до совершеннолетия царя Петра, чему Софья противилась”. “Кто умер, пусть себе лежит, – заявил он на похоронах Федора Алексеевича и добавил, имея в виду своего племянника: – а царь не умер, но жив!”

Ответом на дворцовый переворот стал стрелецкий бунт, который царевна Софья и боярин И.М. Милославский, возглавлявший семейную придворную коалицию, использовали для устранения партии Нарышкиных. 17 мая 1682 года восставшие, захватив Кремль, добились выдачи Нарышкина. В тот же день его пытали в застенке, а затем каз-

нили на Красной площади по обвинению в заговоре на жизнь царевича Ивана.

Нарышкину посвящена книга “Боговидная любовь” придворного писателя Кариона Истомина, сохранившаяся в списке конца XVII века (Библиотека Российской академии наук, П. I. А. 72). Ее открывает небольшое “Предисловие к любезнейшему читателю”, в котором Истомин дважды обращается к своему покровителю, называя его “любезнейший благодетелю мой Иоанн Кирилович”. «Сего ради, – писал он, – толикаго таинства боговидныя любви аз друголюбием твоим побежден, ведая о мудрости яже по Бозе твою равность, велиим трудом снисках и к твоему благочестию книгу, глаголемую “Любовь боговидную”, написав, предложих».

“Нарышкинский” список “Боговидной любви” почти не привлекал внимания исследователей, как, впрочем, до сих пор оставались невыясненными история памятника, его источники и их происхождение. Многие исследователи (М.Н. Мурзанова, Р.К. Агаркова, И.Ф. Мартынов, С.И. Николаев, А.М. Панченко и др.) считали, что перевод “Боговидной любви” был выполнен самим Карионом Истиным в 1687 году для царевны Софьи. *На самом деле, в основу “Боговидной любви” положен русский перевод XVI века “О видении Христа” из “Книги святого Августина”.*

Помимо предисловия, Истомин поместил в “нарышкинском” списке две раскрашенные печатные гравюры (одна из них – изображение Августина) со своими стихами:

Августин святыи книгу сю состави,
ко Богу всю жизнь свою он исправил.
Словеса его сладчайша zde сота,
в них же знается Бога к нам доброта.
За сие его должно есть хвалити,
читай книгу, о помощь просити.
Отче Августин святыи, веселися
и о мне всегда Христу помолися.

На второй гравюре изображен “Иисус Христос, творец мира”, а вокруг нее написаны стихи “Сладкая беседа”:

Христе сладосте, велия утеха,
в беседу Твою даруй ми поспеха.
В ней мене улади во вечное время,
да не тяготит всегда греховное бремя.
Ты убо к Себе вся призываеши,
щедроты Твоя нам изливаеши.
Темже всеусердно мы к Тебе прибегаем,
с Тобою быти всюду в беседе желаем.

По наблюдениям Р.К. Агарковой, молодой дьякон путивльской Молченской пустыни Истомин посетил Москву впервые в 1676 году и тогда же вошел в доверие к Евфимию Чудовскому – правой руке патриарха Иоакима (Агаркова Р.К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Уч. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т.Г. Шевченко. Душанбе, 1967. Т. 51. Сер. филол. Вып. 19: Языкознание и литературоведение). Точное время переезда Истомина в столицу неизвестно, но в 1679 году он уже служил на Московском Печатном дворе и выполнял поручения патриарха Иоакима.

Во время правления Федора Алексеевича (29.I.1676 – 27.IV.1682 г.) Нарышкин находился в рязанской ссылке по обвинению в заговоре на жизнь царя. Истомин никогда не решился бы посвятить книгу опальному вельможе, при этом называя его своим “любезнейшим благодетелем” и прославляя его “друголюбие”, мудрость и благочестие. Скорее всего, “Боговидная любовь” появилась в течение трех недель возвышения и гибели Нарышкина: не ранее 27 апреля и не позднее 17 мая 1682 года. Возможно, Истомин лишь написал небольшое “Предисловие к любезнейшему читателю” к уже готовому тексту. Так как в предисловии Нарышкин не назван боярином, можно допустить, что оно было закончено до 7 мая 1682 года, когда Иван Кириллович получил этот чин. Карион Истомин незамедлительно откликнулся на смену власти в “верхах”, но поторопился.

В результате стрелецкого восстания на трон был возведен Иван V, и 26 мая 1682 года Земский собор утвердил его в качестве “первого” царя. Петр I был объявлен “вторым” царем, а регентшей и правительницей России стала царевна Софья. В новой обстановке Истомин повел себя как опытный царедворец.

В январе 1687 года он написал новое предисловие к “Боговидной любви” с посвящением царевне Софье Алексеевне. 13 марта 1687 года книга была поднесена ей в дар. «“...Приношу в созидание богоизбранию твоему, – обращался писатель к царевне Софье, – книгу “Боговидную любовь”, яко бы рукою осязанно глаголати со Христом, блаженнаго Августина...”» (Российский государственный архив древних актов, собрание Ф.Ф. Мазурина, № 645).

Истомин собирался украсить “подносной” экземпляр книги 36 миниатюрами – по одной на каждую главу “О видении Христа”. К каждому рисунку он написал стихотворение, о чем сообщил в предисловии: “...и приличным главизнам подобственными образованиями оную украсих и около тех образов стихи приписах мерочисленно”. Между тем в мазуринском списке “Боговидной любви” только одна раскрашенная печатная гравюра с изображением Августина и стихами Истомина на листе 29 оборот, повторяющая украшение на листе 6 оборот в “нарышкинской” рукописи с тем, однако, отличием, что в мазуринском списке указано имя автора гравюры – Гаспар Хуберти.

Второй гравюры “нарышкинской” рукописи “Иисус Христос, творец мира” нет в мазуринском списке. Однако стихи “Сладка беседа” к этой гравюре открывают собой цикл стихотворных подписей, сочиненный Истоминым “софьинской” редакции “Боговидной любви”. В некоторых списках XVII–XVIII веков перевод “О видении Христа” сопровождается стихотворным циклом Истомина, в других его нет. Однако рукописи с 36 миниатюрами неизвестны.

Если в нарышкинском списке Истомин отозвался о своем источнике весьма неопределенно “велиим трудом списках”, то на этот раз он оставил описание бывшей у него книги, переработанной им в “Боговидную любовь”: “...обретох на белоруском писме, славенским диалектом преведену и писанну, юже славенскими буквы написах...”.

У Истомина был западнорусский список перевода Августина, выполненный традиционным книжным языком, или, как он называл его, “славенским диалектом”. Работа Истомина заключалась в “графическом переводе” западнорусской скорописи (“белорусского письма”) на книжное полууставное письмо Московской Руси, которым (с элементами скорописи) написаны беловые списки “Боговидной любви” из собраний Ф.Ф. Мазурина и Чудова монастыря. На юго-западно русский протограф “Книги святого Августина” указывают и некоторые языковые особенности. В ее чудовском списке, например, сослагательное наклонение в первом лице единственного числа образуется иногда сочетанием причастия на -л- и специфически западнорусской формы *бым*: *услышал бым* и др.

Откуда и как Карион Истомин получил столь редкую в Московской Руси рукопись? Около 1656 года, во время войны между Россией и Речью Посполитой, внук князя Андрея Курбского Кашпер Курбский сдался в русский плен, принял православие с именем Кирилла и поступил на царскую военную службу. После Андрусовского перемирия 1667 года он возвратился в свое имение в Витебском воеводстве, отошедшем по условиям договора к Польше. Кашпер Курбский поддерживал тесные отношения с князем В.В. Голицыным, переписывался с ним, отправлял к нему своих детей и, вероятно, нашел возможность передать в Россию какие-то книги своего деда, долгие годы находившиеся в домашнем архиве и потому не получившие распространения в Литовской Руси. Может быть, в их числе была семейная реликвия – “Книга святого Августина”, список с личного экземпляра Андрея Курбского, который находился у него во время воеводства в Юрьеве Ливонском (ныне Тарту) в 1563–1564 годах.

Карион Истомин изготовил также отдельный список с “Поучений или Молитв”, второй части “Книги святого Августина”, и поместил их в начале своего сборника-конволюта (Государственный Исторический музей, собрание Чудова монастыря. № 290). Далее в рукописи в хронологической последовательности идут статьи 1687, 1689 и 1690 годов,

дающие основание отнести этот список “Поучений, или Молитв” ко времени около 1687 года. Сохранились и другие списки этого перевода.

К середине 90-х годов XVII века, когда царевна Софья уже была свергнута Петром I, Истомин заканчивал новый труд – “...книгу любоборачителну некоего богомудра мужа, зовемуу сладость богомысленныя души в разглаголстве с Господем Богом...” (Государственный Исторический музей. Собрание Уварова, № 73–1°). В черновых набросках произведение имеет несколько иное название «“Сладость умнословесныя [добавлено над строкой: и богомысленныя. – В.К.] души в беседование с Господем Богом” богомудраго некоего мужа...” (Там же. Собрание Чудова монастыря. № 302). Писатель собирался поднести книгу в дар царевне Наталии Алексеевне, любимой сестре Петра I, и написал в ее честь посвящение, датированное в черновых материалах 1694 годом.

После рождения царевича Алексея Петровича 18 февраля 1690 года Карион Истомин добивался должности его воспитателя и с этой целью посвятил ему ряд сочинений: книги стихов “Рай умный” (1693 год), “Едем” (1693 год), “Екклесия” (1693 год), “Полис” (1694 год), печатный “Букварь” (1696 год) и др. Сохранился черновик переделанного им предисловия к книге “Сладость души” с посвящением царевичу Алексею.

Посвящения Истомина сохранились в беловых и черновых списках, но сама книга “Сладость души” в том виде, в каком она замышлялась писателем, до сих пор не обнаружена. С.Н. Браиловский писал о ней: “Не сохранилось в бумагах нашего писателя никакого, даже самого ничтожного, следа этого перевода” (Браиловский С.Н. Один из пестрых XVII-го столетия... СПб., 1902). Все же следы этого сочинения можно попытаться отыскать.

Из посвящения царевне Наталии Алексеевне видно, что книга представляла собой собрание поучений и молитв. Карион Истомин писал о ее содержании: “Сего ради молитвенная и учительная словеса в разглаголение с Господем Богом предложися...”, “...поучение Божественнаго Писания и молитв сложенных всегдашнее и непрестанное возношение...” (Там же. Собрание Уварова, № 73–1°). Как и в случае с “Боговидной любовью”, Истомин воспользовался западно-русской рукописью, положив ее в основу своего труда. Вновь его работа заключалась в редактировании текста в соответствии с книжными нормами Московской Руси. “...Преписася с беломалоросскаго языка и писмен...” – так в черновых набросках охарактеризовал он источник и степень своего участия в работе (Там же. Собрание Чудова монастыря, № 302). Можно предположить, что сочинением “некоего богомудра мужа” были “Поучения, или Молитвы” из “Книги святого Августина”.

После того как Истомин изготовил списки первой и второй частей “Книги святого Августина”, она оказалась у Евфимия Чудовского. Скорее всего, он получил рукопись от своего близкого знакомого Кариона Истомина. Евфимий Чудовский переписал всю “Книгу святого Августина” около 1692 года. Основание для такой датировки дает совпадение филигранных в двух его автографах. В ноябре 1692 года Евфимий переписал сборник на бумаге с водяным знаком “якорь в гербовом щите” (Там же. Собрание Чудова монастыря; № 345). На такой же бумаге написаны первая и вторая части “Книги святого Августина” в чудовском списке.

История “Книги святого “Августина” является ярким примером связей между ученой книжностью XVI века и интеллектуальной литературой московского барокко. Переведенная в XVI веке в России и сохраненная в Литовской Руси Курбским и его потомками, она получила после длительного забвения второе рождение в литературе московского барокко, отразив в себе как в зеркале борьбу за власть в “начале славных дел Петра”.

Митрополит Гавриил – вице-президент Российской Академии

*Е.И. ДЕРЖАВИНА,
кандидат филологических наук*

В конце XVIII века, в царствование Екатерины II, идея “исправления” и обогащения русского языка, в первую очередь путем создания словаря, получила понимание и поддержку на самом высоком уровне. Одобренное императрицей создание Российской Академии позволило ее президенту – Е.Р. Дашковой привлечь к работе по созданию словаря видных государственных деятелей, писателей, ученых. Не остались в стороне от этого и многие представители духовенства. Одним из них был митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский архиепископ Гавриил – в миру – Григорий Петрович Шапошников.

Архиепископ Гавриил стал членом Российской Академии при самом ее основании, будучи, по сути дела, ее вице-президентом и в отсутствие Е.Р. Дашковой занимал ее место. Лишь шесть членов Академии были избраны не по предложению Дашковой и Гавриила. Из академиков он особенно сблизился с князем Потемкиным, Елагиным, Болтиным, почитал Суворова, хотя и не любил. Историк Российской Академии М.И. Сухомлинов писал: “Ни одно из предприятий Академии

не было приводимо в исполнение, ни один из крупных вопросов, возникавших в ее среде, не был окончательно решаем без содействия и участия Гавриила” (Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1874. Т. I). Он рассматривал труды академиков и других лиц, представлял собранные им материалы, участвовал в собраниях, сообщая свои замечания и соображения, а также принимал участие в главном труде – составлении Словаря. Гавриил входил в отдел по выработке правил составления словаря, он же и руководил этим отделом, ревностно посещая все заседания, касавшиеся обсуждения словаря.

Во многих спорных вопросах обращались именно к нему. Гавриил считал необходимым придерживаться единообразия в подаче глаголов; для объяснения слов, обозначающих душевные переживания, он советовал ориентироваться на философские труды, а не давать толкования через подобное, так как слова *страх*, *ужас*, *трепет* и т.п. не являются синонимами; объяснил вызвавшие затруднение слова: *лития*, *помазание*. Гавриил предложил дать в самостоятельной статье слово *воробей*, которое первоначально было помещено в статье под глаголом *бью*, *бию*. Для словаря он сделал выборку слов на буквы *И*, *І* и *К* из книг лучших писателей того времени, а также из слов и бесед Иоанна Златоуста.

Гавриил считал правомерным включение в словарь слов областных и представил слова малороссийские. Рассматривал он и материалы, составленные студентами Дмитрием и Петром Соколовыми – впоследствии также ставшими членами Российской Академии. В записках Академии от 1784 года можно прочитать: “советами и усердием одолжена академия успехами в сочинении словаря; он [архиепископ Гавриил. – Е.Д.] руководствовал в начале трудящихся в объяснении слов; склонил некоторых в российском слове искусных и в академии участия не имеющих, мужей к приведению в словопроизводный порядок слов на буквы *и*, *і*, *к*, и принимал труд рассматривать оные. Советы его в собраниях академии при рассматривании словаря много способствовали к совершенству оного. Немалое также приращение получила аналогическая слов роспись. Он же участвовал в составлении правил, служащих к сочинению словаря. В сомнительных случаях общал свои мнения; к решению сомнительных наименований слов присылал свои полезные объяснения”. Позднее архиепископ Гавриил также ревностно включился в работы по составлению азбучного словаря. Заботясь о том, чтобы у автора словаря была необходимая для этой работы литература, он подарил Академии Лексикон в переводе Максима Грека, Лексикон Памвы Берынды, Словарь Федора Поликарпова. Труды самого же архиепископа Гавриила были отмечены золотой медалью 25 ноября 1786 года.

Архиепископ Гавриил (Григорий Петрович Шапошников) родился в Москве 18 мая 1730 года в семье синодального справщика, с 1741 го-

да учился в Славяно-греко-латинской академии, а по окончании ее в 1753 году собирался вести жизнь тихую и уединенную, не вступая, однако, в монашеский чин. С 1754 года Григорий Шапошников был определен справщиком, или старшим корректором, в Московскую синодальную типографию. Эта работа, по его собственному мнению, очень способствовала изучению свойств русского языка, а в 1758 году стал преподавать риторику в Сергиево-Лаврской семинарии. И в том же году после троекратного принуждения он был пострижен в монашество в Троицком подворье Санкт-Петербурга, получив имя Гавриила. После пострижения он стал ректором Троицкой семинарии, учителем богословия и наместником Лавры. На этом поприще Гавриил так же, как и везде, трудился очень много и добросовестно, руководя приемом воспитанников, обучением, подбором преподавателей; лично присутствовал на экзаменах. В лавре он вел жизнь строгую и однообразную в соответствии со своим званием и сердечным расположением. С 1761 года Гавриил был ректором Московской духовной академии и членом Синодальной канторы, у которой в подчинении было 24 епархии.

Деятельность Гавриила на посту ректора заслужила внимание со стороны двора и правительства. Именным указом ему было “дано право в рассуждении знатной степени и ректорства иметь на мантии скрижали и посох с яблоками” (Смирнов С.К. История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855). Митрополит Дмитрий Сеченов (которым Екатерина II хвалилась перед Вольтером) во время своего пребывания в Москве сказал Гавриилу: “Вы хорошо учите, Синод знает это и хочет сделать вас архиереем”. Гавриил отказывался от этого сана, говоря, что частые перемены в преподавательском составе принесут вред академии. Однако в 1763 году он стал епископом Псковским и письмом императрицы был вызван в Петербург.

Живя в Петербурге, Гавриил в один из праздников, на который пришелся крестный ход, оказался во время шествия рядом с Екатериной II. Императрица долго с ним беседовала и смогла по достоинству оценить глубокие знания и человеческие качества Гавриила. В разговоре с И.И. Мелиссино (куратором Московского университета и прокурором св. Синода) она отзывалась о епископе, что это “муж острый и резонабельный”. С этого времени она не раз призывала Гавриила для обсуждения многих государственных вопросов, считая его человеком большого ума и просвещенности. Екатерина II посетила Гавриила в Твери и даже остановилась в его доме перед своим путешествием в Казань по Волге. Во время путешествия она сделала перевод “Велисария” Мармонтеля (произведения смелого по высказанным в нем мыслям против фанатизма и нетерпимости) и посвятила его Гавриилу. По повелению Екатерины II в посвящении, написанном камергером графом А.П. Шуваловым (одним из руководителей Собрания пере-

водчиков), говорилось: “Добродетели ваши всем известны, а особливо кротость, смирение, умеренность, просвещенное набожество, которые в вас обитают и которыми бы долженствовало украшаться душе каждого христианина, а паче пастыря вашего чина ... Вы мыслями, как и добродетелию с Велисарием сходны”. От Екатерины Гавриилу были в разное время пожалованы украшенные бриллиантами панagia, шапка и саккос из порфиры.

В 1768 году митрополит Гавриил был избран от духовенства в Комиссию по составлению нового Уложения. На открытии Комиссии по составлению нового Уложения 30 июля Гавриил произнес речь, в которой он обратился к членам комиссии с такими словами: “Выведите любовь вашу из тесных ваших границ и распространите ко всем; примите чувство и возымейте сострадание бедности других; почитите благополучие всякого в обществе благополучием своим, и признайте, что несчастье и последнего в обществе должно почитать несчастьем всего общества; устремите силы ваши на такие изобретения, чтоб вкоренить во всех человеколюбие и благонравие ... так добродетель и вера останутся в покое, так процветет благополучие России”.

В том же году Гавриил вошел в состав дирекционной комиссии, которая избирала членов в другие комиссии, следила за ходом работ, рассматривала представления, доклады и проекты частных комиссий (при этом необходимо было следить, чтобы в них не было противоречий и уклонений от наказа Екатерины II). Этот наказ, писанный собственноручно Екатериной II Гавриилу, было поручено рассмотреть первоначально совместно с митрополитом Иннокентием (Нечаевым) и Платоном (Левшиным). Кроме прочего там было сказано, что членам Комиссии “надлежит избегать выражений витиеватых, гордых или пышных, и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вещь законом устанавливаемую. Неопределенными речью законов писать не должно”.

В Комиссии Гавриил очень много трудился не только над вопросами, касающимися жизни церкви, но также над проблемами просвещения (он был сторонником сближения церковного и светского образования), судопроизводства и др. Как представитель духовенства он заботился о его правах, считая, что духовенство должно получить гражданскую самостоятельность. По его предложению священнослужители, судимые за уголовные преступления, освобождались от телесного наказания. Это постановление позднее было отменено Павлом I. Старательнее многих посещая заседания комиссии, Гавриил иногда в одиночестве рассматривал предложения, поступающие в Комиссию. Зная его превосходный и четкий слог, к нему часто обращались, когда требовалось точно и ясно изложить какое-либо законодательное положение, где невозможно было допустить двусмысленности. В 1770 году Гавриил становится архиепископом Санкт-Петербургской епархии.

Известность Гавриила в обществе была основана на его речах и проповедях, которые в большинстве своем остались неизданными. Слог его проповедей отличался большей изысканностью от всеми признанных за образцовые проповедей митрополита Платона (Левшина). Представители светской литературы ценили талант Гавриила и дорожили его обществом. А.П. Сумароков, весьма скупой на похвалу, так отзывался о его литературных трудах: “Гавриил, архиепископ петербургский, есть больше сочинитель разумнейших философских диссертаций, нежели публичных слов ... Красота плавного и важного его склада приносит ему пред всем просвещенным светом достойную любезного имени его похвалу. Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои, и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих”. В своих проповедях Гавриил, по выражению Сумарокова, “плениет разум”.

По поручению Екатерины II, которая решила издать сборник образцовых поучений, в 1772 году Гавриил совместно с митрополитом Платоном составил из разных произведений отцов церкви “Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни” (изданы в Петербурге в 1775 г.). Сборник состоит из 104 поучений, из них 37 составлены Платоном, а 8 – Гавриилом. Он также поместил в сборник духовные произведения авторов из различных стран, среди которых есть греческие, французские и немецкие. Из духовных авторов, традиционно почитаемых на Руси, Гавриил избрал поучительные слова Иоанна Златоуста.

Помимо проповедей его перу принадлежат сочинения: “О служении и чиноположении православной церкви” (1792 г.), “Толкования на соборные послания апостолов” (1794). Занимался Гавриил переводами с классических языков, а также с французского и немецкого. Он был избран членом академии художеств.

После смерти Екатерины II, Гавриил оказался в опале, хотя и первым из духовенства удостоился получить от Павла I ордена Андрея Первозванного и Александра Невского (в ноябре 1796 г.). Существуют две версии, объясняющие немилостивое отношение Павла I к митрополиту Гавриилу: одна говорит, что Гавриил решительно отказался принять мальтийский орден, другая – что его свидетельская подпись стояла на завещании Екатерины II, в котором она устраняла Павла I от престола. Увольнение от службы за некоторое время до того предсказывал ему и митрополит Платон, заметив: “Вас... разумеют за скромного, и так если вы выпустите когда-либо лишнее слово, тотчас поймут его на беду”. Возможно, так и случилось: в 1800 году Гавриил был уволен со всех должностей и жил в Новгороде. Первое время он находился в очень плохих условиях, утешаясь тем, что на помосте, устроенном рядом с его кельей, он мог кормить прямо с руки голубей. Они настолько к нему привыкли, что садились даже ему на

камилавку. Позднее он перешел в келью около Софийского собора, и, будучи уже очень немощен, мог слушать службу, лежа у себя на кровати.

Перед кончиной Гавриил завещал раздать все оставшиеся у него деньги бедным в городе через приходских священников. Свою же обширную библиотеку он сам разделил между Тобольском, Великим Устюгом и библиотеками Петербургской академии и Новгородской семинарии. Умер Гавриил 26 января 1801 года в Новгороде и погребен в приделе Иоанна (епископа Новгородского) Софийского собора.

Нота, ультиматум, санкции...

М.Ф. ШАЦКАЯ,

кандидат филологических наук

В международной практике издавна установился обычай, согласно которому главы государств, их постоянные представители за границей при необходимости прибегают к тем или иным дипломатическим актам. Эти записки являются своего рода памятниками письменности. Оформлялись они в виде соответствующих документов. В памятниках дипломатических сношений России с иностранными державами нашли отражение такие документы, как *декларация, манифест, мемориал* (несколько позже *меморандум*), *промемория, нотификация, нота, ультиматум, протест, демарш, репрессалии, эмбарго* и др. В данной статье речь пойдет лишь о некоторых из этих наименований.

Нота с середины XVIII века обозначает официальный дипломатический документ, которым оформляются различные отношения между государствами (заявление протеста, уведомление о каком-либо факте и т.д.). Слово *nota* (*note*) заимствовано из французского языка, в котором оно восходит к латинскому *nota* “замечание, объяснение” (Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994). В деловых бумагах XVIII века наблюдаются случаи перемежающегося употребления данного галлицизма и соответствия ему русского *записка*: “вручена ему [датскому министру] <...> ея имп-аго в-ва подписанием апробованная записка, которою ему объявляется, что ея имп. в-во соизволяет уплатить из своей казны тот долг <...> Гоштинский тайный советник <...> и получа <...> ея имп-аго в-ва подписанием апробованную ноту, предварительно и благодарил <...> за показанную ему милость” (1754 г.) В памятниках международного права начала XIX века нашло отражение составное обозначение *вербальная нота*: “прилагаю копию с вербальной ноты, которая по делу вашему” (Там же. 1803 г.).

Слово *нота*, регистрируемое лексикографическими справочниками с XIX века, употребляется как международно-правовой термин и в настоящее время. Отметим здесь и омоним *нота* – музыкальный термин (графический знак для записи звука [музыкального произведения] определенной высоты и длительности), также заимствованный из французского языка в XVIII веке, где *note* < лат. *nota* “знак, отметка”.

С начала XVIII века входит в употребление термин международно-права *ультиматум* (и его вариант – без классической финали –

ультимат) – новолатинизм по происхождению (*ultimatum* букв. “доведенное до конца, последнее” от *ultimus* “последний”), пришедший в русский язык, по мнению одних исследователей, через немецкий – *Ultimatum* или через французский – *ultimatum*, по мнению других – “непосредственно и через французский”. Он обозначал категорическое требование одного государства к другому занять в указанный срок определенную позицию по какому-либо вопросу. До 40-х годов это заимствование редко употреблялось в дипломатических документах (нами отмечено два случая в памятниках права): “Но чаем, что министры французские еще пробудут до 1 июня по нов., как обещали в своем ультимате, и потом отъедут” (Архив князя Куракина. 1713 г.); “Наш ультимат ограничивается в положении границ наших по реку Днестр” (Там же. 1789 г.).

В дипломатическом языке XVIII века вариант с классической финалью – *ультиматум* – “Рескрипт, который вы получили вместе с ультиматумом вашего трактата, показан мне был уже подписанный” (Архив Воронцова. 1787 г.). Впоследствии этот вариант и побеждает в речевой сфере. В настоящее время он употребляется и в переносном смысле – “требование, сопровождаемое какой-либо угрозой”: “Квартирный хозяин поставил ему вчера строгий ультиматум – или давай деньги, или уезжай с квартиры” (М. Горький).

В русских дипломатических памятниках XVIII века есть еще термин-галлицизм *демарш* (*démarche* букв. “выступление”), означающий заявление, мероприятие с целью оказать воздействие на какой-либо правительственный орган, должностное лицо; просьба, протест или предостережение по какому-либо вопросу: “...французской министр Блондель никакого демарша к нему не учинил” (Архив Воронцова. 1749 г.); “Возрите, милостивый государь, на мои демарши в журнале моем обстоятельно описанные” (1761 г. Из бумаг И.И. Шувалова. // Сб. историч. об-ва. СПб., 1872. Т. 9).

Достоянием современного дипломатического языка остается и международно-правовой термин-галлицизм *дезавуировать* (*désavouer* “отказываться, выражать неодобрение”) – объявить о несогласии с чем-либо, о непризнании кого-либо: “Удостовериться хотел, что Французской двор не дезавуирует ли то, что Дуклас именем онаго здесь представляет” (Архив Воронцова. 1756 г.). В архиве князя Воронцова встречается этот глагол в возвратной форме: “Чтоб государь не гневался за известный мемориал маркиза Галло, дезавуируется последний” (Там же. 1799 г.).

В XVIII веке в международно-правовой язык входит средневековый латинизм *penpessalii* (*repressaliae* < лат. *reprehendere* “удерживать, останавливать”; ср. польск. *represalja* “месть”). Он служит для обозначения принудительных мер, принимаемых одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства. П.П. Шафи-

ров, употребляя в своем трактате эту лексему, снабжает ее пояснением: “Потом принужден был е.цар. в-во репрессалии (взаимное возмездие) употребить” (Шафиров П. Рассуждение какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карла 12 шведского 1700 году имел. СПб., 1717); “Со стороны цар. в-ва против того в репрессалии или отмщение, и их резидента Клипер Крона (...) равенственно заарестовать повелено” (Там же). В других текстах дипломатического содержания эта лексема употребляется без поясняющих толкований: “дано обнадеживание купцам аглинской компании (...) чтобы не опасались репрессалии за высылку е.в-ва резидента от двора аглинского” (Журнал или поденная записка Петра Великого... 1721 г. СПб., 1772. Ч. 2); “если же по сим жалобам откажут отдать справедливость, то оне немедленно между собою снесутся о способе удобнейшем к доставлению себе оной, посредством справедливых репрессалий” (Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Ф.Ф. Мартенс. 1781 г. СПб., 1874–1902. Т. 2). Латинизм *репрессалии* внесен в Новый словотолкователь Н. Яновского (1806. Ч. 3). Он бытует и в современном языке международного права.

В Конвенции относительно общих действий России и Англии против Франции 1793 года употребляется правовой термин *эмбарго* (и вариант *амбарго*), пришедший из испанского языка в русский (*embargo* “наложение ареста, запрещение”) через английский или французский как обозначение особого репрессивного акта, выражавшегося в задержании судов, грузов и предметов вооружения, принадлежащих другому государству: “Лица, отправляющие правительственную власть во Франции, (...) в настоящее время содеялись виновными в несправедливейшем и обиднейшем нападении, наложив эмбарго на все русския и британския суда, находящиеся во французских портах” (Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Ф.Ф. Мартенс). Этот термин сохранился и в современном дипломатическом языке с теми же значениями.

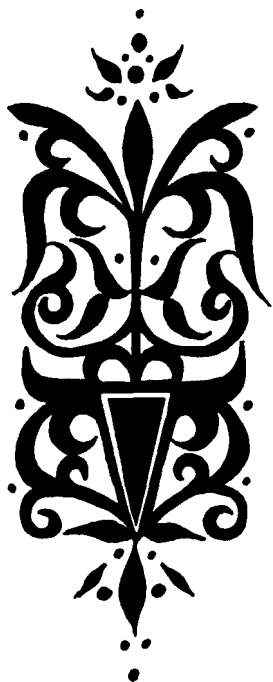
Слово *секвестр*, пришедшее в русский язык через польское посредство – *sekwestr* из латинского *sequestrum* “передача спорного дела третьему лицу” от *sequester* “посредник”, “первоначально сопутствующий, находящийся рядом”; *sequor* “следую” (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III) употребляется в дипломатическом языке с начала XVIII века в значении “запрещение, налагаемое международным сообществом на пользование или распоряжение частью территории какого-либо государства, передача права на такое пользование другому государству”: “Напротив же обещает Е.К. в-во Прусской, что когда оной сие место таким образом во владение секвестр примет, то оное до следующего Северного мира во владении держать и короне шведкой прежде уступить не хочет” (Собрание

трактатов... 1713 г.); “Был ли отдан ⟨г. Висмар⟩ в секвестр одному королю прусскому и дому готторпскому и на тех кондициях, как Штетин” (Архив Куракина. 1713 г.); “предложенной план о взятии в секвестр передней Померании земель” (Полное собрание законов Российской империи. 1713 г.).

“Опредмеченный” процесс такого запрещения и передачи территории носил название *секвестрация* – полонизм по происхождению – *sekwestracja* (от. лат. *sequestratio* “описание имущества”): “королю прусскому не мало дан повод учиненною секвестрацией тем, что Штетин отдан королю прусскому” (Архив Куракина. 1713 г.); “королевскою собственноручною грамотою секвестрация вольного гершавства Вартенберга поручена ландс-гауптману Трески” (Архив Воронцова. 1742 г.). Существовал и термин *секвестрование*: “якобы намерение есть прислать туда из Польши для секвестрования оставших(ся) герцогских местностей” (Архив Воронцова. 1743 г.). В наше время слово *секвестр* употребляется в сфере юриспруденции, финансов и медицины: “1. *юр.* Запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование или распоряжение каким-н. имуществом. 2. *фин.* Ограничение или сокращение расходной части государственного бюджета, отдельных статей этого бюджета. 3. *мед.* Омертвевший, отторгшийся участок какого-н. органа (чаще всего кости)” (Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000. 2-е изд., доп.).

В современном международном праве меры воздействия (экономические, финансовые, военные) против государства при нарушении им своих международных обязательств или норм международного права именуются термином *санкции* (лат. *sānctio* “строжайшее постановление”); ср., например, “санкции международного сообщества против Ирака, Югославии”.

Волгоград

Ваше здоровье!

Особенности русского речевого этикета

А.Г. БАЛАКАЙ,
кандидат филологических наук

В русском языке есть две омонимичные формулы речевого этикета *ваши здоровье* – краткий тост и *ваше здоровье* – устаревшее обращение.

Формула *ваши (твое) здоровье!* – “краткий тост, пожелание благополучия адресату перед тем, как выпить вино” – входит в ряд многочисленных синонимичных устойчивых выражений (с их вариантами) и восходит к формуле тоста *За ваши (твое) здоровье!*, которая, в свою очередь, восходит к речевым оборотам *Пью (Хочу выпить, Предлагаю выпить) за ваши (твое) здоровье, Позвольте (Разрешите мне) предложить тост за ваши здоровье (за здоровье N., NN)*. В этом ряду

имеется ближайшая – уже устаревающая – формула тоста: *Здоровье N!* (кого-л. из присутствующих или отсутствующих). “Позвольте и мне предложить мой тост, – сказал Калинович, вставая и наливая снова всем шампанского. – Здоровье одного из лучших знатоков русской литературы и первого моего литературного покровителя! – продолжал он, протягивая бокал к Петру Михайлычу, и они чокнулись. – Здоровье моего маленького друга! – обратился Калинович к Настеньке и поцеловал у ней руку. Он в шутку часто при всех называл Настеньку своим маленьким другом. – Здоровье храброго капитана! – присовокупил он, кланяясь Флегонту Михайлычу, – и ваше!” – отнёсся он к Пелагее Евграфовне, – “Ура!” – заключил Петр Михайлыч. Все выпили” (А. Писемский. Тысяча душ); “[Елизавета:] Все пойдет хорошо! Ведь все – очень просто! Очень просто, Вася... [Достигаев:] Умница моя! Твое здоровье. [Павлин:] На многие лета! [Бородатый (идет:)] Выпиваете?” (М. Горький. Достигаев и другие); “[Кудимов (наливает всем шампанского):] С вашего разрешения – за вас, за наше знакомство. (Все встают.) (...) [Бусыгин:] Твое здоровье, папа. [Кудимов:] Ваше здоровье. [Сильва:] Ваше здоровье. [Сарафанов:] Спасибо, спасибо. Но у меня другой тост, друзья...” (А. Вампилов. Старший сын).

Регулярное употребление компонента *здоровье* в составе формул тостов привело в XIX веке даже к расширению семантики существительного *здоровье* – “тост”. В “протоколе” на празднование 25-летия Царскосельского лицея лицеисты записали: “Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому *toasts*): а) за двадцатипятилетие лицея, б) за благоденствие лицея, с) за здоровье отсутствующих...” (Друзья Пушкина. М., 1986. Т. 1).

На основе самой употребительной здравицы *За (ваше, твое, чье-л.) здоровье!* образовалась универсальная модель (фразеосхема) тоста: “*За + существительное или местоимение в вин. пад. со значением объекта*”: *За встречу! За дружбу! За все хорошее! За успех* (чего-л., чей-л.)! *За тебя (вас)! За тех, кто... За родителей, вырастивших и воспитавших...* и многие другие: «Григорий присел к столу... Оставшееся в бутылке Степан разлил поровну в стаканы, поднял на Григория задернутые какой-то дымкой глаза. “За все хорошее!” – “Будем здоровы!” Чокнулись. Выпили» (М. Шолохов. Тихий Дон); «Бабосов поднял рюмку и важно произнес: “За мировую революцию!” Саша прыснул, но, видя, что его веселое настроение никто не подхватывает, крикнул, как с мороза, и торопливо опрокинул рюмку, попевая за другими» (Б. Можаяев. Мужики и бабы); «“За знакомство”, – сказала Мария и чокнулась с Иваном, потом с отцом. “И за дружбу”, – добавил Родионов и первый выпил» (В. Шукшин. Любавины); «Он разлил в

стаканы вино, потирая руки, оглядел стол. “Как будто все. Ну, давай поближе, Анна. Давай за встречу. Поднимай. Сколько лет не видались” – “За встречу”, – повторила она» (В. Распутин. Встреча).

В свою очередь, на основе модели в русском просторечии сложилось неисчислимое множество шутилых тостов-прибауток: *За здоровье того, кто любит кого! За здоровье тех, кто любит всех! За здоровье тамошних и здешних и всех наших присердечных! За здоровье глаз, что пленили нас (что глядят на нас)! За здоровье лошадей, что возят милых гостей!* и др.: «Энтальцев (...) подкидывает меня под потолок и шепчет мокрыми усами в ухо: “Мальчик милый, будь счастливым... за твоё здоровье, а там хоть... в стойло коровье!” Дает мне попробовать из рюмки, и все смеются, как я начинаю кашлять и морщиться» (И. Шмелев. Лето Господне).

По иной модели образована и имеет другие лексико-фразеологические связи омонимичная устаревшая формула *ваши (твое) здоровье* – “учтливое (иногда лукаво-почтительное) крестьянское обращение к высшему по положению”: «Здесь [в Нижегородской губернии] крестьяне величают господ “ваше здоровье” – титул завидное, без которого все прочие ничего не значат» (А. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому. 5 нояб. 1830); «Я пришел до твоего или к твоему здоровью, я твоему здоровью говорил (почет или величанье, употребляемые крестьянами)” (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка); “Спасибо на добром слове, Потап Максимыч. Что смогу да сумею сделать – всем готов служить вашему здоровью, – отвечал Алексей” (П. Мельников (Печерский). В лесах); «“Так вашему здоровью, стало быть, желательно-с, чтобы я его оставил?” – с заигрывающей улыбкой обратился он [Лука] к Маше. “Ты его не тронешь больше!” – твердо и решительно проговорила она» (В. Крестовский. Петербургские трущобы).

Одним из фразеобразовательных компонентов формулы обращения *ваши (твое) здоровье* является компонент *вы (ваши) // ты (твой)*, а фразеобразовательной моделью – формула титулованных обращений, употребление которых до 1917 года регулировалось Табелью о рангах (системой классификации чинов): *Ваше Благородие, Ваше Высочайшее, Ваше Высокоблагородие, Ваше Высокоблагородие, Ваше Превосходительство, Ваше Сиятельство, Ваша Светлость* (ср. сохранившиеся и употребляемые в наше время официально-учтливые обращения к священнослужителям: *Ваше Преподобие, Ваше Высокопреподобие, Ваше Преосвященство, Ваше Высокопреосвященство, Ваше Святейшество*).

Неофициальное, то есть не закрепленное Табелью обращение *ваше здоровье* далеко не единственное в народном речевом обхождении. Ср. образованные по этой же модели обращения *ваше степенство* (к купцу), *ваша честь* (к судье), *ваша милость* (к высшему по социальному положению). Возможны и другие образования по модели. В вос-

поминаниях “симбирского помещика и совестного судьи” Н.А. Мотовилова неоднократно отмечается обращение *ваше Боголюбие* – так ласково обращался к нему (и, возможно, не только к нему) преподобный Серафим Саровский: “Долго задержал я вас, ваше Боголюбие! Не взыщите, вот сиротки мои нуждались во многом, так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью”.

Наблюдения над лексико-фразеологическими связями этих и других формул позволяют увидеть некоторые закономерности, свидетельствующие о системности образования знаков речевого этикета:

1) путь редукции, эллиптического стяжения существующих формул:

пью за ваше здоровье < за ваше здоровье < ваше здоровье; будь здоров < будь;

наше вам почтение < наше вам;

пока прощайте < пока;

желаю счастливо оставаться (доехать, дойти) < счастливо оставаться (доехать, дойти) < счастливо и т.п.;

2) путь интеграции слова или выражения в структурно более сложное образование:

за твоё здоровье > за твоё здоровье, а там хоть в стойло коровье;

будь здоров > будь здоров, расти большой > будь здоров, расти большой, да не будь лапшой > будь здоров, расти большой, да не будь лапшой, тянись верстой, да не будь простой и т.п.;

3) путь образования неоднословных знаков речевого этикета по модели:

ваше благородие – ваше здоровье (– ваше Боголюбие); хлеб да соль – чай да сахар (– пирог да варенье); за ваше здоровье – за здоровье; за вас – за кого, что-л.

Новокузнецк

Предсказание И.Я. Корейши Ф.И. Буслаеву

О.В. НИКИТИН

Имя легендарного русского ученого Федора Ивановича Буслаева заставляет не одно поколение исследователей вновь и вновь обращаться к изучению памятников русской старины и “потаянных” образцов отечественной словесности. И дело даже не только в том, что велик его авторитет в ученом мире, живы его идеи и верны многие установки. Сам Буслаев при поразительной многосторонности предметов изучения и плодovitости в науке был цельной натурой. “Ум его работал не в отвлеченных схемах, а в живом синтезе; интересы его не укладывались под строго разграниченными рубриками...” (Виноградов П. Памяти Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898).

Ф.И. Буслаев в своих трудах не раз обращался к объяснению демонического начала, образов и преданий русской и европейской культур, где чудесное, непонятное часто становилось легендарным, передаваясь из поколения в поколение как реальный жизненный факт. Случился такой эпизод и в жизни Ф.И. Буслаева, когда ему было 27 лет. А свидетельство тому – подлинная записка, поданная по просьбе Ф.И. Буслаева известному и популярному в те годы московскому юридovому и предсказателю И.Я. Корейше, и ответ последнего на небольшом листке бумаги с едва читаемой записью. Эти тексты были найдены нами в РГАЛИ (ф. 69, он. 1, ед. хр. № 63 [2 л.]) и датируются 1845 годом. Далее предлагаем нашу расшифровку, передаваемую без изменений, с сохранением авторской орфографии и пунктуации:

Батюшка Иванъ Яковлевичъ
Благословите Феодора и неоставьте его
въ вашихъ святыхъ молитвахъ. Скажите
будетъ ли онъ благополученъ. Скоро ли женится

Текст рукой И.Я. Корейши простым карандашом, запись стилизованная древнерусская с элементами тайнописи:

1845 рока мца декемря XIV дня
ко Господу молитесь
да въ адскихъ полехъ
совершенно изцелитесь
А женится не скороу
А животу пудеть здоровоу
студентъ просвещения (...)

(Далее следует несколько слов. Запись неразборчива. Над некоторыми буквами приписаны крестики.)

Ни в воспоминаниях о Ф.И. Буслаеве, ни в “Воспоминаниях” самого ученого, ни в книгах и очерках о И.Я. Корейше мы не встретили упоминания об этом любопытном эпизоде, где, как нам показалось, чудесное предсказание московского юродивого получило достоверное подтверждение.

Скажем несколько слов об И.Я. Корейше. Он родился в начале 1780-х годов в Смоленске в семье священника, учился в смоленской семинарии, а затем в духовной академии и некоторое время работал учителем. Историки нищенства как бытового явления в России с теми или иными дополнениями довольно иронически повествуют о началах его “подвижничества”. Так, И.Г. Прыжов писал, что И.Я. Корейша “жил в Смоленске, занимаясь управлением чего-то, что-то наделал и... ушел в лес, решившись юродством” (Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. Издание Н. Баркова. М., 1864).

Другие историки, в частности Е. Поселянин, рисовали “житие” Корейши в иной, более благообразной тональности: “С юности искал он уединения, любил духовные книги, держался особняком от товарищей...” (Поселянин Е. Русские подвижники 19-го века. Изд. 3-е. СПб., 1910).

По признанию бытописателей, И.Я. Корейша посетил святые места, позже отошел от учительства и затворился еще в молодые годы, когда жил в Смоленске. После одного “неудобного” случая (он запретил выйти замуж девушке, к которой сватался проезжий чиновник, притворившийся холостым) его тайно перевезли в Москву и поместили в Преображенскую больницу для умалишенных, где он и содержался до конца своих дней. По мнению того же Е. Поселянина, “Иван Яковлевич имел высокие духовные дары. Видя лиц в первый раз, он, со всеми подробностями, рассказывал им всю их прошлую жизнь. И будущее со всеми его подробностями не имело для него покровов”.

Интересен и другой факт, подмеченный И.Г. Прыжовым: “Кроме нюхательного табаку, другим, так сказать, символом нездешнего духа Ивана Яковлевича служат записочки, которые он раздает входящим. Записочки Ивана Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от

зубной боли, но главное, по смыслу написанного в них угадывается судьба". Когда И.Я. Корейши не стало (1861 г.), "Гиацинт Тюльпанов" (под этим псевдонимом скрывал свое имя известный публицист Ф.В. Миллер) сочинил стихотворение памяти Корейши, а первое упоминание о нем содержится уже в записях инока Парфения от 1856 года.

Обращались к этой колоритной фигуре и писатели, в частности, Н.С. Лесков. И.Г. Прыжов дважды в разных книгах написал "жизне" Корейши. Кстати, следует заметить, что в студенческие годы И.Г. Прыжов слушал лекции Ф.И. Буслаева в Московском университете.

Юродивым интересовались многие деятели русской культуры XIX века, официальные лица, заезжие помещики. Есть свидетельство о том, что Н.В. Гоголь приезжал к Преображенской больнице перед сожжением второго тома "Мертвых душ", но так и не решился зайти внутрь. Интересное повествование о жизни И.Я. Корейши написано одним его почитателем – "послушником", где встречается немало любопытных обстоятельств, достойных внимательного прочтения и изучения (См.: Киреев А.Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейша. 2-е изд. М., 1898). И.Я. Корейша послужил прототипом юродивого Семена Яковлевича в "Бесах" Ф.М. Достоевского. В XX веке в произведениях Б. Пильняка и А. Ровнера находят отражение образ и прорицания московского юродивого.

В заключение упомянем еще одну деталь. В фонде Ф.И. Буслаева в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки есть редкий документ. Это – *гороскоп*, составленный для Ф.И. Буслаева. Рукопись датирована 1843 годом (ОР РГБ, ф. 42, картон 11, ед. хр. № 4). Чуть позже, в 1845 году, Ф.И. Буслаев получает "записочку" Корейши. Будучи человеком религиозным и светски образованным, Ф.И. Буслаев не только в трудах, но и на собственном жизненном опыте постигал мир народной культуры. Возможно, его личные наблюдения, встречи с редкими людьми, посещения малоизвестных молитвенных домов и богаделен (о чем он не раз писал) подпитывали богатое воображение ученого, его утонченный вкус и благородный ум, что приводило позже к созданию таких шедевров мировой науки, как "Русский лицевой апокалипсис" и мн. др. Даже небольшая и забытая теперь брошюра ученого "Бес. К истории московских нравов XVII века" (М., 1881) содержала отголоски весьма напоминающей нам истории с Корейшей и была основана на реальных фактах прошлого.

Из истории термина *прозвище**

И.А. КОРОЛЕВА,
доктор филологических наук

В настоящее время термин *прозвище* однозначен и употребляется всеми исследователями для передачи понятия, определяющего дополнительное, неофициальное именование человека: “*Прозвища* – слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества” (Чичагов В.К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959). “*Прозвище* – имя, приобретаемое отдельным лицом, семьей, целым коллективом, под которым они известны в определенной социальной среде” (Тропин Г.В. Русские имена, отчества и фамилии. Иркутск, 1961).

Лексема *прозвище*, естественно, еще не терминологизированная, впервые засвидетельствована в памятниках письменности XII века в значении “название”: “Ц(е)рк(о)вь ... в имя с(вя)т(о)го Спаса Преображения Новгороде на горе, а *прозвище* Нередице” (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903). Слово было малоупотребительным до XVI века, но с этого времени его активность резко возрастает. Судя по материалам источников XVI–XVII веков, периода самой высокой частотности бытования слова, расширяется и его семантическая структура.

Помимо старого значения “название”, в памятниках деловой письменности (в книжно-славянских текстах *прозвище* имеет единичные фиксации) появляется ряд новых: 1. “Имя лица”: “Девушка Марыца прозвище Люба” (1611 г. Готье Ю.В. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. М., 1912); 2. “Именование в целом”. Так, в Новгородских

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 01-04-58001а/Ц.

кабальных книгах под 1603 годом записан Истомка Мороз, который далее именуется как “прозвище Истомка Негодяев сын” (Новгородские кабальные книги. М.–Л., 1938). Общий контекст и позиция рассматриваемого слова *прозвище* позволяют определить именно такое его толкование, хотя оно и не засвидетельствовано историческими словарями.

3. “Отчество”: “Жилец Дружина прозвище Максимов сын” (Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV–нач. XVII вв. М., 1964. Т. III). На наш взгляд, и в подобных случаях играют роль позиции компонентов в структурной формуле именования лица, наличие в ней слова *сын*. Можно сравнить со следующей конструкцией: “Иван, прозвище Первой, Ондреев сын” (Новгородские кабальные книги).

Значение “отчество” у лексемы *прозвище* также не зафиксировано историческими словарями. Есть контексты, в которых значение слова *прозвище* реализуется достаточно четко и однозначно: “Преставися великаа княгини прозвище ей бысть литовское Августа, а во святѣм крещении Анастасиа” (Никоновская летопись. 1345 г.). Исторические словари часто не строго определяют значение лексем: *прозвище* “название, наименование; имя, прозвище” (Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20). И тем не менее мы стараемся по возможности дать конкретное значение анализируемого термина. 4. “Дополнительное именование лица, часто экспрессивного, оценочного характера, близкое к современному толкованию термина *прозвище*”: “Старица Олена прозвище Козья Головка” (1609 г. Готье. Указ. соч.); “Повар Гришка прозвище Пузырь” (1591 г. Приходно-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря 1585–1607 гг. // Русская историческая библиотека. Пг., 1923. Т. 37. Ч. 2). 5. “Фамилия”: “И черкас всех переписать имяны со отцы и с прозвищи и что у них детей...” (Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII столетиях. Харьков, 1886. Т. XXI).

Как видим, слово *прозвище* стихийно использовалось в памятниках деловой письменности и нужен контекстуальный и структурный анализ, чтобы правильно определить, как толковали его древние русичи, какое содержание вкладывали в него, какое понятие реализовывали.

Например, в расспросных речах под 1609 годом мы находим упоминание о подозреваемых в побеге из осажденного поляками Смоленска крестьянине Петрушке Михайлове, прозвище Оладья, и его сыне Овдейке. Из документа узнаем, что дед Овдейки Оладына – Михайла Оладья, а брат – Никита Петров сын Оладын. Скорее всего семейное прозвище Оладья и образованное на его основе Оладын – это уже фамилия всей семьи (Готье. Указ. соч.). Или, например, в деле о вымогательстве по службе обвиняемый во взятке назван Ондрюшка

прозвище Шеповал. Упомянут его брат – Гришка Шеповал, который второй раз записан как Гришка Шеповалов, и отец – Федка Шеповал. Возможно, и в данном случае имеет место народившаяся фамилия (1611 г. Готье. Там же).

Итак, слово *прозвище* в XVI–XVII веках обладало весьма разветвленной семантической структурой и поэтому достаточно широко вступало в синонимические отношения: *прозвище* – *имя* (*прозвать* – *имя*), *прозвище* – *название* (*прозвать* – *назвать*), *прозвище* – *прозвание* и др. Именно в процессе такого активного бытования у слова выкристаллизовалось современное терминологическое значение: к концу XVII – в начале XVIII веков сокращается круг синонимов, сужается круг значений, завершается четкое размежевание имен и прозвищ.

Почему же за словом *прозвище* закрепилось и терминологизовалось именно значение “дополнительное экспрессивное именование человека”?

Сразу же скажем, что, судя по материалам письменных памятников, наиболее активными в XVII–XVIII веках были два значения лексемы *прозвище*: 1 – современное значение, 2 – значение “фамилия”. Как известно, Петр I ввел в обиход само слово *фамилия*, которое постепенно (в начале XVIII века было заимствовано со значением “семья, род”) закрепилось как “прозвище целого рода, передающееся от родоначальника к его потомкам” (Балов А. Великорусские фамилии и их происхождение // Живая старина. СПб., 1896. Вып. 2). К концу XVIII века слово *прозвище* в роли наследственного официального именования человека было вытеснено. Таким образом, во второй половине XVIII века мы встречаем рассматриваемую лексику в основном уже только в контекстах, подобных следующему: “Жениху... дайте обидное и смешное прозвище” (Карманная книга (руководство) для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов К. Стрехова. М., 1791. Ч. II). Как видим, значение слова *прозвище* строго соответствует современному, закрепившемуся в антропонимике.

Все рассмотренные процессы нашли отражение в материалах первых лексиконов и словарей.

Так, уже в Лексиконе Э. Вейсмана (1731 г.), в Российском Целлариусе (1771 г.) сделаны попытки разграничить слова *имя* и *прозвище* путем подбора различных синонимов: *имя* трактуется как название, наименование, *прозвище* как прозвание, дополнительное именование.

Первый Словарь Академии Российской однозначно определяет *прозвище*, но через синонимы: “Назвище, название, данное от какого-либо качества душевного или телесного, либо по какому-либо деянию”. Толковый словарь засвидетельствовал современное значение, ставшее терминологическим, и произошло это в конце XVIII века. Хотя следует отметить, что в лексикографических трудах еще в XIX

веке как бы “путались” слова *прозвище* и *прозвание* в представленном значении, что скорее всего связано с общей производящей основой глагола *прозвать* “назвать, дать имя, прозвище”.

В дальнейшем все лексикографические труды отмечают только современное значение слова *прозвище*: “**Прóзвище** – название, данное человеку в шутку, в насмешку и т.п. (обычно содержащее в себе указание на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности и т.п.)” (Словарь русского языка. В 4 т. М., 1984. Т. III; далее – МАС-2). Это же значение представлено и в Словаре ономастической терминологии: “Прозвище – вид антропонима, дополнительное, неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми” (Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978).

Лексемы *прозвание* и *проименование* уходят в пассив. Последнее в настоящее время лексикографическими источниками не отмечается; слово *прозвание* дается как устаревшее и областное (Ушаков. Т. III), или как устаревшее и просторечное (МАС-2. Т. III).

Смоленск

ПОЧЕМУ У РУССКИХ ИСЧЕЗЛО ВТОРОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ?

Ю.И. ЧАЙКИНА,

доктор филологических наук

Официальная формула именования русских представлена тремя компонентами: *личное имя – отчество – фамилия*. На Западе же в составе официальной модели именования обычны два и более личных имени – *Иоганн Себастьян Бах, Жан Батист Поклен, Анна Мария Моцарт, Эрих Мария Ремарк* и др.

Знакомство с документами далекого прошлого убеждает в том, что почти до XVIII века русские также в ряде случаев именовались двумя личными именами (Дозорная книга Вологды 1616–1617 гг. // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1; Дозорная книга Белоозера 1616–1617 гг. // Белоозеро: Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. Вып. 1; Писцовая книга Велико-го Устюга 1626–1627 гг. // Бысть на Устюзе: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993). Обычно в качестве первого выступало календарное (христианское) личное имя, в качестве второго – русское некалендарное, например: *Фетко Базука* (Вологда), *Титко Жаль* (Белоозеро), *Федко Гуца* (Великий Устюг), *Васка Шапок* (Великий Устюг) и др. Такого рода двуименность наблюдалась и в трехчленной и четырехчленной моделях именования, в составе которых помимо личных имен имелось полуотчество, а иногда и фамильное прозвание:

Ивашко Кошкар Иванов сын Чюриков, Ефрем Тулик Ондреев сын Горбатой и др. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2; далее – АСВР).

Некалендарные личные имена делились на две группы: внутрисемейные и прозвищные. Первые давались ребенку сразу после рождения. К числу их относились такие, как *Первушка, Вторушка, Третьяк, Ждан, Бажен, Шумилко* и др. Прозвищное имя получал уже взрослый человек. Оно указывало на какую-то заметную для окружающих черту характера, поведения, внешнего облика человека, именуемого *Бестужий, Бормот, Гуляйко, Мелень, Роспута* и др.

Внутрисемейные имена, как и христианские, могли занимать первое место в модели именования, например: *Баженко Балчюга, Первушка Выкус, Жданко Готовик, Третьяк Клаок* и др.

Появление в формуле именования второго дополнительного личного имени объяснялось ограниченным количеством активных календарных христианских и некалендарных внутрисемейных личных имен. В связи с ростом населения это приводило к частой одноименности, появлению большого числа тезок. Вторые дополнительные имена как раз и употребляются при наиболее активных календарных личных именах: *Ивашко Сосун, Иван Вьюк, Ивашко Шульга, Иванко Долгой, Иван Ципля* и др. (АСВР).

На Русском Севере двуименность наблюдается в самых ранних документах. В памятниках Кирилло-Белозерского монастыря она отмечена в конце XIV – начале XV веков: *Кузьма Андюшка, Филимон Ляпа, Нестерко Мямля, Харлам Мортка, Ермак Ковач* и др.

Интересны в этих документах модели именования, в составе которых вторые имена образованы от апеллятивов со значением предметов быта и продуктов питания: *Семен Пест, Гридя Щеть, Данило Блин, Ефим Окорок, Иван Сусло* и др.

Обращает на себя внимание группа вторых личных имен со значением “части тела человека”: *Дмитрий Очи, Иван Щека, Гневаш Губа Стогинин, Окунь Зуб, Гридя Нога Федоров, Иван Голова Семенов, Гридя Рыло, Иван Рука* и др. (АСВР).

Многие уроженцы окрестностей Белоозера в XV веке носили татарские имена, которые в составе формулы именования стояли чаще на втором месте, хотя в отдельных случаях они были единственными личными именами: *Гридя Тюбак, Евсюк Бакшей, Иевъ Кобяк, Бекют Останин, Бекен Слободин* брат *Коровая Слободина* и др.

Любопытны вторые “серийные” личные имена, которые восходят к существенным одной тематической группы, например, именования трех земледельцев Белозерского уезда, родных братьев Романовых: *Гридя Сапог Иванов сын Романов, Дмитрий Бацмак Иванов сын Романов* и *Юрья Чулок Иванов сын Романов* (АСВР).

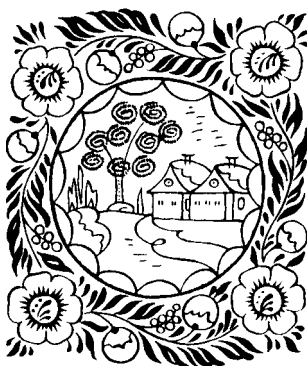
В чем же причина выпадения из формулы именования у русских второго личного имени? Основных причин две. *Первая* – связана с влиянием церкви, которая требовала использования в формуле именования только христианских личных имен, дополнительные же вторые имена были по преимуществу некалендарными. *Вторая* – обусловлена активизацией отчества – компонента полного именования, – которое отражало, с одной стороны, уважение к памяти родителей, а с другой, выступало юридическим знаком в установлении семейной наследственности.

Известно, что на ранних этапах развития восточнославянской антропонимической системы отчество являлось компонентом формулы именования только привилегированной части населения (вначале князей, а потом и их приближенных). После того как отчество становится устойчивым компонентом именования простых людей (в форме полуотчества), оно берет на себя и функцию идентификации личности, которую до него выполняло второе личное имя. Отчество стало выступать дополнительным различительным признаком именуемого.

Какой-то период существовали избыточные модели именования, в составе которых могли быть отмечены и второе личное имя, и полуотчество. Например: *Михалко Гневаши Микулин сын, Нифонт Лихач Клементьев сын, Микула Кот Ортемьев сын, Сенка Казак Григорьев сын* и др. (АСВР).

С активизацией отчеств вторые дополнительные имена не исчезают бесследно, статус их изменяется: они занимают третью позицию в модели именования и становятся фамильными прозвищами: *Васка Семенов Полежай, Потаня Степанов сын Стельной, Савко Степанов Оботур, Дмитрий Перфирьев сын Кокшар* и др.

Вологда

Как их по-уличному зовут?

Л.И. МАРШЕВА,

кандидат филологических наук

Этот вопрос часто можно услышать в деревнях севера Липецкой области, и касается он так называемых уличных, неофициальных, не документированных фамилий.

Наверное, нет в России места, где бы не жили тезки и однофамильцы. В подобных условиях носители языков – и особенно члены малых, замкнутых деревенских социумов – выработали богатую систему дифференциации лиц. Одним из наиболее специфичных ее звеньев являются *уличные фамилии*.

О таких антропонимах в ономастической литературе писали мало, и это во многом объясняет разногласия в терминах и в их понимании. Так, существует понятие *прозвищной фамилии* как неофициальной, образованной от прозвища (Шетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Ростов-н/Д., 1966; Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978). “Иногда употребляются своеобразные *прозвища-фамилии*, то есть именованья, данные в порядке прозвищ, но внешне оформленные как фамилии” (Зинин С.И., Суперанская А.В. О сборе антропонимического материала в СССР // Вопросы узбекской и русской филологии. Выпуск 412. Ташкент, 1971. Курсив наш. – Л.М.).

Некоторые исследователи антропонимы типа *Курихины* называют *семейными прозвищами* (Ванюшечкин В.Т. Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2). Многие ученые пользуются термина-

ми неофициальная, уличная фамилия (Исаева Т.А. Морфемные типы и география неофициальных фамилий Горьковской области // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3; Данилина Е.Ф. Фамилия в говоре // Лексика русского языка. Рязань, 1979) или уличные, неофициальные и подворные фамилии (Никулина З.П. Ономастические номинации семьи в русских говорах // Шестая конференция по ономастике Поволжья. Волгоград, 1989). Иногда термин *уличная фамилия* выступает в качестве синонима к *прозвищной, деревенской фамилии* (Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. М., 1984), а также существуют термины: *неофициальная, уличная, бытовая, изменяемая, сменяемая фамилия* (Королева И.А. Становление русской антропонимической системы. М., 2000).

Диалектный материал, собранный на севере Липецкой области, позволяет уточнить набор признаков, присущих уличным фамилиям.

Важно отметить, что строгое отнесение форм личных имен и прозвищ к средствам разделения тезок, а уличных фамилий – к способам различения однофамильцев, является условным, верным только в ряде случаев. Часто для того, чтобы отличить друг от друга людей с одинаковыми именами, им дают разные уличные фамилии: *Кáтя Вася́ткина – ихняя мать – Васю́тка* (Чаплыгинский р-н; далес – Чпл.). Однофамильцы же наделяются различными прозвищами или именами в разговорных формах: *Васи́лий Девя́ткин – Васька-Бу́туз – здоровый был, крепкий* (Чпл.); *Анато́лий Девя́ткин – Глазастый – глаза выпученные* (Чпл.).

Принципиально важным является то, что на современном этапе уличные фамилии стали феноменом исключительно деревенской ономастики, а раньше они бытовали и в городах (см. об этом подробнее: Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Избранные труды. М., 1994. Т. 2).

Неофициальные фамилии близки к семейно-родовым прозвищам: антропонимы обоих видов называют группу родственников и передаются по наследству. Однако номинативные единицы типа *Сáвкины – ихнего деда Савкой звали* (Чпл.) нельзя считать прозвищами прежде всего потому, что в большинстве случаев в них совершенно исчезает характеристическая функция (антропонимы превращаются просто в дополнительную, недокументированную, нейтральную фамилию), утрачивается желание выразить отношение коллектива к семье. То есть нормой является нейтральное употребление таких антропонимов: *Се́мён Гы́лин – “Гылин – это, как вторая фамилия, что ли, неругачая”*. Слово *гы́ля, гы́ля* от которого, вероятно, и произошел антропоним, у Даля означает “*рязанск. долга́й, жерда́й, долговязый*”; *Хоро́ших – их мать хорошая была, в теле – отседа и им, но их никто не дразнит – просто для различья* (Данковский р-н; далес – Днк.); *Чувьи́лины – на птичью похожа фамилия – вот и не ругательская* (Чпл.) – возможна

связь с *чувильн(к?)а* “волжск. птичка, птанка” (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Том I, IV; далее – Даль).

Прозвища по форме идентичны именам существительным, а рассматриваемые номинативные единицы структурно совпадают с обычными официальными фамилиями, имея те же форманты – *-ов/-ев-, -ин/-ын-, -их/-ых-*: *Кóчетовы* – *отец задиристый, как кочет, петух* (Добровский р-н; далее – Дбр.); *Спíцыны* – *дедова отца за худобу Спíцей прозвали* (Днк.); *Приблáжных* (Лебединский р-н; далее – Лбд.) – у В.И. Даля и в Словаре русских народных говоров: *приблáжный* – “блажной, малоумный, юродивый” и “благочестивый, скромный, притворяющийся” (архангельск., костром., уральск., донск.; Даль. Т. III; Словарь русских народных говоров; далее – СРНГ. СПб., 1997. Вып. 31).

При рассмотрении неофициальных фамилий закономерно возникает вопрос о соотношении их с официальными. В.К. Чичагов называл фамилией “наследственное наименование, переходящее из поколения в поколение: от отца или матери к сыну и дочери, от мужа к жене, или наоборот” (Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1958). Из этого определения следует, что подобные антропонимы указывают на принадлежность человека к семье, а любая документированная фамилия демонстрирует отношение к какой-то совокупности людей, ибо понятно: ее носят многие. Но данные критерии приложимы далеко не ко всем уличным фамилиям.

Во многих неофициальных фамилиях, действительно, содержится указание на принадлежность к группе родственников, однако есть такие антропонимы, которые называют только одного человека. Следовательно, можно выделить индивидуальные и групповые (коллективные) уличные фамилии: *Мáня Васíльева* – *отец ее* – *Василий* (Чпл.); *Кысúркина* – *у ней сестра гуляющая как кошка была – а к ней по-родственному Кысúркина и прилипло, она и не обижается* (Чпл.); *Брóнниковы* (Чпл.) – *возможно, от бронник* “мастер, делающий брони и вообще доспехи; *рязан. кузнец, оружейник, слесарь*” (Даль. Т. I); *Самóхины* – *наш дед Самоха был* (Чпл.).

Для индивидуальных уличных фамилий существенна следующая закономерность – большинство их образуется от форм личных имен: *Кáтя Амéлина* (Чпл.); *Паишкóв* – *деда звали Пашок* (Чпл.) – *Амеля, Лексаха* и *Пашок* являются формами соответственно *Амельян* (*Емельян*), *Алексей* и *Павел*.

Важнейший признак официальных фамилий – их наследственная передача. Многие уличные фамилии также переходят из поколения в поколение, но значительная их часть не передается от отца к сыну и т.д. Это во многом связано с полным забвением человека, именование которого лежит в основе уличной фамилии.

Таким образом, среди уличных фамилий можно выделить наследственные и ненаследственные. Верность этого тезиса подтверждается тем, что официальные фамилии представляют на современном этапе более или менее устойчивую систему. Недокументированные фамилии в значительной степени не стабильны, они постоянно рождаются и исчезают. Б.А. Успенский писал по этому поводу: «Они [уличные фамилии. – Л.М.] могут меняться от поколения к поколению и, тем самым, напоминают скорее прозвища – или, точнее говоря, так называемые “прозвищные отчества”, – чем фамилии в собственном смысле» (Успенский. Указ. соч.).

Исследователи уличных фамилий аргументированно говорят о том, что они образуются от имен, прозвищ, названия профессии и места жительства главы рода. Это можно подкрепить многочисленными примерами с севера Липецкой области: *Булдъжкины* – у всех ихних баб ноги были с шишками (Чпл.) – в рассматриваемых говорах апеллятив *булдъжки* имеет значение “некрасивые, толстые ноги”. *Гамаёновы* (Чпл.) – в СРНГ приводятся следующие значения употребляющегося во многих русских говорах слова *гамоюн, гамаюн, гомоюн* – “заботливый, усердный, трудолюбивый”, “активный, суетливый, бранливый, шумливый”, “имеющий дефекты речи”, “недовольный своей судьбой человек” (уральск., курск., пензенск., нижегородск. и др.; СРНГ. Вып. 6); *Акінькины* ← *Акінька* ← *Акіндин* (Дбр.); *Дарьянкины* ← *Дарьянка* ← *Дарья* (Чпл.); *Богомазовы* – *знать, иконы рисовали* (Чпл.); *Коновальчиковы* – *дед матери скотину лечил* (Чпл.); *Москвины* – *они недавно из Москвы к нам жить приехали* (Днк.).

Многие уличные фамилии в говорах севера Липецкой области образованы от отчества главы семьи: *Макарычевы* ← *Макарыч* (Чпл.), *Максімычевы* ← *Максімыч* (Чпл.).

В основе рассматриваемых антропонимов могут лежать и официальные фамилии, которые в этом случае видоизменяются: документированные *Мутовы* (Дбр.), *Рёвины* (Дбр.), *Рубанцовы* (Чпл.) и неофициальные *Мутькины* (Дбр.), *Ревянкины* (Чпл.), *Рубиновы* (Чпл.).

И, наконец, есть такие номинативные единицы, которые сразу возникают как необъясняемые жителями уличные фамилии: *Волчковы* (Чпл.), *Смолыны* (Дбр.), *Ходевы* (Дбр.). Надо отметить, что это явление новое в липецкой ономастике.

Приведенная классификация уличных фамилий в общих чертах схожа с семантическим и тематическим делением официальных фамилий. Так как описание последних не входит в задачи этой заметки, можно сослаться на авторитетное мнение О.Н. Трубачева, который считал, что “к фамилиям разных народов применима некая общая классификация: 1) фамилии от крестных имен; 2) фамилии от названий профессий; 3) фамилии от местных названий..; 4) прозвища в качестве фамилий” (Трубачев О.Н. Из материалов для этимологическо-

го словаря фамилий России. Этимология. 1966. М., 1968). Несомненно и совпадение морфологических и акцентных характеристик у неофициальных и документированных антропонимов данного типа.

Нужно отметить, что уличная фамилия человека, принадлежащего какой-либо семье, обычно употребляется вместе с именем называемого. Личное имя здесь является, как правило, нейтральным, имеет форму с самыми частотными суффиксами – данный факт свидетельствует о том, что в такой двухкомпонентной формуле главным, дифференциальным элементом становится именно уличная фамилия: *Та́нька Воло́дечкина* – ее мужа *Володечкой* зовут (Чпл.); *Ва́ня Пара́шкин* – мать *Парашкой* звали (Чпл.).

Иногда можно наблюдать параллельное функционирование прозвищ (личных и семейно-родовых) и уличных фамилий. Когда возникает потребность выделить лицо, употребляется индивидуальное прозвище, а когда надо указать на принадлежность человека к группе родственников, используется уличная фамилия (классифицировать контексты употребления семейно-родовых прозвищ и уличных фамилий не представляется возможным): *Аба́шкины* и *Аба́шка* – мать ихняя *несерьезная* (Чпл.) – апеллятив *аба́шка* встречается в диалектах изучаемой территории со значением “бесшабашный, беззаботный человек”.

Итак, на севере Липецкой области широко распространены неофициальные, уличные фамилии, способные выполнять дифференцирующую функцию, устраняя тем самым коммуникативные неудобства, связанные с тезоименностью и однофамильностью.

ИМЕННИК РУССКИХ БЫЛИН

З.К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

Русский былинный именник содержит интересные сведения о жанрово-стилистических нормах русской эпической традиции. Мы предприняли попытку систематизировать именник русских былин по записям А.Ф. Гильфердинга (Гильфердинг А.Ф. Онежские былины 1871 года. СПб., 1873) с использованием Указателя (Васильев Н.В. Указатель к онежским былинам Гильфердинга. СПб., 1909), обозначив ведущие линии стилистического использования имен персонажей и описав их структуру. Имена мужских и женских персонажей рассмотрены в сопоставлении.

Начнем с однокомпонентных былинных имен. В “Онежских былинах” их всего 86, в том числе собственно имен – 75, фамилий (патронимов) – 11.

Структура патронимов производна и включает в себя наряду с производящей основой-именем один из суффиксов *-ов*, *-ин*, *-ич*, *-ск*- и др.

Собственно однокомпонентных имен, лишенных обычных для них оценочных суффиксов, – 55 и производных – 20: Андронище, Блудище, Бурко, Ванюшка, Васенька, Васильюшко, Витвички, Воронко, Горын(ч)ище, Долгополяннн, Ондронище, Полешанин, Потанюшка, Поташенька, Сокольник, Угрюмище, Фомушка, Черкаленец, Шахматок, Шемаханский.

Среди производных имен антропонимов – 17, зоонимов – 3. Для мужских былинных имен обычны увеличительный суффикс *-ище*, подчеркивающий силу, мощь эпического персонажа, и антонимы с уменьшительно-ласкательным, а также уничижительным значением для персонажей низшего социального статуса либо зооперсонажей.

Однокомпонентные имена, как правило, не имеют лексико-фонетических вариантов, исключение составляет имя *Василий* (*Васенька, Васильюшко*).

Большим количеством лексико-фонетических, синонимических, структурных вариантов-характеристик, вариантов-описаний отмечены лишь имена богатырей: Кострюка (Кострюкович, Демьян Демьянович, Темнюк, Демрюк(ович), Мاستрюк, Мастрюк Чемерюкович, Кострюканович, Дебрюк Дебрюкович, черкаленец, черкашенин), Хотена (Хотин, Хотей, Котенко, Котенко Блудович, Блудов сын, Блудовской, Збудович), Чурилы (Чурилка, Чуришка, Шурило, Пленкович, Щапленикович, Шапа Пленкович), а также богатырского коня Бурко (бурушко, косматый, косматенький, косматушка, бурушка космоть'вич, маленький косматенький, маленький, кавурушка, мал бурушка кавурушка, сивушка-бурушка маленький косматенький, сизбурушко косматый).

Линия, связанная с богатырским конем, предстает особняком: в ней каждый вариант богато оснащен положительным эмоциональным “сопровождением”, это нежно-ласкательная характеристика былинного коня, неотделимого от любимых народных эпических богатырей. Это яркий образец персонажа “своего” мира.

Нечто иное обнаруживается в поэтическом оформлении имен Кострюка и Чурилы: здесь в создании вариантов не участвуют уменьшительно-ласкательные суффиксы или нанизывание эмоциональных эпитетов, призванных вызвать расположение к эпическому герою, подчеркнуть его достоинства. И сами варианты имен подчеркивают принадлежность их носителей к другому, чужому, миру. Поэтому неважно, как именуется персонаж – Кострюк или Темнюк, Мастрюк или Дебрюк: все они чужаки. Это может усиливаться и нарицательными заменами эпического имени, как в случае с Кострюком – Мастрюком – Дебрюком, которого называют потом просто черкаленцем, черкашенином. Сравним этноним *татары*, представленный фонетико-грамматическими вариантами *татарова, татарева, татаровя, татаровья, татаревья*, которые называются погаными, неверными, безбожными, т.е. также относящимися к “чужому” миру.

Однокомпонентных женских эпических имен, естественно, меньше – всего 26, причем 22 – собственно имена и лишь 4 – фамилии и отчества (Блудова, Давыдьевна, Панталовна, Сиверьянична). Более половины женских имен непроизводно. В составе производных имен выделяются суффиксы уменьшительно-ласкательной, интимно-оценочной, а также уничижительной семантики *-ушк-*, *-к-*, *-очк-*, *-ав-* (Устинушка – дочь Часовой вдовы, Владимирка, Семигорка – баба, Натальюшка – мать Соловника, Чернава – девушка и река, на ней женится Садко). В одном случае (Чернава) имя женщины совпадает с названием реки.

Рассмотрим двухкомпонентные (двусловные) былинные имена. Среди них мужских имен – 160; в том числе построенных по схеме: имя + отчество на *-ич* – 69; имя + фамилия на *-ин*, *-ов*, *-ск* – 16; имя + место (откуда родом) – 12, титул + место (откуда) – 21, имя + род деятельности, социальное положение (в форме приложения) – 19, прочие – 23.

В двухкомпонентных именах первого типа начальный компонент тяготеет к устойчивости, лишен разговорных вариантов. Исключение составляет имя Алексей, которое в своем полном виде приводится лишь в сочетании Алексей Михайлович (царь Московский), во всех прочих случаях – Алеша (собственно былинный вариант), Алешка (уничижительно в сочетании Алешка Баскаков, поскольку представляет дружину разбойника Ильи).

В двухкомпонентных былинных именах суффиксы с оттенками уничижения, пренебрежения отмечаются тогда, когда персонажи либо чужого, враждебного мира, либо низкого социального статуса: Алешка Баскаков (из дружины разбойника Ильи), Ванька Удовкин, Васька Белозерянин (товарищ Василия Буслаева), Гришка Баскаков (из дружины разбойника Ильи), Гришка Отрепьев (расстрига), Миклука Селягинович (служба Ставра), Митька кожевников (подвергнутый наказанию кнутом за кожу “большого быка”), Михалка из Вологды, Сенюшка маленький, Федька дьяк и т.д.

Так оценочные суффиксы в былинах оказываются семантически противопоставлены друг другу: суффиксы *-ищ-*, *-ушк-* в отличие от приведенных ранее служат для создания положительного эмоционального образа эпического героя, и это подчеркивается также оценочно-направляющими эпитетами: Аполонище славное, Иванушка Дубрович, Иванушко могучий и др.

С точки зрения вписанности в этническую культуру, отнесенности к своему и чужому миру, эпические имена-двучлены распределяются по-разному.

Глубоко связанными с этнокультурой и образующими ядро русского былинного именника являются двучлены, лишенные изоморфизма: в фамилии или отчестве, в имени и определяющем его эпитете-приложении имя не повторяется и нет оценочных аффиксов. Таковы, например, имена-двучлены: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Данила Игнатьевич – старый богатырь, Василий Игнатьевич – “голь кабацкая”, Ермак Тимофеевич – молодой богатырь, Иван Данильевич – двенадцатилетний богатырь, Косогор-богатырь, Лука-богатырь (которым, будучи в Святых горах, не случилось быть в Киеве в момент нападения Батыги) и др.

Им полярно противостоят изоморфные двучлены типа Батыга Батыгович, Ботиян Ботиянов, Вахрамей Вахрамесвич, Везвяк Везвякович, Демьян Демьянович. Уже своей структурой они сигнализируют

об их принадлежности к чужому миру, если не враждебному, то безразличному для эпического сознания.

Между этими полярными точками и располагается целая серия переходных типов, в разной степени и по-разному соотношенных со “своим” и “чужим” мирами. Принадлежность эпического героя к тому или другому миру отчетливо сигнализируется прежде всего языковыми средствами имени, его структурой.

По степени включенности в свой мир и роли в его защите двухкомпонентный мужской былинный именник можно выстроить так:

Илья Муромец (славен, Ильюшка, Ильюшенька, Илеюшка сын Иванович, крестьянский сын, начальный богатырь, несудимый, одно солнышко на небе – один богатырь на Руси, слуга верный князю); Добрыня Никитич (Никитинич, Микитинец, Микитин сын, названный брат Алеши Поповича, рода крестьянского); Алеша Попович (Олеша, поповский сын, Поповинец, названный – крестовый брат Добрыни); старые богатыри, которые отсутствуют в Киеве в момент нападения Батыги (обычно не участвуют в сражениях – Косогор-богатырь, Лука-богатырь, Святополк-богатырь), пахарь-богатырь (Викула Селягин, Селянинович); молодые богатыри, действующие и активные (Ермак Тимофеевич, Иван Данильевич); богатыри (Дон Иванович, Дунай Иванович, Мирюшка-богатырь, Самсон Самойлович, Сухман Долмантьевич), добрые молодцы (Иван Иванович – указывает кн. Владимиру вотчину Чурилы); молодцы; богатыри, хвастающиеся своей силой, но неспособные поднять “лежащую сумочку” (Колыван-богатырь, Муромлян-богатырь, Самсон-богатырь); братья, приходящие бороться с Кострюком (Андрей Андреевич, Василий Андреевич, Потапей Андреевич); князья, великие князья, благоверные князья (Астраханский, Афанасий Путятинский, Борис Борисович и брат его Митрий Борисович, местные князья (Бухарский), Карамышевский князь Иван, Роман Митриевич, Скопин Михаил); молодые боярины, боярские сыны (Дюк Степанович); казаки (Гребенские, Запорожские, Яицкие); царь грозный, прегрозный великий царь (Иван Васильевич); цари (“свой”, освобождаемые богатырями – Константин Боголюбovich); царевичи (Василий Иванович, Иван-царевич, Федор Иванович, Иван царевич – сын Ивана Грозного); мужики (Кемские, сражаются с Василием Буслаевичем и его дружиной); дружинники (Ванюша новгороджанин, Костя Белозерянин из дружины Василия Буслаева); богатый крестьянин (Петушков Роман); княженецкий сын (Федор Петрович из Очакова); короли (Бахмет Турецкий, Ботиян Ботиянов – король земли Сорочинской, Бухардов король, Бухарьский король, Литовский король – на его дочери женится Иванушко могучий, Литовский король – любовник жены Потяка, дядя Витвичков, тесть Гришки Отрепьева; Польский король, Прусский король, Шведский король); цари (Московский Алексей Михайлович, Бухарь царь замор-

ский, Волшан-царь, царь Вахрамей Вахрамеевич – отец жены Потыка, царь Везвяк Везвякович – жалует Щелкана Тверью, Водяной царь, царь Возвяк Таврольевич – зять Щелкана Дудентьевича, Галин (Калин)-царь, царь Иван Окульевич – любовник жены Потыка, Морской царь, Сантал-царь – побеждается Вольгой, убегает в Золотую Орду, Симеон-царь).

Этот список можно расширить, но основные симметрично-полярные знаковые фигуры “своего” и “чужого” миров русских былин – Илья Муромец и Идолище, кн. Владимир и Калин-царь – не изменяют своей системообразующей роли в общей картине. Середина между этими полярными точками заполняется причудливо переплетающимися вариантами имен.

Женских двухкомпонентных имен в “Онежских былинах” – 72, в том числе построенных по схеме: имя + отчество – 51; имя + патроним от титула (типа Настасья Королевична) – 6; имя + фамилия (Збудова вдова, Огородникова вдова) – 2; имя + место (Авдотьа Рязаночка, Пошозерочки бабенки, Упаво Татарска, Хупова Крынская, Лёмшозёрочки бабенки) – 5; имя + род деятельности (Елена волшебница, Марья Кишочница, крымская поляница – Марья Демрюковна) – 3; зоонимы (Подыни-голова, Унеси-голова-кобыла; Науй-птица – в нее обращается Вольга) – 3; прочие – 2.

В женском двухкомпонентном имени вариативны оба составляющих его компонента: и собственно имя, и его патронимическая часть, при этом оба стилистически нейтральны: они не содержат словообразовательных аффиксов с оценочным значением, исключают формы разговорной речи.

Редкое исключение из этого правила – былинное имя Марины Игнатьевны, не похожей на других былинных героинь: она казнит много народу, отравила многих, в том числе и девятерых богатырей, убила троих богатырей и т.д. Патронимическая часть ее имени аналогична соответствующей части имен представителей “чужого” мира в былинной поэтике (ср.: Кайдаловна, Кайдальевна), а собственно имя, варьируясь, включает в себя суффиксы оценки, используемые опять-таки в структуре имен либо представителей “чужого” мира, либо лиц более низкого социального статуса (ср.: Маринка, Маришка).

Функции жены, матери, дочери, сестры, любовницы строго закреплены за определенным кругом женских имен. Например, Омельфа Тимофеевна может быть только матерью. Но матерью разных былинных героев: то Добрыни Никитича, то Алеши Поповича, то Дюка Степановича, в зависимости от памяти сказителя, его владения эпическим материалом.

Вот каков именник жены Добрыни Никитича: Авдотьа Микулична, Василиса Никулична, Домна Александровна, Катерина Викулич-

на, Катерина Микулична, Настасья Викулична, Настасья Николаевна, Настасья Никулична.

Именник жены Алеши Поповича: Авдотья Микулична, Настасья Викулична, Настасья Никулична.

Именник любовницы Чурилы: Домна Александровна, Катерина Никулична, Катерина Микулична.

Матронимические связи некоторых основных былинных героев выглядят так.

Именник матери Добрыни Никитича: Елена Тимофеевна, Емельфа Тимофеевна, Ефимья Олександровна, Мальфа Тимофеевна, Мамельфа Тимофеевна, Намельфа Тимофеевна, Намерфа Тимофеевна, Омельфа Тимофеевна, Офимья Александровна, Степанида Обрамовна.

Именник матери Дюка Степановича: Амальфа Тимофеевна, Емельфа Тимофеевна, Мальфа Тимофеевна, Мамельфа Тимофеевна, Намельфа Тимофеевна, Нанерпа Тимофеевна, Настасья Васильевна, Омельфа Тимофеевна, Офимья Тимофеевна.

Именник матери Василия Буслаева: Мамельфа Тимофеевна, Намельфа Тимофеевна, Омельфа Тимофеевна, Офимья Александровна, Фетьма Тимофеевна.

В семейно-родственных связях любого былинного героя линии именника жены и матери отчетливо разграничены.

Петрозаводск

УХАЖЁР

Л.В. ИППОЛИТОВА

В XIX веке в орбиту “амурных” слов и оборотов втягивается глагол *ухаживать*. На основе своих значений “1 – иметь попечение о ком-нибудь или смотрение за кем-нибудь; 2 – увиваться около кого-нибудь, угождать кому-нибудь” он развивает еще одно: проявлять к женщине любовно-эротический интерес, добиваясь ее расположения. Пример находим уже в “Каменном госте” А.С. Пушкина:

[Лепорелло] Инеза! – черноглазую...О, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый!

В “Рассказе об отношениях Пушкина к Дантесу” сослуживца Ж. Дантеса по кавалергардскому полку А.В. Трубецкого (1813–1889), записанном с его слов в 1897 году, противопоставлялось жаргонное

военное *приударять* более распространенному *ухаживать* (Русская старина. 1901. Янв. – март).

Однако словари XIX века новое значение глагола *ухаживать* не отмечают. Его не зафиксировал и В.И. Даль.

Позже от этого значения было образовано существительное *ухажёр*, которое вошло в употребление уже в первые годы 20-го столетия. Так, оно фигурирует в рассказе Н.Н. Никандровича «"Ухажор" из Карантина» (Крымский вестник. 1903. № 76 от 22 марта). В названии оно взято в кавычки, но в самом тексте вместо него употребляется более привычное *кавалер*, так как слово *ухажор* было еще, по-видимому, совсем свежим неологизмом.

В лексикографической практике новое существительное зарегистрировал впервые редактор третьего издания "Толкового словаря" В.И. Даля акад. И.А. Бодуэн де Куртенэ – причем в двух формах: *ухажёр* и *ухажёр* "ухаживающий за девушкой или взрослой дамой, говорящий ей комплименты и т.п." (Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. 3-е испр. и знач. доп. изд. Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1909. Т. IV). – хотя соответствующего значения у глагола *ухаживать* И.А. Бодуэн де Куртенэ не учел.

Новообразование постепенно завоевывало популярность широких масс и резко неприятие ревнителей русского литературного языка. Конфликтующие взгляды подверглись рассмотрению и получили взвешенную оценку литературного критика А.Г. Горнфельда, который выступил в 1921 году на съезде учителей с докладом "Новые словечки и старые слова". Тонкий знаток языка, эстет А.Г. Горнфельд считал такие слова, как *ухажер*, *танцулька* "пошлыми", "глупыми и наглыми", однако признавал их право на существование: "Пошлость есть в этой жизни – это несомненно, но жизнь есть в этой пошлости – это гораздо важнее" (Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петрограде 5 сентября 1921 г. Пг. 1922). К сожалению, принятое в докладе неопределенное написание *ухажер* не позволяет судить о том, какой именно вариант слова имел в виду автор.

Но не следует думать, что существительное *ухажер* сразу получило широкое распространение. Известный языковед С.И. Карцевский, много занимавшийся новыми словами в русском языке начала XX века, отмечал появление в то время слов *дирижёр* и *паникёр* (Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М. 2000), но слово *ухажёр* не обратило на себя его внимания.

Несомненно, что только форма на *-ёр* фигурирует в обзорной статье Л.В. Успенского "Русский язык после революции" (1931). В ней объективизм А.Г. Горнфельда подвергся резкой критике. Позиция автора доклада была осуждена как "половинчатая", "отмеченная безнадёжным пассивно-популистским пессимизмом" (Slavia. Časopis

pro slovanskou filologii. Ročník X. Sešet 2. Praga, 1931). Однако, дистанцируясь внешне от А.Г. Горнфельда, свою точку зрения на рассматриваемые новообразования Л.В. Успенский оставил непроясненной.

Окончательно вариант на -ёр был закреплён Толковым словарем русского языка Д.Н. Ушакова: **“Ухажёр**, а, м. (простореч.). Мужчина, любящий ухаживать за женщинами, волокита” (М., 1940, Т. IV). При этом через отождествление с просторечным *ухажер* толкуется его разговорный синоним: **“Ухаживатель**, я, м (разг.). То же, что ухажер”.

Академик В.В. Виноградов, принимавший участие в редактировании словаря Д.Н. Ушакова, охарактеризовал это слово более жестко, назвав его вульгаризмом (Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938. Вып. II).

Сохранились записки ученого, посвященные истории существительного *ухажер*, изданные как статья (Виноградов В.В. История слов. М., 1999). В этом материале он с некоторыми колебаниями называет примерную дату появления слова в русском языке (самый конец XIX – начало XX веков) и отмечает своеобразие его морфологического строения, а также говорит о причинах неоднозначной оценки слова современниками.

Необычность структуры рассматриваемого образования заключается прежде всего в том, что к русской основе присоединяется иноязычный суффикс -ёр, “осознаваемый в таких заимствованных словах, обозначающих действующее лицо, как *режиссёр* (ср. *режиссура*), *дирижёр* (*дирижировать*), *хроникёр* (*хроника*), *репортёр* (*репортаж*) и т.п.”. Надо отметить, что из этих существительных собственно заимствованным является только *хроникёр* (фр. *chroniqueur*), остальные приобрели свойственное им в русском языке значение вкупе с конечным -ёр уже на русской почве, но сама тенденция, очерченная В.В. Виноградовым, остается актуальной до настоящего времени.

Слов, образованных в русском языке от исконных основ при помощи суффикса -ёр, пока немного и “эта единичность, раритетность образования *ухажер*, его несоответствие литературным нормам словопроизводства (...) вызывает представление о мещанской, неинтеллигентной, полукультурной социальной среде, в которой это слово сложилось” (Виноградов. Указ. соч.). В.В. Виноградов привел областной пример похожего сращения заимствованного суффикса с исконной основой: *“Воздыхатор* – ухаживатель, влюбленный. – Саратовск. губ.” И от этого образования, – подчеркивал В.В. Виноградов, – веет духом мещанской претенциозности. Именно такие слова Пушкин связывал со стилем “дурного общества”, «в самом методе образования этого слова есть претенциозность, как бы потуги на “европеизм”. Само собой разумеется, что слово *ухажёр*, возникает и употребляется как слово в высшей степени экспрессивное» (Там же).

Но в настоящее время острота этого ощущения постепенно приглушается. Например, “Большой толковый словарь русского языка” приводит данное существительное с пометой *народно-разговорное* (СПб., 1998), а “Толково-словообразовательный словарь” Т.Е. Ефремовой рассматривает его как просторечное, но не как вульгарное (Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 2). Слово начинает переключиваться из бытового употребления в сферу литературного языка. Так, оно нашло место в переводе комментария В. Набокова к роману “Евгений Онегин”: “...Имей я доступ к пушкинским рукописям, возможно, мне удалось бы дать более полную и отчетливую картину того, как в них отражается Пушкин – отвергнутый ухажер и Пушкин – художник” (Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Пер. с англ. СПб., 1998). Помимо того, что в данном контексте слово *ухажер* является анахронизмом, его стилистическая уместность здесь также вызывает сомнения.

Как бы то ни было, образование *ухажер* получило права гражданства и прочно обосновалось в языке. Об этом свидетельствует, в частности, наличие новообразований от него: *ухажер-к-а*, *ухажер-ств-о*, *ухажер-ск-ий*.

Московская область,
Орехово-Зуево

Читая В.И. Даля

В валентиновом халате с парламентаром на шее

З.А. НОСКОВА

кандидат филологических наук

В нашем сознании Владимир Иванович Даль – великий толкователь слов, но в текстах его собственных произведений встречаются порой такие загадочные слова, которые раскрыть не может помочь даже знаменитый “Толковый словарь живого великорусского языка”. И не случайно, очевидно, они появляются в далевских сказках, когда сам жанр предполагает наличие чего-то необыкновенного.

Сказки В.И. Даля вышли в 1832 году под названием “Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пятак первый”.

В этой заметке речь пойдет о первой, наиболее известной “Сказке О Иване, Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища” (Даль В.И. Полн. собр. соч. СПб.-М., 1898. Т. 9). Здесь обильно используется пословично-поговорочный материал. В начале повествования автор предупреждает: “... а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного не пугается”, – тем самым подготавливая читателя к особой форме изложения: “в некотором самодержавном царстве (...) жил-был царь Дадон Золотой Кошель. У этого царя было великое множество подвластных князей (...) да стросового боевого войска Иван, Молодой Сержант, Удалая Голова, без роду, без племени, спроста без прозвища. Его-то царь Дадон любил за верную службу его, и жаловал неоднократно большими чинами (...) Таковая милость царская подвела его под зависть вельмож и бояр придворных ...”. И задумал Иван бежать из службы царской, но на первом же перекрестке увидел прекрасную девицу Катерину, и вернулся. И снова зажил он припеваючи, “и снова стал лукавый мучить завистью правдолюбивых, сердобольных министров царских”. И предложили они, чтобы Иван, по крайней мере, заслужил милость царскую. Для этого, как водится в сказках, Ивану предстояло выполнить три задания.

На чудеса, устроенные Иваном, вышел посмотреть “губернатор граф Чихирь, Пяташная Голова, в легком ночном уборе, в валентино-

вом халате, с *парламентером* на шее, походя с ног на горного шотландца, выскочил из терема своего в три *авантажа* на *балахон* и старался усмотреть в *подозрительную* трубу подступающего неприятеля”.

Исследователь прозы Даля Ю.П. Фесенко слова *балахон* и *подозрительная* относит к переосмыслениям в духе народной этимологии, “что дополнительно диалогизировало текст. Читателю как бы предлагались загадки для разгадывания” (Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. Луганск, 1999). С этим можно согласиться, если речь идет о *подозрительной* трубе, но *балахон* вместо ожидаемого *балкон*, как и *авантаж* вместо *этаж*, – это, на наш взгляд, просто замена нового в народной среде слова более известным (без этимологизирования) или просто игра словами, намеренная путаница.

Но в исследуемом отрывке для внимательного читателя есть и другие загадки. Что такое *валентиновый халат* и *парламентер на шее*, о которых исследователи умалчивают? Очевидно, здесь также используются более понятные, бывшие на слуху слова вместо новых заимствований.

Вне сомнений, *валентиновый халат* – это халат из левантина, левантиновый халат. Ткань *левантин* известна с XVIII века. Одна из первых письменных фиксаций отражает более раннюю форму *левантан*: “Разных шолковых матерей, как атласов, тафт, левантанов и прочаго на 526 рублей на 25 копеек” (Картотека Словаря русского языка XVIII в. 1788).

Название *левантин* произошло от французского *levantine*, итальянского *Levante* “Восток”, восходящего к латинскому *levans*, род. п. ед. ч. *levantis* – поднимающий, то есть та часть света, где восходит солнце.

Как считают исследователи, ткань получила распространение в XVIII – первой половине XIX века. В XVIII веке мода требовала четкого силуэта в одежде, который создавался при помощи тяжелых плотных тканей, каким и являлся левантин. Во второй половине XIX века сфера применения левантина стала сужаться (одежда купечества, богатого крестьянства, духовенства), а к концу века исчезла совсем, что повлекло за собой и прекращение производства ткани (Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. М., 1995).

Ткань была, очевидно, популярной, что нашло отражение в собранных А.И. Соболевым великорусских народных песнях:

Приноси добра не мало:
На два платъица поплину,
На салончик левантину,
Еще ситчику кусочек,
Да синелевый платочек,
Со правой руки колечко...

(Великорусские народные песни. Собранные А.И. Соболевским: В 7 т. СПб., 1895–1902. Т. 4).

Левантин встречается в произведениях И.С. Тургенева, П.И. Мельникова-Печерского, в мемуарной прозе об эпохе XVIII – первой половине XIX веков.

По всей вероятности, в сказке Даля *левантиновый (валентиновый) халат* должен характеризовать лицо определенного социального положения – губернатора.

И наконец, что же такое *парламентер на шее*? Попытаемся высказать предположение, притом весьма осторожное.

Что может быть на шее у губернатора, когда он одет в халат, но пытается выглядеть официально? Возможно, подразумевается *пластрон* – туго накрахмаленная грудь рубашки, которую носили с фракком или смокингом. "... Во второй половине XIX века название *пластрон* переходит сначала на галстук с очень широкими концами, полностью закрывающими рубашку в вырезе жилета, и почти одновременно на рубашку с туго накрахмаленной грудью" (Кирсанова. Указ. соч.). И еще одна деталь: пластрон мог быть съемным, "носить съемный пластрон для претендующего на безупречность наряда мужчине было довольно рискованно – пластрон мог начать существовать отдельно и от фрака, и от своего владельца" (Там же). Может быть, именно такой "самостоятельный" пластрон и был на шее у графа Чихиря? А возможно, просто речь идет о белом платке, с которым полагалось быть парламентеру (ведь палили пушки и надо было что-то делать)?

Думается, загадок, подобных *валентиновому халату*, Даль приготавливал немало, они ждут заинтересованного, вдумчивого читателя.

Луганск,
Украина

Читая В.И. Даля

Фразеологизмы в “Толковом словаре живого великорусского языка”

О.Н. ИГНАТЕНКО,

кандидат филологических наук

Языковые единицы, которые сейчас считаются фразеологизмами, во времена В.И. Даля назывались по-разному: *поговорки, приговорки, пословицы, афоризмы*. Когда В.И. Даль создавал свой знаменитый “Толковый словарь живого великорусского языка”, теория фразеологии не была разработана, хотя еще М.В. Ломоносов говорил о *фразисах* и о необходимости их изучения. Термин *фразеологизм* не зафиксирован в Словаре Даля вообще, а термином *фразеология* Даль предлагал называть “учение о фразах” – оборотах речи, украшающих ее (сравнениях, эпитетах, метафорах).

Основными характеристиками рассматриваемых единиц являются однословность, относительная устойчивость на лексическом и грамматическом уровнях, частая повторяемость, общезвестность и воспроизводимость в речи в готовом виде. Все единицы с такими качествами, приведенные в Словаре, входят в состав русской фразеологии в современном ее понимании; одни – в ее ядро (идиомы), другие – в периферийную часть.

Большинство фразеологических единиц в Словаре относится к пословицам и поговоркам, различие между которыми четко понималось современниками Даля. *Пословица* – единица структуры предложения, “краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора, {...} не сочиняется, а рождается сама”. Пословица может иметь два плана (прямой и переносный): *Велик пень, да дуляет* – кто-либо имеет представительный внешний вид, но не отличается высокими моральными качествами (или: не по размерам надо судить о ком-чем-либо); *Каково аукнется, таково и откликнется* – как ты сам ведешь себя по отношению к другим, так и другие будут к тебе относиться. У пословицы может быть только прямой план: *Друзья познаются в беде*. Наконец, в ней могут совмещаться прямое и переносное значения: *Пусти душу в ад – будешь богат* – богатство можно нажить несправедливым путем.

Поговорка – “складная короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы, поучение, в принятых, ходячих выражениях; условный оборот речи...”. Под поговорками Даль понимал самые разные единицы, обладающие и структурой предложения: *От*

копеечной свечки Москва сгорела – ничтожное обстоятельство стало причиной ужасного события; и структурой словосочетания – *Как свишня в апельсинах* (не знает толк, не разбирается), *до анчутков* (допился); выступающие в прямом значении – *Не лечит аптека* – калечит; или в переносном – *Овчинка выделки не стоит* – дело не стоит хлопот. Приводятся в Словаре и словосочетания, частично переосмысленные: *аредское дело* – злое, ужасное дело; *аспидская злоба* – страшная по своей силе злоба.

Даль отбирал самобытные, уникальные слова и выражения, отражающие наиболее актуальные понятия окружающей действительности, реалии русского быта, например *грош, полушка, алтын, копейка, рубль* – *За морем телушка полушка, да рубль перевозу*; *Гроша не стоит, а глает рублем*; *В гроши не ставить*. Русские меры длины – *Аршин проглотил*; *Не под версту тебе* (не ровня тебе). Русские кушанья – *Щи да каша – пища наша*. Предметы русского быта – *гроб*, или *домовина, домовище* – эти слова иллюстрируются большим количеством фразеологизмов: *Дома нет, а домовище будет*; *На чужбинке словно в домовинке*; *Дом строй, а домовину ладь* (помни о смерти); *Возьми себе на домовину* (то есть на гроб – так говорят вору или обидчику).

Фразеологизмы выражают определенную философию, мировоззрение, отношение к действительности: *Аз да буки не избавят от муки* (образованность еще не есть счастье); *Аптека убавит века* (недоверчивость к официальной медицине); *Бабу бей, что молотом – сдelaешь золотом* (отношение мужа к жене). Ученые самаркандской фразеологической школы в 1960-х годах подсчитали, что огромное большинство русских фразеологизмов отражает те жизненные ситуации, которые вызывают у говорящих отрицательное отношение, горечь и досаду. Словарь Даля подтверждает это в полной мере: *Хлеб да вода – русская еда* (или *солдатская, бурлацкая еда*); *Жнут порою, а едят с водою*; *Богато живут – с плота воду пьют*. Такой русский порок, как пьянство, вербально представлен фразеологизмами: *Пошел черт по бочкам* (началась безобразная попойка); *Пить мертвую чашу*; *Пить до дна – не видать добра*; *Век жить – век пить*. Фразеология чаще называет и характеризует отклонения от нормы в худшую сторону, а положительные явления (типа *ума палата*), отражены в Словаре гораздо меньше. Фразеологизмы в большинстве своем, объединяясь в смысловые классы, участвуют в формировании картины мира русской национальной личности. Например, такая признанная всеми исследователями черта русского национального характера, как религиозность, православие и связанные с ними поиски высшей правды, проявляется во фразеологических единицах: *Бог простит*; *Бог дал, Бог взял*; *Бог вам судья*; *Нет Бога*; *Нет креста* и др.

В Словаре много фразеологизмов со словом *брат* – братство по духу, по вере, а не по крови, особенно ценилось на Руси; *брат кресто-*

вый (“обменялись крестами”), *брат по духу* (с кем вместе говел, исповедывался), *братья по свече* (“покупают свечу в складчину и держат поочередно во время службы”).

Если уж говорить далее о терминах родства, то большая роль во фразеологии отводится отцу: *отец родной* (о заступнике, покровителе); *За лихого батьку хоть две матки отдать*.

Диалектных фразеологизмов в Словаре очень мало, однако можно назвать некоторые из них: *абдраган взял* (казан., оренбург.) – страх, испуг взял; *дать дуба* (южнорусск.) – умереть; *поднести арбуз* (южнорусск.) – отказать жениху.

Имеются в Словаре В.И. Даля и арготические фразеологизмы. Из разбойничьего языка здесь приводятся: *дуван дуванить* – делить добычу; знаменитый клич *сарынь на кичку!* (*сарынь* – толпа, *кичка* – нос судна, это приказ разбойников, грабителей бурлакам, гребцам убираться на нос судна, выдав хозяина и его товар, за что им сохраняли жизнь).

Не будучи филологом, В.И. Даль проявил исключительное языковое чутье при распределении фразеологического материала по лексическим статьям. Так, к слову *аз* (буква) Даль привел устойчивые единицы: *Сидеть на азах* – начать учиться, но не суметь продолжить учебу; *прописным азом* (ноги растопырил). Одна и та же единица может встретиться в разных словарных статьях: *Атаманом артель крепка* – приводится и на слово *атаман*, и на *артель*, так как тут важны в смысловом отношении оба слова. *Анютинны глазки* помещены на слово *Анна*; *пастушьи сумки* на слово *пастух*.

Интересны фразеологические иллюстрации к союзам, например – в статье о союзе *а*: *Широк путь в тюрьму, а из тюрьмы тесен*. Идея противопоставления здесь выражена чрезвычайно образно.

В Словаре Даля представлен богатейший материал для фразеологических словарей, для различных фразеологических исследований, особенно для изучения внутренней формы словосочетаний.

Тверь

Разноструктурные предложения

В. Г. ЗДАНКЕВИЧ

Причиной пунктуационных ошибок иногда является неумение различать простые и сложные предложения, а также сложные союзные (сложносочиненные, сложноподчиненные) и бессоюзные предложения.

Чтобы безошибочно определить, какое перед вами предложение, предлагаем следующие рекомендации.

Как определить – простое или сложное предложение?

Следует выяснить, сколько в предложении сказуемых:

1) одно сказуемое – это простое предложение

(Посреди поляны *стоит* молодой дуб);

2) два (несколько) сказуемых, у которых есть одно общее для них подлежащее – это простое предложение с однородными сказуемыми (Солнце *взошло* и *осветило* мир. Дождь то *начинал* хлестать, то *переставал*, то снова *лил* как из ведра);

3) сказуемые не имеют одного общего для них подлежащего – это сложное предложение

(*Взошло* солнце, и всё *подтаяло*. *Наступил* осенний вечер, и *стало* мрачно и очень *тоскливо*).

Как определить вид сложного предложения?

Надо выяснить, каким способом части сложного предложения объединены в сложное:

1) части предложения равноправны по смыслу и связаны сочинительным союзом – это сложносочиненное предложение

(Сверкнула молния, и вслед за этим послышался удар грома. Начиная темнеть, и на небе зажигались звезды);

2) одна часть предложения подчинена другой и связана с ней подчинительным союзом или союзным словом – это сложноподчиненное предложение

(Когда туча пролилась, выглянуло солнышко. В жизни каждого человека бывают такие случаи, которые никогда не забываются);

3) части предложения связаны по смыслу и не соединяются одна с другой союзом – это бессоюзное сложное предложение.

(Птички солнышка ждут, птички песни поют. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Лес рубят – щепки летят. Ложится в поле мрак ночной; от волн поднялся ветер холодный).

**К переизданию
Словаря Академии Российской
1789–1794 гг.**

*До какого бы цветущего
состояния довели россияне
литературу, если бы познали
цену языка своего.*

Е.Р. Дашкова

Отделение литературы и языка РАН и Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой приступили к переизданию уникального памятника отечественной лексикографии конца XVIII века – знаменитого Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. (САР). В этой работе также участвуют ученые-лексикографы Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и специалисты по компьютерной обработке текстов МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Как известно, 21 октября 1783 года Екатериной II был подписан указ о создании Академии Российской во главе с Е.Р. Дашковой, и первым шагом на пути ее практической деятельности как президента Академии стало создание первого толкового Словаря русского языка. Личный патронаж императрицы возводил работу над Словарем в ранг общегосударственного дела. К созданию САР были привлечены выдающиеся люди своего времени: виднейшие писатели, экономисты, историки, географы, естествоиспытатели, физики, математики, представители духовенства. Среди авторов словарных статей – Г.Р. Державин и Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков и Я.Б. Княжнин, астроном П.Б. Иноходцев, физик С.Я. Румовский, медик А.П. Протасов, президент Академии художеств А.С. Строганов и многие другие.

Е.Р. Дашкова с большой ответственностью отнеслась в возложенной на Академию миссии. Чтобы пресечь ропот сомнений по поводу необходимости данного предприятия, она писала: “Большая часть соотечественников наших не знает своего языка, и неизвестному кому-то кажется, что и исправление оно не нужно. Но нам должно противостоять насмешкам и невежеству и с прилежностью продолжать предпринимаемое нами”. Для организации работы коллектива составителей были созданы четыре отдела: 1) отдел для выработки правил и порядка составления словаря; 2) грамматический – для определения грамматических характеристик слова; 3) объяснительный – для выработки толкований, отнесения слова к той или иной корневой группе; 4) издательский. Работа продолжалась 11 лет, а издание осуществлялось с 1789 по 1794 годы.

Представляемое переиздание воспроизводит первоначальный текст САР 1789–1794 годов. Это наборное издание факсимильного типа с исправлениями и дополнениями. При воспроизведении текста были использованы современные технологии компьютерной обработки материала, разработаны специальные шрифты, полностью идентичные шрифтовому решению САР. Главным принципом работы было бережное отношение и минимальное вмешательство в текст Словаря. Благодаря этому полностью сохранен внешний вид текста XVIII века: стилевые особенности прямого и курсивного начертания букв, графические элементы оформления страниц, столбцов, абзацев, строк, пагинация и ее элементы, интервалы между словами в составе словарной статьи.

К отличиям данного издания от оригинала 1789–1794 годов следует отнести наличие в тексте переиздания исправлений незамеченных ошибок, допущенных в оригинале XVIII века. Эти ошибки и опечатки были в большинстве своем уже подмечены и исправлены неперменным секретарем Российской Академии наук И.И. Лепехиным еще в 1801 году, когда была осуществлена исправленная и дополненная допечатка 1-го тома САР. Все зафиксированные при настоящем переиздании ошибки, опечатки и исправления сведены в таблицу и представлены в конце 1-го тома. Подобные таблицы будут в конце каждого выходящего тома. Издатели сочли также возможным допустить минимальную унификацию пунктуации в грамматических пометах, в заголовочной строке и обозначениях источников, где различные варианты разделителей (запятая, двоеточие, точка с запятой) заменены точкой в соответствии с закономерностями издания. Кроме того, восстановлена пропущенная или дефектная нумерация значений.

Замеченные текстовые неточности и пояснения к ним приведены в конце каждого тома в виде сводной таблицы (в квадратных скобках), но исправления в текст самого словаря при этом не вносились.

Переиздание рассчитано на три года, в шести томах. Планируется издать также дополнительный, справочный 7-й том Словаря с полным прямым и обратным словниками, со сводными таблицами выявленных расхождений и текстологическими комментариями.

В 1-м томе содержится вступительная часть, состоящая из нескольких разделов. Издание открывается обращением к читателям Академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН академика Е.П. Челышева и ректора Московского гуманитарного института имени Е.Р. Дашковой Л.В. Тычининной.

В статье “О переиздании Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.” члена редколлегии издания Ю.Н. Филипповича сформулированы основные цели и принципы переиздания Словаря, содержится информация об особенностях компьютерного набора и сведения об электронной версии САР.

Статья главного редактора издания Г.А. Богатовой, озаглавленная “Е.Р. Дашкова и словарь ее эпохи. XVIII век – взгляд из XX века”, имеет обобщающий, обзорный характер. Автор подробно останавливается на обстоятельствах, предшествовавших созданию Словаря, а также приводит важные факты, характеризующие состояние филологической науки в переломные моменты истории России.

Раздел “Российскому слову отличную пользу принесшему” будет присутствовать в каждом из шести томов. Этот раздел посвящается тем членам Императорской Российской Академии, которые наиболее отличились “трудами и пользою” в деле создания Академического словаря и были награждены специально учрежденной золотой медалью с выгравированными вышеприведенными словами. В первом томе этот раздел посвящен Е.Р. Дашковой.

Компьютерный набор текста САР позволил создать две версии словаря: книжную (шесть томов) и электронную (лексикографическая информационная система – ИС САР). Основу ИС САР составит словарная база данных, туда будут также включены списки всех словоформ (прямой и обратный словники), словоуказатели, тематические выборки, указатель источников, биобиблиографический справочник. Планируется ввести в ИС САР тексты научных публикаций, исследования, альбом-справочник о создателях словаря.

Техническая идея, разработка и создание двух версий словаря – заслуга заведующего кафедрой МГТУ им. Н.Э. Баумана Ю.Н. Филипповича.

Научную лексикографическую и текстологическую подготовку к изданию, составление сводных таблиц исправлений осуществила М.И. Чернышева.

Первое научное переиздание Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. – это свидетельство преемственности поколений носителей русского языка и дань глубокого уважения начинателям словарного дела в России.

М.В. Пржевальская

Русский язык на рубеже тысячелетий

Впервые в г. Иваново на базе Ивановского химико-технологического университета в конце прошлого года состоялась Международная студенческая конференция “Русский язык на рубеже тысячелетий”. 2001-й год был не только первым годом нового столетия, третьего тысячелетия, но и годом языков мира по решению Совета Европы. Этому большому событию и была посвящена лингвистическая студенческая конференция. Примечательно то, что она проходила в техническом высшем учебном заведении, ведь одной из целей этого мероприятия было привлечь внимание к проблемам русского языка именно студентов-нефилологов, в учебные планы которых вошла новая дисциплина “Русский язык и культура речи”.

Идея проведения такой конференции нашла широкий отклик: оргкомитетом конференции было получено более 120 заявок на участие от студентов и аспирантов из стран ближнего и дальнего зарубежья (Финляндии, Югославии, Болгарии, Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана), крупных городов России (Москвы, Петербурга, Уфы, Екатеринбурга, Волгограда, Владимира, Магнитогорска, Сургута, Курска). Активное участие в конференции приняли иностранные студенты, а также аспиранты, обучающиеся в вузах России, в том числе в Иваново, и представляющие такие государства, как Китай, Монголия, Вьетнам, Сирия, Пакистан, Палестина, Непал, Сенегал, Камерун и др.

Программа конференции включала как пленарное, так и секционные заседания. В пленарных докладах затрагивались различные аспекты функционирования русского языка и вопросы речевой культуры в обществе: геополитическая ситуация в нашей стране и деятельность Фонда мира по укреплению позиций русского языка

(Г.А. Кузьмина), слово как элемент духовной культуры нации (игумен Августин), техника речи и владение ею как эффективным средством успешной коммуникации (актер В.А. Александровский), место языка в электронных и печатных СМИ (Н.Б. Егошина). Вопросам обучения русскому языку иноязычной аудитории, в инокультурной среде, проблеме мотивации при изучении русского языка как иностранного и др. были посвящены доклады преподавателей и студентов.

В секции “Слово и текст в системе русского языка” большое количество докладов было сделано о русской фразеологии. В одних из них рассматривались общие проблемы фразеологической семантики, в других описывались тематические группы фразеологических единиц в литературных произведениях и газетных публикациях. Прозвучали также доклады, посвященные анализу языка художественного текста (на материале прозы И. Тургенева, В. Набокова и др.), русского фольклора и т.п.

В секции “Динамика языковой нормы и современная речевая культура” активно обсуждались изменения в общественной языковой практике, лексико-стилистические новации в современном русском языке, их проявления в информационных жанрах. Особое внимание было уделено выявлению социолингвистических причин языковой эволюции. Большой интерес вызвали доклады, в которых исследовались особенности “модной коммуникации” (молодежный сленг, англо-американские заимствования, рекламные слоганы, новое фразсотворчество, языковая игра и др.), а также отдельные аспекты современного делового общения (в частности, телефонные переговоры). В ряде докладов были затронуты вопросы сравнительно-исторической риторики, описаны различные “речевые каноны”, сформировавшиеся в античности, в советский период истории России (так называемый “новояз”), а также в современную эпоху социально-экономических преобразований и формирования новой парадигмы культуры.

Своеобразие третьей секции – “Русский язык как средство межнационального общения” – заключалось в том, что конкретные явления языка и речи были представлены как часть духовной культуры народа, в том числе на материале литературно-художественного творчества. Прозвучавшие здесь доклады охватили довольно широкий круг проблем межкультурной коммуникации, которые рассматривались в лингвистическом, философском, культурологическом и психолого-педагогическом аспектах. Обсуждались такие вопросы, как взаимодействие языка и культуры, своеобразие “языкового мировидения” народа, достижение эффективности речи в условиях диалога культур, национально-культурная специфика невербальных средств общения, проблемы концептуальной семантики, интерпретации текста и сравнительно-сопоставительного анализа языков.

В рамках конференции состоялся семинар преподавателей кафедр русского языка нашего города, на котором шел разговор о реализации Федеральной целевой программы “Русский язык”, об основных направлениях деятельности РОПРЯЛа, о новой вузовской дисциплине “Русский язык и культура речи” и других актуальных вопросах преподавания русского языка.

Л.Н. Михеева,
кандидат филологических наук,
Е.В. Атаева
Иваново